

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сборник статей молодых исследователей по материалам
Международной научно-практической конференции
9 апреля 2021 г.

Санкт-Петербург
2021

УДК 34.096
ББК 67.0, 67.4, 67.9

Рецензенты:

Алешина Александра Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Игнатьева Марина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Сборник статей молодых исследователей подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-00770 «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

К82

Кризисные явления в праве: теоретические и практические вопросы их преодоления : сборник статей молодых исследователей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 9 апреля 2021 г. / Сост. и ред. А.А. Дорская, В.А. Косовская, Н.И. Алексеева. – СПб.: Астерион, 2021. – 146 с.

ISBN 978–5–00188–059–2

В сборнике публикуются научные статьи участников молодёжной секции Международной научно-практической конференции, посвящённой анализу теоретических и практических вопросов, связанных с возникновением кризисных явлений в праве и способами их преодоления. Рассматриваются различные правовые инструменты, позволяющие выйти из кризиса. Издание предназначено для преподавателей, аспирантов, магистров и практиков, интересующихся проблемами развития права.

ISBN 978–5–00188–059–2

© Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный
университет правосудия», 2021

Оглавление

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ

<i>Ахундова Л.Г.</i> Принципы права как базовые регуляторы правоотношений с позиции научно-обоснованной концепции интегративного правопонимания	5
<i>Усольцев Е.Ю.</i> Недостатки правового регулирования как причина злоупотребления правом	10
<i>Феодорова М.Х.</i> Воззрения на кодификацию как способ преодоления кризисных явлений в праве в российском правоведении второй половины XIX – начала XX вв.	15
<i>Иванова В.А.</i> Кризис правового регулирования освоения нефтяных месторождений российской Арктики в начале XX века	21
<i>Илюшкин М.В.</i> Проблемы влияния судебной практики на правотворческую деятельность	29
<i>Кулюкин А.А.</i> Институт военной полиции русской армии в условиях кризиса самодержавия с 1915 до начала 1917 гг.	33
<i>Хожимуродова Д.Т.</i> Некоторые правовые вопросы защиты прав женщин в Республике Узбекистан	42
<i>Семенова А.Д.</i> Сделки слияния и поглощения как способ преодоления экономического кризиса	47
<i>Честнов А.И., Яроцкий В.А.</i> Сайт «Арктическое право Wiki» как средство совершенствования арктического права	57

РАЗДЕЛ II. ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

<i>Кадырова Л.А.</i> Преодоление кризисов в семейном праве в вопросах установления, происхождения внебрачных детей в Российской империи	64
<i>Исаев С.С.</i> Принцип НОНД как одно из кризисных явлений в судопроизводстве по уголовным делам и делам об административных правонарушениях	69

<i>Мищенко А.Ю., Юнусов А.М.</i> Судебная защита жилищных прав граждан на примере дел о признании прав граждан утратившими право пользования жилыми помещениями	78
<i>Кирсанова Д.Д.</i> Отвод судьи в гражданском процессе. Кризисная фикция или действующий механизм?	82
<i>Ларин В.Н.</i> Биосоциальная теория личности преступника: проблемы, решения, возможности	90
<i>Кашаева А.А.</i> Основания и пределы автономии спорта	100
<i>Затула Е.А.</i> Спортивная медиация и перспективы ее развития в Российской Федерации	116
<i>Ветрова Е.Г.</i> Применение спортивным арбитражным судом доктрины правомерных ожиданий субъектов спорта	130
<i>Кузьмина-Крутецкая А.М.</i> Признание COVID-19 профессиональным заболеванием для медицинских работников	136
КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ	144

РАЗДЕЛ I.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ПРАВЕ

Ахундова Л.Г.

Принципы права как базовые регуляторы правоотношений
с позиции научно-обоснованной концепции
интегративного правопонимания

Аннотация. В статье освещен подход к пониманию принципа права с позиции научно-обоснованной концепции интегративного правопонимания в контексте научной мысли д.ю.н., профессора В.В. Ершова.

Ключевые слова: принцип права, право, закон, правотворчество, интегративное правопонимание

Principles of the Law as the Basic Regulators of Legal Relations from
the Position of Scientifically-Based Conception of Integrative Legal
Understanding

Abstract. The article reflects understanding of principles of the law from the position of scientifically-based concept of integrative legal understanding in the context of scientific thought of V.V. Ershov, Dr. Sci. (Law), Professor.

Keywords: the law principle, right, law, law-making, integrative law understanding.

Вопрос значения и места принципов права в правовой системе представляется фундаментальным и наиболее значимым с позиции научно-обоснованной концепции интегративного правопонимания. Актуальность его обусловлена не только многообразием теоретических дискуссий представителей различных концепций правопонимания, но и практической приоритетностью в регулировании правоотношений. Предметом исследования в настоящей статье является рассмотрение принципов права в ключе основополагающих регуляторов правоотношений.

Необходимо начать рассмотрение в контексте соотношения норм и принципов права. С позиции научно-обоснованной концепции интегративного правопонимания принципы права шире норм права (он первичен): это можно рассмотреть на примерах

соотношения таких категорий, как «право» и «закон», а также таких категорий, как «правообразование» и «правотворчество». Прежде всего, интегративный подход к пониманию права отвечает на вопрос: «Совпадают ли закон и право?». Например, для представителей позитивизма (легистский подход) очевидным кажется совпадение данных категорий, ведь закон – это официально-властное нормативное явление, имеющее принудительно-обязывающий характер. Он охватывает все источники формально-установленного права, тем самым заслоняя своей юридической значимостью приоритетность права в целом. Данный подход считаю нецелесообразным для современного правового государства. Главный аргумент выглядит так: если законотворческое явление не соответствует правовой сущности, содержит правовые противоречия, такой нормативный источник не правовой. По мнению Н.М. Коркунова, «законодатель не произвольно творит право, он властен устанавливать нормы, не подготовленных ходом общественной жизни. Законы имеющие такое содержание, остаются мертвой буквой...»¹.

Представители научно-обоснованной концепции интегративного правопонимания придерживаются того, что право шире закона и других форм права. По мнению В.В. Ершова, принципы, так же как и нормы, регулируют правоотношения, более того, принципы являются первостепенными и фундаментальными. «На мой взгляд, теоретически более обоснованно, а практически – продуктивно, что в "трудных ситуациях", а точнее – в процессах индивидуального судебного регулирования правоотношений суд может руководствоваться прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного права, реализуемыми в государстве»². Принципы – первооснова: «..основополагающие принципы национального и (или) международного права являющиеся, на мой взгляд, фундаментальной формой права»³. То есть принципы права не должны иметь обязательного законодательного закрепления, но регулировать правоотношения наравне с нормами, содержащимися в различных юридических формах.

---

¹ Кича М.В. Соотношение форм и источников права с позиции интегративного правопонимания // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 28.

² Ершов В.В. Право и неправое с позиции Г. Харта и Р. Дворкина // Российское правосудие. – 2020. – № 10. – С. 10.

³ Там же. С. 5.

Вывод: право должно быть шире закона, соответственно, и принципы шире норм. В иерархии регуляторов правоотношений принципы стоят выше норм, но не умоляют их значения, так как нормы наряду с принципами должны быть инструментами правового регулирования, не позволяющими государственной власти выйти за пределы права. Они должны содержать все необходимое для развития государственной современной общности, а также для обеспечения динамично-изменяющейся жизни.

Так же можно обратиться к вопросу о процессе правотворчества и связанным с ним процессу правообразования. Как известно, правообразование шире правотворчества, и последнее выступает как «результат правообразования»⁴. основополагающие принципы права, о которых писал В.В. Ершов в статье «Право и неправое с позиции Г. Харта и Р. Дворкина» входят в процесс правообразования. Они способствуют процессу формирования юридической нормы, влияют на осознание в ее необходимости и выражают правовой ориентир в принятии, изменении или отмене.

Безусловно, принципы права могут быть составной частью правотворчества, но это уже будут не те основополагающие принципы права, а специальные принципы права, которые содержатся, например, «в российских правовых договорах либо международных договорах»⁵, и эти принципы будут отражать «специфику данных правоотношений»⁶, то есть правоотношений, возникающих в процессе применения результатов правотворчества. Из данного примера видим, что правообразование шире правотворчества, право шире закона, а значит и принципы шире норм.

При рассмотрении принципов права, их роли и месте в системе права нельзя не обратить внимание на регулирование правоотношений, существующих до их нормативного закрепления. Так В.В. Ершов в монографии приводит такое суждение: «...в действительности "трудовые правоотношения" "возникают", а трудовым договором только "регулируются" (ч. 1 ст. 16 Трудового кодекса Российской Федерации)»⁷. На мой взгляд, крайне необходимо регулирование воз-

---

⁴ Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Проспект, 2014. – С. 222.

⁵ Ершов В.В. Право и неправое с позиции Г. Харта и Р. Дворкина // Российское правосудие. – 2020. – № 10. – С. 6.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Ершов В.В., Ершова Е.А. Регулирование трудовых правоотношений в России // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 1.

никших до закрепления в нормах права трудовых правоотношений, ибо фактически возникшие, но юридически неоформленные трудовые правоотношения не будут ничем урегулированы, что может привести к произволу как со стороны работника, так и со стороны работодателя. В действительности есть возможность регулирования правоотношений, возникших до их закрепления в нормах права, например, судебное решение, которое можно отнести к индивидуальным регуляторам трудовых правоотношений: «Одним из таких "индивидуальных регуляторов" трудовых правоотношений может быть судебное решение "О понуждении заключения трудового договора"»⁸, а также при помощи Международной организации труда, которая «15 июня 2006 г. на 95-й сессии приняла Резолюцию 198 «О трудовом правоотношении», в соответствии с пп. 12 и 13 выделены конкретные признаки трудовых правоотношений»⁹, что позволяет относить или не относить те или иные правоотношения к трудовым правоотношениям. Но, на мой взгляд, важным регулятором трудовых правоотношений, возникших до их закрепления в нормах права, служат принципы, которые с позиции научно-обоснованной концепции интегративного правопонимания являются первостепенными и фундаментальными регуляторами правоотношений. Регулирование посредством норм права не представляется возможным, так как юридически правоотношения еще не возникли, но регулирование данных правоотношений возможно при помощи принципов права. К числу таких принципов можно отнести принципы института «занятость и трудоустройство», изложенные в ст. 5 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», или «время и отдых», которые содержатся в ст. 17 ТК РФ. Данные принципы помещены в законодательную базу национального права РФ, хотя, на мой взгляд, могут и должны существовать обособленно от нормативной базы, поскольку, как было заявлено выше, трудовые правоотношения возникают до их закрепления в нормах права, значит и принципы, которые «закованы» в нормы права, должны существовать вне нормативной базы, обособлено от нее. Другие концепции оставляют без ответа вышеупомянутое.

Вывод: принципы права играют огромную роль в регулировании правоотношений, возникших до их закрепления в нормах права, а именно трудовых правоотношений. Тем самым принципы права стоят выше норм, так как способны регулировать правоотношения, которые не могут регулировать нормы права.

---

⁸ Там же. С. 1.

⁹ Там же. С. 1.

Еще интересным аспектом представляется рассмотрение принципов права в контексте индивидуального регулирования правоотношений. Как отмечал В.В. Ершов, «в "трудных ситуациях", а точнее – в процессах индивидуального судебного регулирования правоотношений суд может руководствоваться прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного права, реализуемыми в государстве»¹⁰. Например, на практике при расширительном и ограничительном судебном толковании существует их реальная угроза. Как представляется, данную угрозу можно устранить лишь посредством толкования основополагающих и специальных принципов права, что характеризует важность и значимость принципов права. Также значимость и фундаментальность принципов права просматривается на примере принципа обратной связи, который представляет собой конкретизацию и коррекцию в ходе управления. Как представляется, принцип обратной связи относится к принципам права. Данный принцип представляется фундаментальным, так как посредством его и строится все регулирование правоотношений, происходит их коррекция – и здесь мы видим, что принципы выступают с позиции первостепенных и фундаментальных регуляторов.

Сущность принципов права не нашла своего полного изучения и отражения в правовой науке. По мнению В.В. Ершова, это связано прежде всего с тем, что «господствовал (и продолжает доминировать) юридический позитивизм, фактически "сводивший" "все" право к нормам национального права в "законодательстве"»¹¹, отсюда научные работники рассматривали сущность принципов права только как закрепленных в законах. Но по мнению В.В. Ершова, принципы права следует рассматривать как отдельную от норм права категорию, более того – отдельную от категории «правовой принцип». Если правовой принцип – это «устоявшиеся основы правового сознания и главные направления правовой политики»¹², то принцип права – это главным образом регулятор правоотношений. Вывод: сущность принципов права выражается в следующем: они содержатся в формах национального и международного права; они являются первостепенными и фундаментальными регуляторами правоотношений; «первичными и

---

¹⁰ Ершов В.В. Право и неправое с позиции Г. Харта и Р. Дворкина // Российское правосудие. – 2020. – № 10. – С. 10.

¹¹ Ершов В.В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. – 2019. – № 2. – С. 2.

¹² Там же. С. 4.

наиболее абстрактными»¹³ элементами системы права, которые порождают нормы права и обеспечивают их существование.

Следует подчеркнуть, что именно научно-обоснованная концепция интегративного правопонимания является гибким подходом к пониманию принципов права и представляет широкий спектр решений теоретических и практических проблем регулирования правоотношений.

Список литературы:

1. Кича М.В. Соотношение форм и источников права с позиции интегративного правопонимания // Юридическая наука. – 2014. – № 2. – С. 25-31.

2. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Проспект, 2014. – 568 с.

3. Ершов В.В. Право и неправое с позиции Г. Харта и Р. Дворкина // Российское правосудие. – 2020. – № 10. – С. 5-14.

4. Ершов В.В., Ершова Е.А. Регулирование трудовых правоотношений в России // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 216-222. – DOI: 10.17223/15617793/455/29

5. Ершов В.В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. – 2019. – № 2. – С. 5-16.

Усольцев Е.Ю.

Недостатки правового регулирования как причина злоупотребления правом

Аннотация. Статья посвящена одному из самых дискуссионных вопросов юриспруденции – злоупотреблению правом, приобретающего в отдельных случаях черты кризисного явления. Автор анализирует причины его возникновения и приходит к выводу, что в основном недобросовестное осуществление субъективных прав вызвано недостатками правового регулирования. Кроме того, на примере отношений с участием потребителей предлагает конкретные меры противодействия злоупотреблениям, совершаемым в данной правовой сфере.

Ключевые слова: злоупотребление правом, кризис в праве, модернизация законодательства, правовой нигилизм, потребитель.

---

¹³ Там же. С. 9.

Insufficient legal regulation as a cause of abuse of right

Abstract. The article is devoted to one of the most controversial issues in jurisprudence – abuse of right, which in some cases acquires the features of a crisis phenomenon. The author analyzes the reasons for its occurrence and comes to the conclusion that basically the unfair exercise of subjective rights is caused by insufficient legal regulation. In addition, using the example of relations with the participation of consumers, it offers specific measures to counter the abuse committed in this legal area.

Keywords: abuse of right, crisis in law, modernization of legislation, legal nihilism, consumer.

Одним из первых отечественных правоведов, исследовавших проблему кризиса в праве, был П.И. Новгородцев, который в своей работе «Кризис современного правосознания» обозначил в качестве причины возникновения данного феномена – «несоответствие между правовыми нормами и потребностями общественной жизни, между должным и действительным»¹⁴. Среди современных трактовок кризиса права заслуживает внимание трактовка, предложенная проф. Н.А. Власенко: она определяет кризисные явления как тенденции негативного характера, которые накапливаются и в силу этого представляют «опасность уничтожения основного качества права – регулятивных свойств»¹⁵. Используя данную терминологию, получается, что злоупотребление правом при высокой своей концентрации в жизни общества приобретает черты кризисного явления, поскольку регулятивные свойства права в этом случае, если и не уничтожаются полностью, то, несомненно, теряют свое прежнее значение.

Правовую основу противодействия злоупотреблению правом в нашей стране составляют ст. 1 и 10 Гражданского кодекса РФ¹⁶, согласно которым при осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Не допускаются

---

¹⁴ Цит. по: Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 22.

¹⁵ Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43.

¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 09 марта 2021 г.) // Российская газета. – № 238-239. – 1994. – 8 декабря.

действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Некоторые авторы считают, что в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, в силу которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, также содержится запрет недобросовестного правоосуществления, и таким образом придают принципу недопущения злоупотребления правом общеправовой характер¹⁷.

Все причины возникновения злоупотреблений правом можно разделить на две группы: субъективные и объективные.

К субъективным причинам относятся:

- низкий уровень правосознания и правовой культуры (как отдельных лиц, так и всего общества);
- неумелое пользование предоставленными законом субъективными правами¹⁸.

Объективные причины:

- абстрактный характер правовых норм;
- пробелы и коллизии в праве.

Неспособность отдельных индивидов соизмерять свои поступки с существующими правилами общежития – обычаями, нормами морали и пр. – шесть тысяч лет назад привело человечество к созданию права как особого социального регулятора. В этом смысле именно право призвано нивелировать последствия правового нигилизма и различного рода девиантного поведения, включая злоупотребления правом. Поэтому, не умоляя значимость субъективного фактора в механизме правореализации, очевидно, что главной причиной возникновения недобросовестного поведения¹⁹ со стороны участников правоотношений все же являются недостатки правового регулирования, носящие объективный характер. Отсюда основной способ борьбы со злоупотреблениями в праве – совершенствование действующего законодательства.

Среди изменений российского законодательства последних лет, оказавших положительное влияние на механизм правового регулиро-

---

¹⁷ См. об этом подробнее: Курбатов А., Подмаркова А. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип // Хозяйство и право. – 2009. – № 2 (385). – С. 105.

¹⁸ Бармина О.Н. Причины и условия возникновения злоупотреблений в праве // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 6. – С. 97.

¹⁹ Здесь и далее для целей настоящего исследования подразумевается тождественность понятий «недобросовестное поведение» и «злоупотребление правом».

вания с точки зрения борьбы со злоупотреблениями в праве, можно привести следующие:

- введение обязательного аудиопротоколирования судебного разбирательства по уголовным и гражданским делам (ч. 1 ст. 230 ГПК РФ²⁰, ч. 1 ст. 259 УПК РФ²¹);

- закрепление возможности получения компенсации ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия (ст. 16.1 ГК РФ);

- введение правила о защите граждан в случае распространения о них ложной, но не порочащей информации (п. 10 ст. 152 ГК РФ);

- предоставление суду права уменьшения размера «ростовщических процентов» по договорам займа, т. е. процентов в два и более раза превышающих обычно взимаемые в подобных случаях проценты и поэтому являющихся чрезмерно обременительными для должника (п. 5 ст. 809 ГК РФ).

Таким образом, законотворческий процесс в России в целом протекает в правильном направлении. Однако за динамично развивающимися общественными отношениями, как в количественном, так и качественном плане, законодатель не всегда поспевает. В результате в праве образуются пустоты, не позволяющие полностью решить проблему злоупотребления правом.

Одним из примеров правового регулирования, приводящего к употреблению права во зло, является сфера защиты прав потребителей. Участники потребительских отношений изначально находятся не в равном положении, в связи с чем и теорией, и судебной практикой потребитель признается слабой стороной. Поэтому законодательство в целях сбалансирования интересов предпринимателей и граждан-потребителей предоставляет последним некоторые преференции, к числу которых относятся специальные виды неустоек за нарушение сроков удовлетворения требований потребителя и штраф за неисполнение их в добровольном порядке. И поскольку предусмотренная ст.

---

²⁰ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 08 декабря 2020 г.) // Российская газета. – № 220. – 2002. – 20 ноября.

²¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 24 марта 2021 г.) // Российская газета. – № 2861. – 2001. – 18 декабря.

23, 23.1, 28 Закона РФ от 07 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей»²² (далее – Закон о защите прав потребителей) неустойка начисляется на весь период неисполнения предъявленных продавцу (изготовителю, исполнителю) требований, выходит, что потребитель, затягивая подачу иска, увеличивает размер суммы, которая впоследствии ему будет присуждена. При этом штраф, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей, в этом случае также растет, ведь его размер находится в прямой зависимости от общей суммы, взыскиваемой судом в пользу потребителя, включающей и неустойку. Очевидно, что такая ситуация стимулирует потребителей к недобросовестному поведению.

Для решения указанной проблемы в законодательстве необходимо предусмотреть меры по ограничению размера предусмотренной законом неустойки. Это можно сделать путем установления специального срока исковой давности для данной категории дел (например, 1 год) и/или особого пресекательного срока (например, 6 месяца), по истечению которого потребитель не лишался бы возможности защитить свои права в судебном порядке, как при истечении срока исковой давности, но неустойка в таком случае подлежала бы взысканию в размере, не превышающем 1/3 от установленного законом. Реализация предложенных мер, безусловно, будет способствовать обращению граждан-потребителей в судебные органы в более сжатые сроки и, следовательно, препятствовать искусственной «накрутке» суммы штрафа и неустойки, причитающихся потребителям, что в конечном итоге снизит количество злоупотреблений правом с их стороны.

В заключении можно сделать следующие выводы. Во-первых, злоупотребление правом представляет собой сложное юридическое явление, имеющее широкую сферу распространения. При этом высокая концентрация злоупотреблений как в отдельно взятой области правового регулирования, так и во всех его областях одновременно свидетельствует о кризисном состоянии права. Поэтому одна из важнейших задач юриспруденции в данном направлении – разработка методологической основы противодействия недобросовестному поведению участников правоотношений в различных формах его проявления. И, во-вторых, поскольку основной причиной правовых злоупотреблений является несовершенство правопорядка (пробелы и коллизии, низкий уровень юридической техники), эффективная борьба с ними возможна лишь путем модернизации законодательства. Работа в

---

²² Закон РФ от 07 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 22 декабря 2020 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766.

данном направлении ведется и, как правило, имеет положительный результат. Вместе с тем такая деятельность должна носить более интенсивный и целенаправленный характер, ввиду непрерывного процесса усложнения структуры общественных отношений.

Список литературы:

1. Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8 (200). – С. 43-54.
2. Краснов Ю.К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. – 2016. – № 3 (40). – С. 21-28.
3. Курбатов А., Подмаркова А. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип // Хозяйство и право. – 2009. – № 2 (385). – С. 104-115.

Феодорова М.Х.

Воззрения на кодификацию как способ преодоления кризисных явлений в праве в российском правоведении второй половины XIX – начала XX вв.

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли кодификации в возникновении и преодолении кризисных явлений в праве. На основе анализа работ российских правоведов второй половины XIX – начала XX вв. определены социальные последствия кодификации, а также сформулированы теоретические основания для разработки новых приемов кодификации, проводимой в современных условиях.

Ключевые слова: кодификация, кодифицированные акты, правовая реальность, унификация, правовые средства, система законодательства.

Views on codification as a way to overcome the crisis phenomena in law in Russian jurisprudence of the second half of the XIXth and early XXth centuries

Abstract. The article is devoted to identifying the role of codification in the emergence and overcoming of crisis phenomena in law. Based on the analysis of the works of Russian jurists of the second half of the XIX – early XX centuries the social consequences of codification are de-

terminated, and the theoretical foundations for the development of new methods of codification carried out in modern conditions are formulated

Keywords: codification, codified acts, legal reality, unification, legal means, system of legislation.

Кодификация как феномен, рожденный на Востоке и получивший колоссальное развитие на Западе, в течение нескольких тысячелетий правовой истории человечества используется как технология упорядочения, унификации, юридического оформления многочисленных, вариативных и разрозненных правил правового поведения. При этом роль кодификации весьма противоречива, так как, с одной стороны, она нацелена на появление систематизированного сборника юридических норм, обеспечивающих правовой порядок в государстве. С другой стороны, статический эффект, вызванный закреплением правил, сформулированных на основе устаревающих и даже отживших общественных отношений, приводит к тому, что кодекс начинает сдерживать социальное развитие.

Примером тому служит принятие Соборного Уложения 1649 г. Юридические нормы первого общерусского кодекса придали легитимность и тем самым закрепили такие отжившие свой век общественные явления, как крепостное состояние, круговая порука, холопство, сословная обособленность, отсутствие общегражданских правовых институтов и др.

С учетом вступления российской системы законодательства в фазу перманентной кодификации считаем необходимым выявить действительные возможности кодификации как способа преодоления кризисных явлений в праве²³. Для реализации данной цели исследования считаем необходимым обратиться к трудам известных российских ученых-правоведов, которые во второй половине XIX – начале XX века сформировали теоретические основания национальной юридической науки.

В правовой концепции И.А. Покровского необходимость кодификации вытекает из диалектики правового развития. По мнению ученого, познание права начинается с установления подлинного смысла действующих норм для их применения с практической целью. Постепенное развитие приемов толкования приводит к необходимости систематизации правовых норм и выработке научных

---

²³ Шатковская Т.В., Феодорова М.Х. Первая кодификация российского позитивного права: к юбилею Судебника 1550 г. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 3. – С. 22-24.

способов их толкования. В результате создаются кодифицированные акты, которые упорядочивают, но и одновременно создают пределы правовой реальности.

Поскольку право интересует человека не только как существующая данность, но и как стремление к должному, то есть к достижению высшего блага, то действующие юридические установления утрачивают самодовлеющее значение и подвергаются оценке с позиций их согласованности с «абсолютными началами разума и справедливости»²⁴.

Так, со времен римской юриспруденции возникает идея естественного права, оформленная в западноевропейской философии в формулу «свобода, равенство и братство». В соединении с крепнущей уверенностью в человеческий разум и его свободу, выражающуюся в том числе в возможности создавать наилучшие учреждения и законы, это привело к тому, что с XVIII века кодификация признается наилучшим средством законодательного устройства общественной жизни.

И даже несмотря на то, что реформы и революции к началу XIX в. сменяются социальной потребностью к порядку и спокойствию, в западноевропейском масштабе удалось осуществить масштабное освобождение лиц и их имущества, что привело к появлению первых гражданских кодексов. Они стали выражением общего стремления к «объединению и упорядочению гражданско-правовых норм». Однако в отличие от средневековых кодексов, представлявших собой механическое соединение действующих норм, кодексы XIX в. основаны на принципах естественного права²⁵. Особенно И.А. Покровский выделяет французский кодекс и Австрийское Уложение, получившие широкое распространение за пределами своих государств в связи с их нацеленностью на опережающее хозяйственное развитие и соответствие принципам индивидуализма и экономической свободы.

Из опыта европейской кодификации И.А. Покровский выводит формулу жизнеспособности кодекса. Он связывает ее с соответствием реальным потребностям жизни и «одухотворенностью» общими идеями и принципами. Однако разочарование идеями, заложенными в кодексе, может привести и к обесцениванию юридических норм, закрепленных в нем. Так и произошло в XIX в., когда падение естественного права с научного олимпа обернулось сни-

---

²⁴Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – С. 33.

²⁵ Покровский И. А. Указ. соч. С. 36.

жением социальной значимости законодательного творчества и кодификации²⁶.

Историческая школа права пытается обосновать новый путь правообразования, в котором кодификации отводится роль вспомогательного средства выражения народного правосознания. И хотя распространение взглядов исторической школы не привело к отрицанию кодификации как технологии разумного преобразования действительности, она сдерживала социальную потребность в кодификационных работах. В конце концов пестрота юридических норм действующего законодательства стала серьезным тормозом экономического оборота, вышедшего во второй половине XIX в. за пределы национальных государств, что привело не только к восстановлению планомерной законодательной деятельности, но и интенсификации ее последних свойств.

Тем самым отказ в начале XIX в. от кодификации как универсального юридического средства упорядочения общественных отношений обернулся кодификационным расцветом в конце XIX в. Причем наиболее жизнеспособными оказались кодексы, которые не просто фиксировали существующее право, но и удовлетворяли требованиям должного, разумного и справедливого правотворчества. Все это привело юридический мир в состояние поиска средств и гарантий от «омертвления права, отлитого в форму кодекса»²⁷.

По мнению М.М. Винавера, путем кодификации создается система, «замыкающая в ясно очерченные пределы все право», придавая ему логическую стройность, словесную упрощенность, определенность. Однако этот консерватизм, охватывающий и закрепляющий явления вчерашнего дня, не покрывает новых явлений социальной жизни, то есть возникает противоречие между правом кодифицированным и некодифицированным.

Процесс восстановления жизнеспособности норм М.М. Винавер вслед за Савиньи предлагает осуществлять с помощью метода применения норм. Данный метод он считает искусством, который при усложнившихся условиях жизни должен быть поставлен на научную основу. Разработку приемов толкования и поиск материала для создания образцов-типов конкретных явлений, а также установление взаимосвязи между толкованием и кодификацией

---

²⁶ Там же. С. 39.

²⁷ Винавер М.М. Кодификация и толкование: историческая параллель // Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики). – М.: Статут, 2015. – С. 398.

юрист-практик М.М. Винавер видел в качестве основной задачи юридической науки²⁸.

Как полагал И.В. Михайловский, в переходные и кризисные периоды государственной жизни составление кодексов является делом бесплодным. Это утверждение он объяснял ролью кодексов, рассчитанных на долговечное существование и наличие надлежащей устойчивой социальной почвы. Именно эпоха подъема хозяйственной жизни, по его мнению, весьма благоприятна для кодификации²⁹. И несмотря на то, что ученый не дает развернутого обоснования данного утверждения, с ним нельзя не согласиться. Его позиция подтверждается непрекращающейся тридцать лет кодификацией современного российского гражданского права. Перманентная кодификация гражданского законодательства, внесение многочисленных поправок в Гражданский Кодекс, на наш взгляд, дестабилизирует экономический оборот и препятствует выработке устойчивых правил ведения бизнеса.

О серьезных последствиях недоработанности кодификационных актов предупреждал М.А. Лозина-Лозинский. На основе тщательного научного анализа кодификационных ошибок при составлении и принятии Свода Законов Российской империи 1832г. он наглядно показал их негативное влияние на определение юридической силы, входящих в него законов, а также на судебную практику³⁰.

Таким образом, кодификация отражает диалектику правового развития, состоящую в необходимости одновременного сохранения конкретных общественных форм для социального равновесия и их изменения. Поэтому кодификация выступает необходимым компонентом современного правообразования. Это наглядно подтверждает европейский и российский опыт проведения кодификационных работ в XIX – XX веках.

История кодификаций позволяет выделить их исторические типы, определяемые качественными характеристиками общественных формаций, в рамках которых они проводятся. Однако кодификации обусловлены не столько событиями и фактами, на фоне которых они

---

²⁸ Там же. С. 206.

²⁹ Михайловский И.В. Очерки философии права. Том I / И. В. Михайловский, Профессор Томского Университета. – Томск: Издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914. – С. 398.

³⁰ Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву / М.А. Лозина-Лозинский. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897. – С. 53-56.

осуществлялись, сколько уровнем развития юриспруденции, прежде всего возможностями научной обработки действующего права. Поэтому только с конца XVIII века западноевропейские кодификации проводятся не только с целью консервации права, но и для качественного улучшения регуляторных норм как средства общественного преобразования. В России первым примером такой кодификации считаем Судебные уставы от 20 ноября 1864 г., которые фактически создают новую систему судоустройства и судопроизводства на основании принципов, заложенных в них законодателем.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что ускорение темпов современного общественного развития, его технологизация требует создания новых приемов кодификационных работ. С учетом противоречивости выявленных социальных последствий кодификации полагаем, что данная технология должна базироваться на следующих основаниях: во-первых, кодификация не может быть целью, а должна быть средством осуществления социальных преобразований, имеющих общезначимые цели; во-вторых, кодификационные работы базируются на общеправовых принципах, началах, юридических основаниях и выполняются техническими приемами, выработанными и верифицированными юридической наукой и практикой; в-третьих, обеспечение авторитета кодексов достигается четким исполнением правил в них закрепленных, прежде всего гарантирующих права отдельной личности как наиболее слабой стороны правоотношений; в-четвертых, кодификацию нецелесообразно проводить в переходные периоды государственного развития, так как она будет носить затяжной характер и сдерживать формирование новых общественных отношений.

Список литературы:

1. Винавер М.М. Кодификация и толкование: историческая параллель // Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики). – М.: Статут, 2015. – 384 с.
2. Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву / М.А. Лозина-Лозинский. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1897. – 113 с.
3. Михайловский И.В. Очерки философии права. Том I / И. В. Михайловский, Профессор Томского Университета. – Томск: Издание книжного магазина В. М. Посохина, 1914. – [4], III, III, XV, 604 с.

4. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград: Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – 87 с.

5. Шатковская Т.В., Феодорова М.Х. Первая кодификация российского позитивного права: к юбилею Судебника 1550г. // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – № 3. – С. 22-30.

Иванова В.А.

Кризис правового регулирования освоения нефтяных месторождений российской Арктики в начале XX века

Аннотация. К началу XX века в российском правовом регулировании отношений по недропользованию обозначился ряд проблем, решение которых требовало внесения изменений в законодательство. В связи с чем принимаются дополнительные нормативные акты к действующим законам, но они не могут преодолеть сложившиеся проблемы. Иными словами, можно говорить о том, что в правовом регулировании освоения месторождений нефти Арктики сложился кризис, который выразился в неопределенности и неэффективности правовых норм.

Ключевые слова: Арктика, Россия, правовое регулирование, кризис права, недропользование.

The crisis of law regulation of Russian Arctic oil field development in the first half of the XXth century

Abstract. In the first half of the 20 century Russian mining law needed to have been changed. New laws could not solve the problems. In other worlds there was a crisis in law regulation of oil field development in the Arctic: ambiguity and inefficiency in mining law.

Keywords: Arctic, Russia, law regulation, crisis of law, mining law.

История правового регулирования освоения нефтяных месторождений Арктики началась с Указа Петра 1 от 10 декабря 1719 года «Об учреждении Берг-коллегии для ведения в оном дел о рудах и минералах» (далее – Указ). Указом были установлены основные принципы горной отрасли:

– горная регалия: исключительная государственная собственность на недра и любая форма собственности на добытые природные ресурсы;

- горная свобода: право поисков и добычи полезных ископаемых на государственных и частных землях;
- платность недропользования;
- рациональная разработка и охрана недр;
- свобода горного предпринимательства с ограничениями, касающимися лишь отдельных видов полезных ископаемых, например золота.

При добыче нефти на чужой земле промышленник должен был уплачивать тридцать вторую долю от прибыли, а также за материалы, в частности лес, используемый для строительства завода.

Для развития нефтяных промыслов государство предоставляло займы на строительство заводов. Налог в казну государства составлял 10 % от прибыли с промыслов. Если убытки промышленника при поиске нефти превышали прибыль от ее добычи, то государство могло освободить промышленника от уплаты 10 % налога на несколько лет.

При надлежащем содержании заводов их можно было оформить в собственность, и в отношении них действовало право наследование.

Таким образом, до конца 18 века в недропользовании действовал следующий принцип: недра находились в государственной собственности, а их разработка осуществлялась на основании концессии.

В результате государственной политики поощрения поисков и добычи нефти такие промышленники, как Набатов, Ф.С. Прядунов, А. Нагавиков, И. Мингалев, М. Баженов, Ратов и Соболев, в XVIII веке начали развивать горное дело на севере.

В начале XVIII века был произведен ряд специальных исследований нефтяных источников на Ухте как государством, так и частными предпринимателями. В числе последних был московский купец Набатов, который с 1745 года уже добывал там нефть по несколько тысяч пудов ежегодно и вырабатывал из нее керосин. По другим источникам, крестьянин Набатов добывал черный каменноугольный деготь для лекарства, а для очистки дегтя у Набатова существовал завод.

Добыча нефти на Ухте производилась Набатовым без всяких технических приспособлений, при этом Набатов добывал из этой нефти до 25 % керосина. Впоследствии примеру Набатова последовал архангельский гражданин Федор Прядунов, у которого в 1746 году был нефтяной завод.

Первый в России нефтяной завод Федора Прядунова добывал нефть, которая имела уже тогда большой сбыт в обеих столицах и за границей. Данный факт подтверждается определением Государственной Комерц-коллегии от 19 сентября 1758 года, согласно которому

при архангельском порте был назначен для брака нефти браковщик архангелогородец Алексей Саванчаев.

Затем в 1753 году после смерти Прядунова этот завод перешел вологодскому купцу Андрею Нагавикову, в 1760 – во владение крестьянина Ивана Мингалева, затем к яренскому купцу Михаилу Баженову.

Представляет интерес Указ Государственной Берг-коллегии 1767 года № 834, в котором сообщаются сведения о нефтяных источниках по изысканию жителей Нового-Усолья Ратова и Соболева по течению речки Першай на расстоянии примерно 200 верст от завода Баженова на реке Ухте. Нефтяные прииски в Пустоозерском уезде Архангельской губернии в пустых и незаселенных местах по рекам Ижме и Посве, впадающим в реку Печеру, и нефтяные прииски на речках Чюте и Маниде, впадающих в реку Ижму, были записаны за Ратовым и Соболевым Указом от 9 августа 1762 года. При этом в освобождении от уплаты платежа десятины на десять лет им было отказано.

К концу XVIII века принцип горной свободы был отменен Манифестом Екатерины Второй в 1782 году (далее – Манифест). В соответствии с Манифестом поиск и добыча полезных ископаемых стала возможна только на собственной земле, а на чужой земле только по договору с собственником. Манифест отменил право государственной собственности на недра и установил право частной собственности на землю и ее недра.

Манифест фактически ограничил доступ к поискам и добыче нефти для небольших частных промыслов, что особенно сказалось на добыче нефти в Ухтинском нефтедобывающем районе, где она прекратилась.

К XIX веку положения, регулировавшие частный нефтяной промысел, были прописаны в Горном уставе (VII т. Св. Зак., ст. 541-615) (далее – Устав) и особых распоряжениях министра торговли и промышленности, которые разъясняли некоторые статьи Устава; затем Горный устав был дополнен временными правилами от 13 мая 1900 года о порядке предоставления некоторых участков заведомо нефтеносных земель без торгов для разведки и добычи нефти.

В основном добыча нефти велась на государственных землях, поэтому особое значение имел порядок предоставления и пользования этими землями.

Поиски на казенных землях нефти, состоящие из поверхностного обзора и исследования местности, без производства земляных ра-

бот, были позволены без особого разрешения и без ограничения пространства местности, подлежащей исследованию (ст. 557 Устава); при исследовании глубоких слоев почвы (пробным бурением) для установления присутствия там нефти, необходимо было получать разрешения, так называемые особые дозвожительные свидетельства на двухгодичный срок.

Избрание способов разведки предоставлялось по усмотрению промышленника, но добытую нефть нельзя было вывозить за пределы разведочной площади (ст. 564 Устава). Промышленник, желающий производить добычу нефти в разведанной им местности, мог просить об отводе для своего участка в пределах разведочной площади (ст. 567 Устава). Просьба об отводе должна была быть заявлена надлежащему горному правлению не позднее срока, на который выдано дозвожительное свидетельство на разведку. В просьбе должно было быть указано предполагаемый образ залегания нефти и породы, в которых она заключена, прилагался план просимого отвода с обозначением места постановки столба и произведенных разведочных работ (ст. 568 Устава). При одобрении соответствующее горное управление публиковало в местных губернских ведомостях сообщения об утвержденных отводах.

Со дня выдачи дозвожительного свидетельства на нефть местность признавалась занятой для разведок, и другие промышленники не имели права производить поиски в установленном пространстве впредь до объявления ее свободной для новых поисков и разведок.

За пользование на государственных землях отведенными под разработку нефти участками промышленники вносили в доход государства поземельную плату с каждой десятины в размере, устанавливаемым на двадцать лет министром торговли и промышленности (ст. 576 Устава).

Если промышленник, получивший участок по заявке, не приступил к добыче нефти на нем в течение двух лет, то участок объявлялся «тунележащим». Если же промышленник доказывал, что им затрачен капитал на производство предварительных технических для добычи нефти работ, то ему давалась отсрочка еще на два года. Участок объявлялся также «тунележащим» в случае перерыва добычи нефти в продолжение четырех лет без особо уважительных причин. «Тунележащие» участки отдавались желающим добывать на них нефть общим порядком (ст. 583, ст. 584 Устава).

Поиски нефтяных источников на заведомо нефтеносных землях запрещались. Список таких земель составлялся Министер-

ством торговли и промышленности и публиковался в правительствующем Сенате (ст. 581 Устава). Нефтеносные участки сдавались с торгов по усмотрению министра торговли и промышленности или за одновременный взнос или за попудную плату при условии обязательной наименьшей годовой добычи. В первом случае торг начинался с оценочной суммы, во втором – с определенного размера попудной платы.

Если торги на получение каких-либо участков в аренду, назначенные три раза, не состоялись по неявке желающих, то такие участки могли быть сданы частным лицам без торгов за единовременный взнос или попудную плату по усмотрению министра государственных имуществ. При невозможности отдать участки под разработку нефти и без торгов такие земли могли быть обращены на другое назначение.

Среди недостатков действовавшего законодательства следует отметить следующее. Установленный на тот период порядок отдачи государственных земель частным лицам для добычи нефти создавал спекулятивное настроение и приводил к тому, что принятые на торгах обязательства внесения попудной платы не всегда выполнялись из-за их высоты. В связи с чем были введены особые временные правила для отдачи без торгов некоторых участков заведомо нефтеносных земель под разведку и добычу нефти. Согласно этим правилам министр торговли и промышленности был вправе отдавать участки государственной земли (как объявленные, так и не объявленные заведомо нефтеносными) под разведку и добычу нефти. Определение местности, предназначенной для этого, определялось особой комиссией при министерстве; об объявленных участках публиковалось не менее двух раз в год. Желающие соискатели должны были подать заявление и внести залог в 5 000 рублей, который мог быть повышаем министром до 50 000 рублей. Если оказывалось несколько соискателей, то между ними бросался жребий. Получивший участок обязан был приступить к правильному бурению в годичный срок и в течение первых трех лет провести буровые скважины, определенные договором. В случае обнаружения нефти в результате разведочных работ можно было получить отвод 10 десятин в разведанном участке на 24 года за подешающую плату.

В 1908 году в связи с тем, что данные временные правила не смогли решить проблему спекуляции, Государственная Дума отменила законопроект о продлении этих правил и постановила о внесении правительством нового законопроекта об отдаче государственных нефтеносных земель под разработку нефти на условиях, обеспечива-

ющих нормальную добычу и доступность цен на нефтяные продукты. Действовавшее законодательство создавало возможность для спекуляции с участками, затрудняло расследование земель, объявленных заведомо нефтеносными, и приводило к повышению цены на нефть.

Другой недостаток законодательства был связан с правом государства объявлять известные местности заведомо нефтеносными. Прежде всего, объявление заведомо нефтеносными определенных земель исключало возможность дальнейшей разработки этих земель, так как предполагалось, что нефтеносность уже установлена. Как отмечали исследователи, такое решение иногда принималось на основании достаточно поверхностных исследований, это приводило к тому, что дальнейшие частные поиски нефти на таких землях прекращались. Все это останавливало поиск нефти в таких районах и частные промышленники, которые брали в аренду такие участки заведомо нефтеносной земли, несли риски не найти на этих участках нефти и потерять высокую арендную плату.

Так, район на р. Утхе был объявлен заведомо нефтеносной землей. В связи с чем поиски нефти в нем были ограничены для частных предпринимателей, а желающих нести риски, связанные с поиском там нефти, не нашлось. Впоследствии из-за отсутствия желающих вести поиски и добычу нефти в Ухтинском районе, местные власти отказались от признания земли заведомо нефтеносной, и она была снова открыта для частных разведок. Как отмечают исследователи, иногда объявление земли заведомо нефтеносной состояло в юридическом установлении за ней таких свойств, которые с геологической точки зрения не были установлены достаточно ясно.

Тем не менее назревший кризис правового регулирования освоения месторождений нефти в Арктике – спекуляции с участками, неэффективность законодательства о нефтеносных землях – не удалось преодолеть к началу XX века. А уже в 1917 году в истории правового регулирования отношений по недропользованию происходят радикальные изменения, связанные с отказом от сложившегося правопорядка недропользования. В России была установлена государственная собственность на землю и недра, и начался процесс национализации.

Таким образом, кризис правового регулирования отношений по недропользованию с начала XX века уже связан с радикальными изменениями в законодательстве, которые происходили в отсутствие необходимой законодательной базы, отвечающей требованиям и условиям национализации.

Возникновение права государственной собственности на природные ресурсы в истории российского правоведения произошло с принятием Декрета от 26 октября 1917 года «О земле».

Декреты и постановления начала XX века стали основой для возникновения исключительной государственной собственности на природные ресурсы и кодификации законодательства о недрах. Так в 1922 году был принят Земельный кодекс, в 1927 году – Горное положение; в 1928 году – Общие начала землепользования и землеустройства и другие акты, которые стали регулировать освоение месторождений природных ресурсов в XX веке. Огромное значение для закрепления государственной собственности на ресурсы имели Конституции 1924 года и 1936 года, в которых собственность на землю, недра, воды и леса получила конституционный статус. Таким образом, государство получало исключительные полномочия по владению, пользованию, распоряжению землей, недрами, водами и ресурсами, а также выполняло функции управления и контроля. 15 ноября 1928 года был принят Горный закон РСФСР, который устанавливал порядок пользования землей для горного промысла. 9 июля 1976 года был принят Кодекс РСФСР о недрах, который закреплял исключительную собственность государства на недра и устанавливал порядок пользования и платы за добычу полезных ископаемых.

Вместе с тем одним из существенных недостатков того времени можно назвать то, что вопросы охраны и рационального использования природных ресурсов в качестве объекта права исключительной государственной собственности фактически не были урегулированы.

В законодательстве об охране природы и недропользовании характеристика природоресурсных фондов как объектов исключительной собственности государства была дана в самом общем виде или отсутствовала.

Одной из ключевых проблем было то, что размытая понятийная база и пробелы в законодательстве не позволяли должным образом конкретизировать правовой статус континентального шельфа. Тогда как по Конституции объектами исключительной собственности государства являлись земля, недра, вода и леса, континентальный шельф в качестве объекта исключительной собственности государства не значился.

Необходимо было разработать механизм правового регулирования освоения континентального шельфа, так же как и правовой охраны полномочий государства относительно континентального шельфа.

Указ «О континентальном шельфе Союза ССР» был принят 6 февраля 1968 года. Согласно Указу государство стало осуществлять

как суверенные права над континентальным шельфом, так и право собственности на его природные богатства. Указ о континентальном шельфе фактически означал национализацию природных ресурсов, которые ранее не являлись объектом чьей-либо собственности, что создало новую форму национализации природных ресурсов за пределами государственных границ. Таким образом, суверенные права государства вышли за пределы государственных границ и распространились на территорию континентального шельфа и экономическую зону. Разрешение данного вопроса было особенно важно в свете того, что на континентальном шельфе велись активные работы по искусственному освоению шельфа (разведению растений и т. д.).

Таким образом, законодательство о континентальном шельфе привело к увеличению объемов объектов прав государственной собственности за счет включения естественных богатств континентального шельфа, а также к появлению особого правового режима континентального шельфа – исключительного права собственности государства на землю и недра.

В 1982 году была принята Конвенция по морскому праву. Конвенция установила ширину территориальных вод в 12 морских миль, при этом иностранным судам был разрешен мирный проход через них, 200-мильную исключительную зону в отношении всех природных ресурсов и право хозяйственной деятельности в ее пределах. Государства оставили за собой право свободу воздушной и морской навигации в этих зонах. Конвенция установила суверенные права государств на освоение природных ресурсов континентального шельфа на протяжении до 350 миль от берега. Конвенция 1982 года установила внешнюю границу континентального шельфа и закрепила суверенные права и права собственности государства на природные ресурсы континентального шельфа. В 1982 году в Указ о континентальном шельфе и другие законодательные акты о континентальном шельфе были внесены соответствующие правки. Таким образом, в национальное законодательство были внесены положения из международного договора.

На континентальном шельфе велись в основном научные геологические работы. Были проведены геологические исследования на островах Шпицберген, Новой Земли, Земли Франца-Иосифа, о. Свердруп в Карском море, на Новосибирском архипелаге, на о. Врангеля, на побережье Печорского моря и Анадырского залива. К началу 1990 года в Арктике были открыты более 10 месторождений, в том числе Штокмановское, Ледовое в Бареневом море, Ленинградское и Русановское в Карском море.

Таким образом, к концу XX века была подготовлена обширная законодательная база, позволяющая выработать на ее основе наиболее эффективные механизмы правового регулирования освоения нефтегазовых месторождений Арктики в последующие годы. Был изменен и урегулирован правовой режим прав на недра месторождений Арктики на суше и на континентальном шельфе. Основные недостатки законодательства о недропользовании начала XX века были преодолены.

Список литературы:

1. Грамберг И.С., Соколов В.Н., Сороков Д.С. Основные проблемы нефтегазоносности Советской Арктики // Проблемы геологии полярных областей земли. Сборник статей / Под ред. В.М. Лазуркина. Ленинград: изд. НИИГА, 1974. – С. 5-10.

Илюшкин М.В.

Проблемы влияния судебной практики на правотворческую деятельность

Аннотация. По причине возрастающей роли суда и судебной практики в РФ возникает вопрос о степени ее влияния на деятельность органов, обладающих правом законотворческой инициативы, и в связи с этим актуальной является проблема реализации высшими судами своих властных полномочий.

Ключевые слова: Верховный суд РФ, Конституционный суд РФ, судебный прецедент, суд, судебная практика.

Problems of the influence of judicial practice on law-making activities

Abstract. Due to the increasing role of the court and judicial practice in the Russian Federation, the question arises about the degree of its influence on the activities of bodies that have the right to legislative initiative, and in this regard, the problem of the implementation of the highest courts of their powers is relevant.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, judicial precedent, court, judicial practice.

На сегодняшний день в условиях глобализации практически всех элементов общественной жизни, включая правовую сферу, происходит слияние правовых систем разных стран. В частности, рос-

сийская правовая система движется к сближению не только с правовыми системами стран романо-германской семьи, но и с правовыми системами стран англо-саксонского права. Последние, в свою очередь, развиваются в направлении к романо-германской системе. Складывается такая тенденция, что в странах с англо-американской системой права, решения суда основываются больше на действующем законе, чем на судебном прецеденте³¹. На наш взгляд, можно сделать и обратный вывод.

По причине повышения роли суда и судебной практики в правовой системе Российской Федерации возникает проблема определения степени влияния судебной системы и правосудия в целом на правотворческую деятельность.

В современной науке выделяют две наиболее ключевых формы такого влияния: судебная практика и судебный прецедент. Особо острую дискуссию вызывает вопрос их соотношения.

Судебный прецедент не признан в качестве источника права в РФ. Таковым является нормативно-правовой акт, который предполагает участие граждан в его создании с помощью опосредованной демократии. Однако право на существования имеют и другие источники права, даже если они на сегодняшний день не закреплены в качестве официальных³².

Вокруг признания прецедента разворачиваются серьезные споры среди ученых. Н.М. Марченко признает неизбежность перспективы официального признания прецедента в качестве самостоятельности источника российского права в случае благополучного развития отечественной государственной и правовой системы³³.

Ему возражает В.С. Нерсисянц, который заявляет, что в рамках прецедентного права решения суда будут носить лишь правоприменительный характер, но никак не правотворческий³⁴.

На данный момент в российской системе права прецедент мог бы носить «подзаконный» характер, выполняя больше вспомогательную функцию. Все упирается в вопрос признания прецедента в каче-

---

³¹ Азнагулова Г.М. Суд – творец права? // Правовая культура. – 2013. – № 1 (14). – С. 161.

³² Халиулин В.Е. Разнообразие форм права как гарантия реализации прав личности // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. Сб. науч.ст. – Липецк: ООО «Максимал информационные технологии», 2014. – С. 106.

³³ Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. – М.: Проспект, ТК Велби, 2005. – С. 385

³⁴ Нерсисянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 108.

стве официального источника права, нормативного его закрепления в правовой системе.

Если с судебным прецедентом как с конечным результатом все более-менее очевидно: обозначена проблема и пути ее решения, то с судебной практикой все неоднозначно. В рамках этого явления стоит рассмотреть практику высших судов – Конституционного и Верховного Судов РФ на предмет того, насколько эти суды реализуют имеющиеся у них властные полномочия.

По мнению Л.А. Кассо, основной смысл судебной практики заключается в том, что судья, в отличие от различных правотворческих учреждений не отрешен от действительности и жизни³⁵. В отличие от законодателей, которые порой не имеют перед собой реальной картины, и это отражается соответственно на качестве принимаемых актов.

Более того, в научной среде существует мнение, что, например, Конституционный суд РФ должен не только применять Конституцию РФ и право, но и «находить» право. В данном случае речь идет о судебном правотворчестве. Ведь конституционное правосудие имеет не только нормотворческую, но и политическую, координационную и иные функции в системе власти.

Конституционный суд РФ вправе проверять закон на их соответствие Конституции РФ, любой государственный орган может обратиться с этой просьбой. Не означает ли это то, что суды фактически детализируют и конкретизируют общие нормы права в форме выработанных правоположений?

Существует проблема, при которой судьи, руководствуясь буквой закона, не могут вынести справедливое решение по делу, так как соответствующий нормативный акт сформулирован в недостаточной степени. И судьи выступают в определенном смысле творцами права, так как они «дорабатывают» закон, дополняют его и создают практику.

В истории были случаи, когда граждане обращались в Конституционный суд РФ с жалобой о нарушении их конституционных прав³⁶, а позже в определенные статьи Федерального закона вносились изменения на законодательном уровне депутатами Государственной Думы.

---

³⁵ Кассо Л.А. Источники русского гражданского права (Вступительная лекция, читанная в Московском университете 17-го января 1990 года). – М: Университетская типография, 1900. – С. 15.

³⁶ Определение Конституционного суда РФ от 13.05.2014 № 1129-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.03.2021).

Подобные прецеденты превращения судебной практики в законопроект говорят о том, что таким образом суды кардинально влияют на правотворчество в целом. Последствия были порой настолько существенны, что привели к новой редакции ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», согласно которой в законодательство должны быть внесены изменения. Таким образом, не все однозначно.

Возможно, частичная реализация высшими судами своих властных функций связана с тем, что правотворчество не является основным направлением деятельности судов. В основном это прерогатива законодательных органов Федерального Собрания РФ. Суды осуществляют больше частичный пересмотр уже существующих правовых норм. Но и это тоже влияет главным образом на законодателя, который прислушивается к позиции Верховного и Конституционного суда.

На данный момент все упирается в необходимость нормативного закрепления и судебного прецедента и в определенном смысле судебной практики, подразумевая под этим расширение полномочий высших судов в стране, стимулирование исполнения их властных функций. Однако предлагаемые изменения и нововведения требуют устойчивой базы законодательства, высокой квалификации законодателей – как депутатов, так и судей. Только в условиях профессионального симбиоза можно достичь устойчивого правового общества.

Список литературы:

1. Азнагулова Г.М. Суд – творец права? // Правовая культура. – 2013. – № 1 (14). – С. 161.
2. Кассо Л.А. Источники русского гражданского права (Вступительная лекция, читанная в Московском университете 17-го января 1990 года). – М.: Университетская типография, 1990. – 16 с.
3. Марченко М.Н. Источники права: учебное пособие. – М.: Проспект, ТК Велби, 2005. – 760 с.
4. Нерсесянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 107-112.
5. Халиулин В.Е. Разнообразие форм права как гарантия реализации прав личности // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. Сб. науч.ст. – Липецк: ООО «Максимал информационные технологии», 2014. – 212 с.

**Институт военной полиции русской армии
в условиях кризиса самодержавия с 1915 до начала 1917 гг.**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность военно-полицейских органов русской армии в кризисный для России период с 1915 до начала 1917 года. Раскрываются функции, организация службы и этапы развития (переформирования) военно-полицейских органов во время Первой мировой войны. Сделан вывод о том, что увеличение численности военно-полицейских органов было одним из способов снижения количества преступлений и дисциплинарных проступков в период, когда война стала принимать позиционный и затяжной характер.

Ключевые слова: Первая мировая война, кризис самодержавия, русская императорская армия, воинская дисциплина, военная полиция.

**Military Police of the Russian Army during the crisis of autocracy
from 1915 to early 1917**

Abstract. The article examines the activities of the military-police bodies of the Russian army during the period of crisis for Russia from 1915 to the beginning of 1917. The functions, organization of service and stages of development (reorganization) of military-police bodies during the First World War are revealed. It is concluded that an increase in the number of military-police bodies was one of the ways to reduce the number of crimes and disciplinary offenses during the period when the war began to take on a positional and protracted nature.

Keywords: World War I, crisis of autocracy, Russian imperial army, military discipline, military police.

Русская императорская армия была самой надежной опорой самодержавной власти. Воинская присяга на верность Царю и Отечеству предполагала клятву перед Богом, что было очень значимым для традиционного патриархального русского общества. Армия и флот, как «два союзника России», несмотря на частые войны, иногда возникающие волнения, оставались главным инструментом, благодаря которому осуществлялась как внутренняя, так и внешняя политика России. Безусловно, этому не могла не способствовать высокая воинская дисциплина, поддержание которой во все времена было одной из главных основ боеготовности армии.

Осознавая этот факт, руководством государства для помощи командирам в поддержании воинской дисциплины еще в XVII веке были введены военно-полицейские органы. К началу Первой мировой войны в составе армии было 7 военно-полицейских частей, называемых жандармскими полевыми эскадронами: в Санкт-Петербурге находился Лейб-гвардии жандармский эскадрон (Гвардейский полевой жандармский эскадрон): 1-й дислоцировался в Вильне; 2-й – в Варшаве; 3-й – в Киеве, 4-й – в Одессе; 5-й – в Тифлисе; 6-й – в Гельсингфорсе³⁷.

Задачи военно-полицейских чинов и частей с течением времени в основном не менялись. Этими задачами были: поддержание правопорядка и воинской дисциплины в частях армии, предупреждение совершения преступлений, исполнение некоторых видов наказаний в отношении военнослужащих, применение к военнослужащим ареста, охрана штабов и важных военных объектов, участие в противодействии шпионской деятельности противника, а также некоторых мероприятиях тылового и санитарного обеспечения (организация работы маркитантов, поддержание чистоты на территории полков, помощь в эвакуации раненых).

В данной статье будет рассмотрен вопрос о применении и организации службы военной полиции в кризисный для России и русской армии период с 1915 до начала 1917 года, то есть в разгар Первой мировой войны.

Неожиданное начало Первой мировой войны вызвало бурное воодушевление в русском обществе, а порой и необоснованную уверенность в скорой победе³⁸. Но, несмотря на мощную пропаганду правительства, духовенства, настрой тех офицеров и солдат, которые помнили тяжелые последствия русско-японской войны, первой русской революции 1905-1907 годов был не столь высоким. Было немало военнослужащих, у которых новая война за защиту чужого государства вызывала чувство протеста. Антивоенные настроения в армии стали развиваться уже в первые месяцы войны, когда в солдатских умах стала более четко вырисовываться ее бесцельность, сопряженная с суровыми бытовыми условиями, материальными лишениями и большими человеческими жертвами³⁹.

---

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. LI. Отд. 2. 1876 г. – СПб., 1876. – № 56331.

³⁸ Калмыков В.С. «Окопная» правда Первой мировой войны // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. – 2014. – № 1. – С. 86-87.

³⁹ Шайпак Л.А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. – 2007. – № 1 (19). – С. 2-3.

В 1915 году боевые действия приняли позиционный характер, и надежды на скоротечность войны стали постепенно исчезать. Психологически к такому повороту событий армия была не готова, начался рост дисциплинарных проступков и преступлений. Например, летом 1915 года стали отмечаться так называемые братания с вражескими войсками⁴⁰ и появляться все больше членовредителей и «бродячих нижних чинов», то есть по различным причинам уклоняющихся от службы солдат. Для противодействия дезертирству в каждом корпусе несли службу команды от кадровых жандармских эскадронов, усиленные конными отрядами от казачьих сотен⁴¹. Требования о немедленном прекращении беспорядков, производимых военнослужащими, звучали в приказах командующих армий и армейских корпусов. О серьезном отношении к этому вопросу можно судить из телеграммы командующего 18 армейским корпусом генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева от 17 июня 1915 года № 9178, в которой есть такие слова: «настоящая война не может быть проиграна и не может быть кончена до одержания нами победы. Ею задеты слишком важные интересы государства, чтобы кто-то был в праве ссылаться на свою усталость... В отношении дезертиров и членовредителей предписываю применять самые жестокие наказания...»⁴².

Об ухудшении состояния дисциплины стало известно даже Николаю II, который потребовал срочно принять все меры для ее восстановления⁴³. Реакцией со стороны государственного и военного руководства на непрекращающиеся случаи мародерства, грабежей и насилия мирного населения, пьянства, дезертирства и членовредительства, стало ужесточение наказаний [9, с. 55] (применение телесных наказаний за некоторые дисциплинарные проступки, смертная казнь за бегство и сдачу в плен), а также увеличение штатных военно-полицейских органов в начале 1916 года.

Но эти контрмеры становились бессильными перед наступившим глубоким кризисом самодержавия и, как следствие, всей армии. Этот кризис был уже укоренен в обществе и непреклонно вел к общему краху царской власти.

---

⁴⁰ Гребенкин И.Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 147.

⁴¹ Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 5 (60). – С. 53.

⁴² РГВИА. Ф. 2214. О. 1. Д. 607. Л. 136.

⁴³ Там же. Л. 254.

Причины кризиса были различны и имели совокупный характер. Во-первых – это непопулярность войны, усталость солдат, низкий уровень тылового обеспечения, порой жестокое обращение к солдатам со стороны командиров и недостаточные моральные и профессиональные качества вновь назначаемых младших командиров. Во-вторых – деструктивная пропагандистская деятельность политических партий, представители которых, понимая психологию солдат-крестьян, настраивали их на сопротивление дальнейшему продолжению войны, представляя им офицеров как угнетателей, главных врагов и виновников их тяжелого положения⁴⁴. И этот процесс был необратим на фоне политического кризиса власти в целом. «Каков народ, такова и армия» – писал в своих воспоминаниях один из руководителей Белого движения генерал А.И. Деникин⁴⁵. Настроение в обществе действительно определило моральный дух на фронте. Первоочередной целью оппозиционных партий в борьбе за поддержку армии было завладение умов офицеров и солдат, слом существовавших испокон принципов и понятий о дисциплине и единоначалии, а главным обещанием – прекращение войны⁴⁶.

Несмотря на эти сложные и непривычные условия, военной полиции русской армии приходилось выполнять задачи, исходя из своего главного предназначения – поддержание правопорядка и воинской дисциплины, борьба с преступностью. Как было сказано выше, для усиления военно-полицейской службы, согласно распоряжению начальника штаба верховного главнокомандующего, число военно-полицейских подразделений в конце 1915 – начале 1916 годов было увеличено. К маю 1916 года полицейские функции в армии наряду с полевыми жандармскими эскадронами стали исполнять вновь созданные органы:

---

⁴⁴ Анисимова А.В. Морально-психологическое состояние офицерского корпуса накануне Гражданской войны: 1916–1917 гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 2. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 45; Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 5 (60). – С. 55; Попов А.В. Дезертирство как проявление разложения русской армии на Западном фронте в феврале – октябре 1917 года // Псковский военно-исторический вестник. – 2017. – Выпуск 3. – С. 154.

⁴⁵ Горбачев Д.А. Духовно-нравственное состояние российской армии накануне Октябрьской революции 1917 года в оценках вождей Белого движения // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 6 (50). – С. 81.

⁴⁶ Никонова С.И. 1917 год: революционные настроения в армии (по материалам 6 Финляндской стрелковой дивизии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 4 (48). – С. 91.

- при штабах корпусов – управление тылового корпусного коменданта и военно-полицейская рота с конно-полицейской командой;
- при штабах дивизий – управления дивизионных комендантов и военно-полицейская рота;
- при пехотных полках – полковые полицейские команды⁴⁷.

Для более качественного выполнения задач военно-полицейской службы, полного охвата территорий, на которых находились войска, была введена особая система организации службы военной полиции, которая заключалась в следующем:

- районы расположения армий, армейских корпусов, дивизий и полков были разделены на военно-полицейские участки, а армейский тыловой район – на этапные районы;

- организация военно-полицейской службы в корпусных, дивизионных и полковых районах была возложена на командиров корпусов, отвечали за эту службу соответствующие коменданты (корпусные, дивизионные, полковые, а также этапные – на маршрутах передвижения войск), которые непосредственно подчинялись начальникам штабов соединений и частей;

- военно-полицейские патрули и разъезды производили осмотр населенных пунктов, лесов, землянок, оврагов, а также всех подвозов и поездов на линиях железных дорог на предмет нахождения беглых военнослужащих, а чины сельских, уездных и губернских администраций при незаконном нахождении нижних чинов в обслуживаемых районах были обязаны немедленно их задерживать и передавать этапным комендантам;

- в период ведения боев выставлялись военно-полицейские посты на перекрестках дорог, путях, ведущих к населенным пунктам и станциям железных дорог, к санитарным учреждениям и к пунктам приема пищи, по фронту этих постов устанавливалось постоянное патрулирование конными дозорами, при въезде в населенные пункты выставлялись отдельные посты, а населенные пункты подвергались тщательному обследованию;

- беглые военнослужащие, обнаруженные во время боев в тыловых районах, собирались в отдельные команды и после телесного наказания под конвоем направлялись к своим частям, где в отношении них после боя возбуждались уголовные преследования за побег с поля сражения;

- нижние чины, не имеющие документов, подтверждающих право нахождения в том или ином районе, задерживались и сопро-

---

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2246. О. 2. Д. 8. Л. 1.

вождались в свои части, к нарушителям, застигнутым на месте преступления, могли быть применены телесные наказания как непосредственно на месте задержания, так и в присутствии подразделения, к которому принадлежал нижний чин;

– во избежание шпионства во время перегруппировок, передвижения войск и в период боев пресекалась торговля в разнос, выдача продуктов;

– о результатах военно-полицейской службы командиры корпусов и начальники этапно-хозяйственных отделов еженедельно представляли в штабы армий донесения по установленным формам⁴⁸.

При выявлении военной полицией преступлений, подозрительных лиц, подозреваемые задерживались и направлялись для проведения дознания комендантам. Коменданты проводили дознание для выявления виновных и выяснения причин совершения преступлений, при этом в их полномочия входили допрос подозреваемых, свидетелей, составление протоколов осмотра мест преступлений. После проведения дознания военнослужащие своих частей передавались командованию полков, других частей – комендантам соответствующих корпусов, лица, подозреваемые в шпионаже – чиновникам контрразведывательных отделов корпусов, гражданские лица – чинам местной полиции, военнопленные и бежавшие из плена военнослужащие русской армии – в штабы корпусов со всеми материалами проведенного дознания⁴⁹.

Задержанных военнослужащих военная полиция содержала на гауптвахтах при частях в качестве арестованных за дисциплинарные проступки, либо на время следственных действий⁵⁰.

В целях пресечения проникновения в расположение войск тайных разведчиков неприятеля, в случаях увеличения числа дезертиров и укрывательства их местными жителями командующие армиями могли применить подразделения военной полиции для выселения местных жителей из населенных пунктов. В выселенных районах комендантами организовывались патрульная служба и пропускной режим⁵¹.

Из еженедельных донесений о результатах несения военно-полицейской службы можно сделать вывод, что наиболее распространенным видом правонарушений среди военнослужащих была са-

---

⁴⁸ РГВИА. Ф.2222.О.1. Д.1269. Л. 53-55.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2228. О. 1. Д. 486. Л. 176-182.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2222. О. 2. Д. 25. Л. 86, 112, 152-153, 178, 389, 742.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2222. О. 1. Д. 1269. Л. 38-30.

мовольная отлучка, а среди гражданских лиц – различного рода шпионская деятельность⁵².

Безусловно, деятельность органов военной полиции в период Первой мировой войны нельзя недооценивать, ведь эта деятельность была весьма разнообразной. Наряду с функциями по борьбе с преступностью, поддержанию правопорядка и воинской дисциплины военная полиция русской армии выполняла задачи по охране штабов и управлений соединений и частей, важных объектов (телеграфных станций, линий телефонной связи, дорог, мостов), имущества, содержанию арестованных, участвовала в мероприятиях по борьбе со шпионской деятельностью, санитарном и тыловом обеспечении. Стоит отметить, что в инструкциях для военно-полицейских чинов отдельным пунктом была выделена задача по недопущению проникновения в войска печатных материалов, которые содержали политическую агитацию, направленную на возбуждение недовольства властью. Несмотря на это, почва, подготовленная революционными агитаторами, в итоге возымела свои плоды, хотя к 1917 году русская армия по своей численности и техническому оснащению находилась на самом высоком уровне⁵³.

После Февральской революции 1917 года Временным правительством стали применяться меры, несоответствующие обстановке на фронте, вводились приказы, которые деморализовали и без того уставшую от войны армию. Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 года был издан знаменитый Приказ № 1, который под предлогом дарования солдатам свобод имел главную цель – поднять их против офицеров. Пунктом № 1 этого приказа вводились так называемые солдатские комитеты, как выборные органы, заменившие руководство кадровых офицеров⁵⁴. Негативные результаты принятых мер не заставили себя долго ждать: после февраля 1917 года в армии было отмечено резкое повышение уровня преступности, например дезертирства. По сравнению с периодом 1914–1917 годов (около 200 тысяч дезертиров) общее число дезертиров только с марта по август 1917 года возросло в 5 раз (по ежемесячным показателям) и со-

---

⁵² РГВИА. Ф. 2222. О. 1. Д. 1269. Л. 69-71, 72-74, 128-130, 171-173, 212-213, 221-222, 227-228, 230-231, 237-238, 240-241, 250-251, 263-263а.

⁵³ Бессчетнова Е. Развал Русской императорской армии в 1917 году // Социологическое обозрение. – 2018. – № 2. – Т. 17. – С. 300.

⁵⁴ Бессчетнова Е. Развал Русской императорской армии в 1917 году // Социологическое обозрение. – 2018. – № 2. – Т. 17. – С. 303-305.

ставляло около 170 тысяч человек⁵⁵, по сведениям вражеской разведки, их число весной 1917 года доходило до 2 миллионов человек⁵⁶. Стали возникать массовые случаи убийств офицеров и разоружения целых воинских частей, причем, как отмечают большинство современных исследователей, генераторами актов насилия против офицеров стали выступать солдатские комитеты⁵⁷.

Военно-полицейские органы, созданные в начале 1916 года, продолжали выполнять свои обязанности после марта 1917 года, а кадровые жандармские эскадроны сначала были переименованы в ординарческие эскадроны, а в 1918 году вовсе ликвидированы. При этом имеются данные о нападении на чинов военной полиции. Так, солдаты гвардейского ординарческого эскадрона докладывали о фактах разоружения их украинскими частями при следовании железнодорожным транспортом 7 ноября, 11 ноября и 28 декабря 1917 года на станциях Киев, Винница и Коростень соответственно⁵⁸.

В «весьма спешной» телеграмме от 7 января 2018 года начальник Могилевского гарнизона приказал командиру гвардейского ординарческого эскадрона прибыть с личным составом эскадрона 8 января 1918 года на демонстрацию с лозунгом: «Вся власть советам!» на Театральную площадь Могилева. Но прибыть военнослужащие военной полиции должны были не для поддержания правопорядка на этом мероприятии, а для участия в нем⁵⁹.

Кризис самодержавной власти в начале XX века имел длящийся характер. Он не был неожиданным и спонтанным, а развивался десятилетиями. До начала XX века у монархии в России серьезных политических оппонентов не было. Революционные движения второй половины XIX века не имели четкой политической программы и, несмотря на стремление уничтожать государственных деятелей самодержавной власти, взамен ничего не предлагали, однако оппозиционерам удалось посеять семена протеста в русском обществе.

Оценивать политическую ситуацию, духовное состояние в России в эпоху Первой мировой войны нужно системно, но, безусловно,

---

⁵⁵ Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 5 (60). – С. 57.

⁵⁶ Бухтоярова И.М., Панова А.В. Армия и флот в условиях общественно-политического кризиса 1917 года // Берегиня. 777. Сова. – 2018. – № 1 (36). – С. 79.

⁵⁷ Ипполитов Г.М. О периодизации процесса разложения русской армии в 1917 году. К постановке проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – № 3 (2). – Т. 19. – С. 347.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 16079. О. 1. Д. 158. Л. 30-32.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 16079. Оп. 1 Д. 243. Л. 7.

война стала причиной того, что кризис власти перерос к ее окончательному краху. В кризисный период 1915– начало 1917 года царское правительство не рассматривало какого-либо варианта прекращения войны, кроме полной победы. Поэтому мерами для прекращения роста преступности и дисциплинарных проступков в армии были изменения в законодательстве, предусматривающие более суровые санкции к нарушителям, а также увеличение численности военно-полицейских органов, более четкое и структурированное управление их деятельностью.

Список литературы:

1. Анисимова А.В. Морально-психологическое состояние офицерского корпуса накануне Гражданской войны: 1916–1917 гг. // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 2. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 43-49.
2. Бессчетнова Е. Развал Русской императорской армии в 1917 году // Социологическое обозрение. – 2018. – № 2. – Т. 17. – С. 299-316.
3. Бухтоярова И.М., Панова А.В. Армия и флот в условиях общественно-политического кризиса 1917 года // Берегиня. 777. Сова. – 2018. – № 1 (36). – С. 78-81.
4. Горбачев Д.А. Духовно-нравственное состояние российской армии накануне Октябрьской революции 1917 года в оценках вождей Белого движения // Вестник МГУКИ. – 2012. – № 6 (50). – С. 79-84.
5. Гребенкин И.Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 145-159.
6. Ипполитов Г.М. О периодизации процесса разложения русской армии в 1917 году. К постановке проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – № 3 (2). – Т. 19. – С. 345-356.
7. Калмыков В.С. «Окопная» правда Первой мировой войны // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. – 2014. – № 1. – С. 82-93.
8. Никонова С.И. 1917 год: революционные настроения в армии (по материалам 6 Финляндской стрелковой дивизии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 4 (48). – С. 95-100.
9. Оськин М.В. Российские дезертиры Первой мировой войны // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 5 (60). – С. 46-60.

10. Попов А.В. Дезертирство как проявление разложения русской армии на Западном фронте в феврале – октябре 1917 года // Псковский военно-исторический вестник. – 2017. – Выпуск 3. – С. 152-158.

11. Шайпак Л.А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. – 2007. – № 1 (19). – С. 92-99.

Хожимуродова Д.Т.

Некоторые правовые вопросы защиты прав женщин в Республике Узбекистан

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые вопросы защиты прав женщин в Республике Узбекистан, анализируются международно-правовые проблемы борьбы против дискриминации прав женщин. Раскрываются правовые основы защиты прав женщин, а также проблемы гендерного неравенства в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: дискриминация, гендерное неравенство, стереотипы, домашнее насилие, права женщин, государственная поддержка женщин, международное сообщество, роль женщин в управлении делами общества.

Some legal issues relating to the protection of women's rights in Uzbekistan

Abstract. The article examines some legal issues relating to the protection of women's rights in Uzbekistan and examines the international legal problems of combating discrimination against women's rights. The legal framework for protecting women's rights and the issues of gender inequality in the Republic of Uzbekistan are disclosed.

Keywords: discrimination, gender inequality, stereotypes, domestic violence, women's rights, state support for women, the international community, the role of women in the management of social affairs.

Права человека женщин и девочек являются неотъемлемой, составной и неделимой частью всеобщих прав человека. Полное и равноправное участие женщин в политической, гражданской, экономической, общественной и культурной жизни на национальном, региональном и международном уровнях, а также ликвидация всех форм

дискриминации по признаку пола являются первоочередными целями международного сообщества⁶⁰.

Среди разнообразных социальных проблем, находящихся в центре внимания нашего общества и государства в условиях переходного периода, особое значение приобретают проблемы улучшения правового статуса женщин, широкое вовлечение их в процесс активного участия в социально-политической жизни страны. В переходном периоде, связанном с вхождением Узбекистана в рыночную экономику и формированием демократической, политической системы, проблема равноправия полов критически переосмысливается с позиции достижений современных подходов.

Несмотря на определенные успехи, связанные с достижением правового равенства женщин с мужчинами, фактическое равенство все еще остается для женщин недостижимым. В данное время женщины сталкиваются с трудностями как в личной, так и в общественной жизни. После приобретения независимости в Республике Узбекистан началось улучшение положения женщин, расширение их прав в общественной жизни. Узбекистан принял ряд законодательных актов и реализовал правовые реформы, направленные на защиту интересов и статуса женщин. В целом женщинам Узбекистана предоставляются равные права с мужчинами, а законодательством предусмотрен ряд положений, признающих и защищающих положение женщин как матерей – как биологически, так и социально, как в быту, так и на рабочем месте. Однако на практике недостаточное и фрагментарное соблюдение законов не обеспечивает женщинам защиту их прав. В соответствии с Конституцией Узбекистана все граждане пользуются равными правами и свободами независимо от пола, расовой принадлежности, этнического происхождения, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного или социального статуса⁶¹. Статья 46 Конституции Республики Узбекистан гарантирует равные права для женщин и мужчин. Однако различными кодексами предусмотрены специальные меры, имеющие отношение только к женщинам, как, например, в Трудовом и Семейном кодексах. Данные меры предполагают ряд привилегий и защитных мер с учетом биологических и

---

⁶⁰ Венская декларация и Программа действий, принятые на Всемирной конференции по правам человека (ч. 1, гл. 3) (Вена, 25 июня 1993 года). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения 15.03.2021).

⁶¹ Конституция Республики Узбекистан, глава 7 «Личные права и свободы», 2020 г. – URL: <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения 15.03.2021).

репродуктивных функций, выполняемых женщинами. Узбекистан ратифицировал ряд международных актов, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Декларацию Организации Объединенных Наций и Платформу действий, принятую в Пекине в 1995 г. Главная цель подписания этих документов является приведение национального законодательства в соответствие с международными конвенциями и декларациями.

К тому же, стоит выделить тот факт, что анализируемая нами тема является дискуссионной в профессиональном плане, так как на сегодняшний день неоспоримой проблемой является ущемление прав женщин в высокопоставленных чинах.

По нашему мнению, причиной считается недооценка интеллектуально-творческого потенциала женской половины населения.

Женщины вправе знать о том, что все государства, которые стали участниками данной конвенции, не только осудили дискриминацию в отношении женщин, но и обязались обеспечить с помощью законов национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту от произвола любого акта дискриминации.

Теперь перейдем к основной нашей задаче, то есть к актуальным вопросам защиты прав женщин в Республике Узбекистан. Одной из главных проблем в нашей стране является гендерное неравенство, дискриминация женщин. После независимости в улучшении экономических возможностей женщин сыграли роль принятие новых законов Республики Узбекистан «О семейном предпринимательстве», а также были изданы Указы Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему кардинальному улучшению деловой среды и предоставлению большей свободы предпринимательству». Вдобавок, в профсоюзных органах с 2012 года в состав комиссий, осуществляющих общественную экспертизу коллективных договоров, были приглашены специалисты по правам женщин, благодаря чему в коллективные договора включили ряд льготных условий для женщин. Если рассмотреть доступ женщин и девочек к образованию, профессиональному обучению и развитию своих способностей в качестве решающего фактора в расширении их прав и возможностей и повышении их благосостояния, то в республике право на образование для всех граждан независимо от их пола гарантируется Конституцией Узбекистана (ст. 41)⁶². Равные права женщин и мужчин на получение образования установлены также Законом Республики Узбекистан «Об

---

⁶² Ст. 41 Конституции Республики Узбекистан 2020 г. – URL: <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения 15.03.2021).

образовании», на физическое развитие и занятие спортом – Законом «О физической культуре и спорте» (ст. 2)⁶³.

Однако наряду с имеющимися достижениями в нашей стране еще существуют также определенные проблемы, такие как устойчивость устаревших патриархальных стереотипов о «женском предназначении», существование в общественном сознании понятия о решенном «женском вопросе» и, как следствие, низкая осведомленность в вопросах гендерного равенства в обществе; в государственных структурах в данное время мужчин намного больше, чем женщин, что также можно отнести к актуальным вопросам прав женщин, включая недостаток статистических данных, особенно касающихся доступа женщин к ресурсам, их участия в неформальном рынке труда, торговле людьми, и другой информации для ведения гендерного анализа и мониторинга гендерной ситуации на уровне всех регионов.

В нашей стране женщины имеют равный доступ к начальному, среднему и высшему образованию, к профессиональной подготовке, в том числе и в области естественных наук, математики и инженерно-технических дисциплин и так далее. Как мы знаем, ст. 41 Конституции Республики Узбекистан гласит, что каждый гражданин Республики Узбекистан имеет право на образование⁶⁴. Однако последнее время не редко встречаются и такие случаи, когда глава семьи, то есть мужчина, запрещает детям, особенно девочкам, и своим женам получать образование, иногда даже начальное, что противоречит законодательству нашей страны, что способствует повышению остроты данной темы.

Еще одним актуальным вопросом является домашнее насилие, в период пандемии резко увеличилось число таких случаев. Экономические трудности привели к потере доходов и рабочих мест во многих семьях, что в свою очередь спровоцировало всплеск физического, психологического, экономического и сексуального насилия в отношении женщин и девочек. Если рассмотреть данные Министерства внутренних дел Узбекистана в период с января по октябрь 2020 г., органы внутренних дел выдали примерно более 8 430 охранных ордеров для обеспечения безопасности жертв гендерного насилия, из них 4 330 человек подверглись физическому, а около 3 200 человек – пси-

---

⁶³ Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан "О физической культуре и спорте"». – URL: <https://lex.uz/docs/2742238> (дата обращения 15.03.2021).

⁶⁴ Ст. 41 Конституции Республики Узбекистан 2020 г. – URL: <https://lex.uz/docs/35869> (дата обращения 15.03.2021).

хологическому насилию⁶⁵. Очевидно, что за этими цифрами скрываются личные истории боли, унижения и страха, пережитые жертвами, о которых никогда не узнает широкая общественность, то есть речь идет о самых ужасных страхах женщин, и это является самым актуальным вопросом в Республике Узбекистан. Следует подчеркнуть, что до сих пор отсутствует конвенционное определение понятия насилия в отношении женщин, к сожалению, данная проблема получила разрешение лишь на уровне декларации и носит рекомендательный характер. Для того чтобы преодолеть данную проблему и для того чтобы женщины не подвергались насилию и защищали свои права, необходимо создать комплексную и всеобъемлющую законодательную базу, которая обеспечит полный охват многообразных форм насилия в отношении женщин, а также содействовать согласованию национального законодательства в плане криминализации насильственных деяний в отношении женщин. Для осуществления вышеперечисленных задач стоит тщательно изучить условия и причины данной проблематики и разработать политику и программы, призванные изменить отношение и поведение лиц, совершающих акты насилия в отношении женщин в семье и обществе.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в законодательстве закреплено равенство прав мужчин и женщин и недопустимость дискриминации по половому признаку, предусмотрена возможность судебной защиты лица, подвергшегося дискриминации, восстановление судом нарушенного права и возмещение причиненного вследствие дискриминации материального и морального вреда⁶⁶.

В нашей стране осуществляются меры, направленные на последовательное повышение уровня жизни населения страны, а также сейчас уделяется значительное внимание поддержке социально уязвимых категорий населения, включая женщин. Как отметил Президент Республики Узбекистан: «В республике полностью преобразованы Комитет женщин и его территориальные подразделения, им предоставлены дополнительные полномочия и возможности, созданы необходимые условия для эффективной деятельности, что стало важ-

---

⁶⁵ Работа, которую мы должны продолжить в Узбекистане и после завершения кампании против гендерного насилия // Review.uz. – URL: <https://review.uz/post/rabota-kotoruyu-m-doljn-prodoljit-v-uzbekistane-i-posle-zaversheniya-kampanii-protiv-gendernogo-nasiliya> (дата обращения 15.03.2021).

⁶⁶Женщина: ее права и свободы. – Ташкент: Издательский дом «Эльдинур», 2001. – С. 28.

ным шагом на этом пути», а также велика роль женщин в выявлении и своевременном решении социальных проблем, усилении эффективности управления. Поэтому мы еще активнее продолжим политику повышения роли и статуса женщин в обществе, назначения их на ответственные должности».

Список литературы:

1. Женщина: ее права и свободы. – Ташкент: Издательский дом «Эльдинур», 2001. – 206 с.

Семенова А.Д.

Сделки слияния и поглощения как способ преодоления экономического кризиса

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежных и российских сделок трансграничных слияний и поглощений, выявлению общих закономерностей с целью определения способа преодоления экономического кризиса.

Ключевые слова: сделки слияний и поглощений, трансграничные сделки слияний и поглощений, транснациональные корпорации, эффективность сделок трансграничных слияний.

Merger and takeover deals as a way to overcome the economic crisis

Abstract. The article is devoted to the analysis of foreign and Russian transactions of cross-border mergers and acquisitions, the identification of general patterns in order to determine the way to overcome the economic crisis.

Keywords: mergers and acquisitions, cross-border mergers and acquisitions, multinational corporations, efficiency of cross-border mergers.

Развитие рыночных экономических отношений обусловило столкновение собственников юридических лиц с необходимостью оперативно реагировать на те изменения, которые связаны с оперативным реагированием на возникающие экономические ситуации, что, в свою очередь, увеличило количество сделок, связанных со «слиянием» и «поглощением» более крупными юридическими лицами тех юридических лиц, которые как по имеющемуся объему выручки, так и по величине собственных средств, в том числе и уставного капитала, занимают более скромные позиции.

В этом отношении многими российскими компаниями используется уже существующий зарубежный опыт, а также новые технологии, применяемые в бизнесе, направленные на слияние и поглощение капитала, что привело к увеличению сделок по слиянию/поглощению (M&A).

Первоначально вопросы, связанные со слиянием и поглощением, возникли в банковском секторе, в котором они получили актуальность еще в конце XX века. Позиции регулятора в этом вопросе менялись несколько раз, в том числе и по той причине, что вновь созданному юридическому лицу, которое возникало в форме слияния или присоединения было необходимо получать новую банковскую лицензию, что Центральным банком РФ осуществлялось далеко не во всех случаях оперативно.

Эволюцию подхода регулятора можно проследить по тем документам, которые по вопросам слияния и поглощения были опубликованы им в последние два десятка лет. Так, в 2003 году им было принято соответствующее Положение N 230-П⁶⁷, которое через десять лет было заменено новым Положением N 386-П⁶⁸, действующим до настоящего времени.

В результате этой эволюции в процесс слияния и поглощения были внесены соответствующие коррективы, позволившие существенно упростить решение данного вопроса. Так, например, стало возможным подавать комплект соответствующих документов не в центральный офис Банка России, а в территориальное учреждение Центрального банка, то есть, там, где, как предполагало руководство вновь образованной кредитной организации, будет находиться головной офис банковской группы. Сократился и срок принятия уполномоченным органом Банка России решения по представленному комплекту документов – он не должен был превышать 30 календарных дней с момента проведения последним из тех банков, которые должны были осуществить слияние, общего собрания акционеров, решив-

---

⁶⁷ Положение о реорганизации кредитных организаций в форме слияния и присоединения (утв. Банком России 04.06.2003 N 230-П) (ред. от 09.06.2010) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 07.07.2003 N 4868). Действие документа отменено // СПС «КонсультантПлюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43242/ (дата обращения 18.03.2021).

⁶⁸ Положение Банка России от 29.08.2012 N 386-П (ред. от 15.07.2019) О реорганизации кредитных организаций в форме слияния и присоединения (Зарегистрировано в Минюсте России 09.10.2012 N 25633) // СПС «КонсультантПлюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136444/ (дата обращения 18.03.2021).

шего этот вопрос. Не стало необходимым проводить и общее собрание тех банков, которые должны были войти в новую банковскую группу⁶⁹.

Если подходить к вопросу слияний с позиций макроэкономики, да и просто экономической науки, то данный факт приводит к объединению капиталов, которые имеются как минимум у двух кредитных организаций, участвующих в процессе объединения. В результате происходит укрупнение банковского бизнеса. Это в свою очередь увеличивает и ту долю на рынке, которую занимают данные кредитные организации. Вместе с тем сокращаются расходы на управление банковским бизнесом, к имеющимся банковским продуктам одного банка, участвующего в объединении, получают доступ все банки, входящие в это объединение. Еще одним положительным фактом, связанным с созданием новой структуры, является расширение ее географии.

Как уже было отмечено, в мировой экономике «пик» объединения банковских структур пришелся на 1990-2000 годы, это касается не только банковского сектора, а и экономики в целом. В мировой экономике, именно в этот период, были созданы такие гиганты банковского сектора, какими являются JPMorgan Chase и Bank of America, Merrill Lynch, а также некоторые другие.

В российском банковском сегменте одним из крупнейших банков, осуществляющим слияние банковского капитала, был МДМ Банк, который создал в Санкт-Петербурге в 2001 году новую банковскую компанию, на базе бывшего Петровского банка, МДМ Банк – Санкт-Петербург, ставшего впоследствии структурным подразделением банка Открытие. После этого в 2009 году произошло слияние МДМ Банка и Урса Банка. В ходе этого слияния было образовано ОАО «МДМ Банк», получившее новую генеральную лицензию, а ранее существующие юридические лица были ликвидированы. Созданная новая банковская структура заняла пятнадцатое место в банковском рейтинге (по величине нетто-активов), а в соответствии с размером собственных средств (капитала) в этом же рейтинге получила двенадцатое место. Новые возможности оказали положительное влияние и на прибыль, получаемую этим банком⁷⁰.

---

⁶⁹ Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцева и др.; отв. ред. А.В. Габов. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. – 280 с.

⁷⁰ Звонова Е.А., Пищик В.Я. Европейская финансовая интеграция: от рынка банковских услуг до союза рынков капитала // Банковское право. – 2020. – № 3. – С. 67-73.

Проанализировав рассмотренные вопросы, следует отметить, что проблемы слияния и поглощения касаются не только крупных финансовых структур, но и небольших коммерческих фирм, которым достаточно проблематично конкурировать с большими и крупными компаниями, поскольку последние заняли, и уже давно, в своей отрасли соответствующее место. Крупный капитал нужен не только небольшим предприятиям, поскольку он требуется как для успешного старта в любой деятельности, так и для ведения в ней бизнеса постоянно. Нужны для занятия предпринимательской деятельностью и соответствующие ресурсы. Вместе с тем эти экономические составляющие имеются далеко не у всех предприятий бизнеса, что и понуждает участников бизнес отношений заниматься вопросами, связанными с возможным слиянием и поглощением.

В таких отношениях, должны участвовать как минимум две организации, планирующие объединить принадлежащие им капиталы. В соответствии с принятым наименованием в зарубежных источниках это понятие, как было уже отмечено, носит обозначение M&A, поскольку является производным от английских слов Mergers and Acquisitions. Проведение таких сделок служит, как уже было отмечено, увеличению возможностей, связанных с крупным капиталом, что в свою очередь делает возможным использовать больше ресурсов, а также других показателей, связанных с развитием бизнеса и его эффективностью⁷¹.

Нет сомнения в том, что важнейшей целью, которая его участниками преследуется в ходе поглощения и слияния, является увеличение прибыли, а мотивом для основной массы этих сделок является синергетический эффект, что выражается во взаимодополняющем сотрудничестве, в котором принимают участие не меньше двух компаний. В результате осуществления такого сотрудничества может быть спрогнозировано получение лучших результатов, что позволит улучшить и эффект от осуществляемой деятельности, состоящий, в том числе, и в получении большей прибыли.

Однако, кроме названного, можно выделить и другие мотивы, в том числе появляющуюся возможность получить у поставщиков дополнительные скидки на ресурсы, включая сырье, что обуславливается увеличением объемов необходимых поставок.

---

⁷¹ Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: Монография // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/antikorrupcionnyj_komplaens/ (дата обращения 18.03.2021).

Еще одним мотивом является организация совместной деятельности, которая позволяет осуществлять новые разработки, которые невозможно осуществить с минимальным количеством как финансовых, так и интеллектуальных ресурсов.

Осуществляя слияние, следует учитывать в качестве мотивов и налоговую оптимизацию. Так, в том случае, когда фирма А, в связи с наличием высокой прибыли, несет и существенное налоговое бремя, ей следует рассмотреть вопрос о возможности слияния с фирмой Б, у которой значительно меньше валовой выручки, но имеются серьезные налоговые льготы. В том случае, когда фирма А приобретет контрольный пакет фирмы Б, то доходов она будет получать меньше, но у нее появятся существенные и необходимые ей налоговые преференции, которые можно будет использовать в объединенной корпорации.

В некоторых случаях, осуществляя реорганизацию компании после банкротства, следует рассмотреть вопрос о целесообразности переноса части убытков на прибыль будущих периодов, которая подлежит обложению налогом на прибыль, но такой преференцией можно воспользоваться, к сожалению, не во всех случаях. Например, налоговые органы США признают такие сделки, целью которых является исключительно перенос убытков, в качестве сомнительных, следствием чего является отмена данного права⁷².

В некоторых случаях слияние и поглощение компаний используется с целью повышения результатов деятельности, что может быть обусловлено возможностью взаимодополнять свою деятельность необходимыми ресурсами. В результате совместная стоимость этих компаний существенно превышает ту, которая была у них по отдельности.

Представляет интерес и возможности пользоваться в ходе осуществленного объединения такими условиями кредитования, которые можно считать максимально выгодными, поскольку такие возможности могут быть предоставлены только крупнейшим корпорациям, признаваемым, в соответствии с нормами банковского законодательства, первоклассными заемщиками.

Не во всех случаях мотивы слияния или поглощения обусловлены только необходимостью экономить денежные средства, поскольку они могут быть вызваны и другими обстоятельствами:

– например, появляется возможность у фирмы показывать свои высокие показатели, что бывает связано с ростом объемов произво-

---

⁷² Обзор судебной практики // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2018. – № 7. – С. 106-127.

димой продукции или стоимости собственных акций, что ведет к увеличению капитала;

– поскольку в ходе слияния изменяются масштабы фирмы, то и повышается ее имидж, а также увеличивается уровень поощрения сотрудников;

– увеличение размера, имеющегося у компании, ведет к увеличению гарантии стабильности.

Приведенные примеры показывают, что это количество мотивов, которые не связаны с прямыми денежными выгодами, а обусловлены исключительно финансовой экономией, может быть достаточно большим, поскольку все они определяются вполне конкретными обстоятельствами.

Не следует рассматривать понятия слияние и поглощение в качестве равноценных, поскольку поглощение является процессом, в ходе которого, устанавливается полный контроль одной компании над другой. На практике это осуществляется через выкуп части уставного капитала той компании, которая должна быть поглощена, причем в размере не менее 30 %. Так, если у некоторой фирмы наблюдается стремительное снижение темпов роста, то отвечать требованиям современного рынка она перестает, что ведет к снижению стоимости ее акций. Сама же эта фирма становится выгодным объектом для поглощения, которое может осуществляться одним из двух способов, зависящих от интересов участников данного процесса:

– в случае дружественного поглощения оно происходит по согласованию с акционерами и управляющим персоналом;

– при агрессивном поглощении такой процесс происходит против воли данной компании. В таком случае поглощаемая компания может быть даже не в курсе намерений «поглотителя».

В случае слияния осуществляется процесс, в ходе которого объединяются две или более компании, а на выходе из этого процесса возникает новая организация. В свою очередь, в данном процессе можно выделить следующие типы⁷³:

– в случае слияния форм ранее существовавшие компании, являвшиеся полностью самостоятельными, прекращают свое существование; создается новое юридическое лицо, в котором присутствуют все активы, а также права и обязанности предыдущих лиц;

---

⁷³ Гудкова О.Е. Исследование признаков неплатежеспособности // Арбитражный управляющий. – 2019. – № 4. – С. 9-11; № 5. – С. 21-24.

– в случае слияния активов происходит объединение, которому передают имеющиеся у них исключительные права, но и сами они имеют возможность продолжить свою деятельность;

– в случае осуществления присоединения компании сливаются, но новая экономическая единица не образуется, при этом, одна из компаний продолжает собственную деятельность, а оставшиеся ликвидируются, имеющиеся у них права передаются оставшейся компании.

Также можно выделить следующие виды поглощения и слияния:

В случае осуществления горизонтального объединения, в нем принимают участие компании, имеющие одинаковый вид деятельности. Необходимость такого объединения необходима для увеличения возможностей с целью развития, а также снижения конкуренции в отношении крупных компаний.

При вертикальном объединении объединяются компании, имеющие различные виды деятельности. Так, могут, например, объединяться поставщики сырья с производителями. В результате происходит увеличение прибыли, обусловленное снижением себестоимости.

При параллельном объединении компаний осуществляется объединение производимой взаимосвязанной продукции. Примером такого объединения может быть слияние производителей компьютеров с производителем операционных систем к ним, что улучшает качество и уменьшает издержки.

Круговые объединения предусматривают слияние деятельности компаний, если такая деятельность ранее не была связана между собой ни в каком аспекте, в том числе они не являлись конкурентами, ни поставляли друг другу сырье, не оказывали друг другу транспортные услуги.

Еще одним видом объединения является реорганизация, в котором объединяются компании, ранее осуществлявшие различные виды деятельности.

Можно различить слияние компаний и по национальным показателям. Так, внутренние объединения осуществляются в одной стране. В случае экспортного объединения права передаются иностранным партнерам, а при импортных объединениях права получаются от иностранных государств. В случае смешанных объединений сливаются активы, находящиеся в разных государствах⁷⁴.

---

⁷⁴ Гафарова Г.Р. Особенности правоотношений в механизме финансово-правового регулирования ценообразования // Финансовое право. – 2018. – № 11. – С. 6-9.

Можно классифицировать М&А в соответствии с географическим расположением. В этом отношении выделяют локальные, региональные, национальные, международные и транснациональные слияния и поглощения.

Следует отметить, что в сделках М&А есть не только положительные, но и отрицательные стороны. К положительным аспектам можно отнести⁷⁵:

- ослабление конкуренции;
- за относительно короткий срок можно достичь оптимальных показателей, что должно осуществляться объединением усилий;
- можно приобрести недооцененные активы, а также отлаженную систему сбыта;
- компания может выйти на новые рынки сбыта с точки зрения географии.

Минусы, связанные со слиянием компании, характеризуются:

- достаточно велик риск неверной оценки фирмы;
- присутствуют значительные издержки, обусловленные выплатой премий акционерам;
- если сферы деятельности компаний не совпадают, то интеграция происходит достаточно сложно;
- в случае трансграничных объединений наблюдается несовпадение культур;
- с персоналом приобретенной организации возможно возникновение проблем.

На окончательный результат сделок, связанных со слиянием компаний, в том числе и на стоимость акций, оказывают влияние множество факторов, которые можно классифицировать на положительные и отрицательные.

В число положительных факторов следует включить:

- синергию, связанную с организацией бизнеса, поскольку слияние даже двух компаний делает имеющиеся достижения более весомыми, чем их деятельность по отдельности;
- реализация собственной доли, когда полученные денежные средства вкладываются в развитие бизнеса;
- путем приобретения ликвидируется фирма-конкурент;
- для реализации выпускаемой продукции, в том числе с помощью общих точек сбыта, также необходимо соединение компаний.

---

⁷⁵ Глазунов А.Ю. Антимонопольный контроль за горизонтальными слияниями и поглощениями через призму экономического анализа права // Закон. – 2017. – № 12. – С. 69-83.

Таким примером может являться реализация компанией PepsiCo через выкупленную ей сеть быстрого питания KFC.

К числу отрицательных факторов следует отнести:

- компании могут придерживаться совершенно разных идеологий: такими могут быть как инновационная, так и консервативная;
- одна компания может навязывать другой собственную политику, что может сказаться на эффективности деятельности;
- компанию может покинуть лидер после того, как он продал собственную долю, что, например, произошло с сетью продовольственных магазинов «Магнит», когда ее покинул Сергей Галицкий, продав свою долю⁷⁶.

Следует отметить, что фактически показателей гораздо больше, но они определяются особенностями конкретных компаний. Вместе с тем следует отметить, что изменение в составе акционеров, даже если не изменилось ведение бизнеса, способно оказать существенное влияние на стоимость акций.

Например, весной 2019 года компания «Севергрупп», руководимая А. Мордашовым выкупила 41,9 % акций гипермаркетов «Лента», а также направила миноритарным акционерам аналогичное предложение, что привело к аккумулярованию у «Севергрупп» более 78 % акций, а в свободном обороте осталось около 20 % (до этой сделки в свободном обороте было 57 % акций). Не зная план развития «Ленты», акционеры стремились принять участие в оферте. После же завершения сделки, акции стали терять в цене⁷⁷.

В апреле 2018 года крупнейший российский сетевой ритейлер «М.Видео» приобрел сеть магазинов электроники и бытовой техники «Эльдорадо», он приобрел 100 % акций за 45,5 млрд рублей. На брендах такое слияние не отразилось, сохранившись под управлением «М.Видео» у которого было в двухстах городах 831 магазин. Через полгода были подведены первые итоги, которые показали как увеличение прибыли, так и положительную динамику по всем ведущим показателям. В результате и стоимость акций возросла на 15 %. Успех этой акции следует объяснять тем, что компания проводила грамотную политику, а также оптимально подобрала каналы реализации⁷⁸.

---

⁷⁶ Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. – М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. – 488 с.

⁷⁷ Вход в капитал «Ленты» Мордашова открывает перспективы для развития компании. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/207031606> (дата обращения 18.03.2021).

⁷⁸ «М.Видео» купил «Эльдорадо» за 45,5 млрд руб. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ae199649a79478420008110> (дата обращения 18.03.2021).

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что достаточно часто осуществить оценку эффективности сделки, осуществляемой в рамках М&А, бывает достаточно проблематично, поскольку для этого необходимы знания в политике, осуществляемой компанией, а также представления об отраслевой специфике. В итоге многие из совершенных сделок не приводят к тем результатам, которые были намечены, в том числе могут и вовсе не окупаться. Однако следует отметить, что бизнес во все времена тяготел к укрупнению. Если это укрупнение осуществляется в полном соответствии с нормативными предписаниями, как это происходит в банковском секторе, то такое укрупнение, как правило, благоприятно влияет как на экономику соответствующих корпораций, так и экономику стран в целом.

Список литературы:

1. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: Монография // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/antikorrupcionnyj_komplaens/ (дата обращения 18.03.2021).
2. Гафарова Г.Р. Особенности правоотношений в механизме финансово-правового регулирования ценообразования // Финансовое право. – 2018. № 11. – С. 6–9.
3. Глазунов А.Ю. Антимонопольный контроль за горизонтальными слияниями и поглощениями через призму экономического анализа права // Закон. – 2017. – № 12. – С. 69-83.
4. Гудкова О.Е. Исследование признаков неплатежеспособности // Арбитражный управляющий. – 2019. – № 4. – С. 9-11; № 5. – С. 21-24.
5. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. – 488 с.
6. Звонова Е.А., Пищик В.Я. Европейская финансовая интеграция: от рынка банковских услуг до союза рынков капитала // Банковское право. – 2020. – № 3. – С. 67-73.
7. Обзор судебной практики // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2018. – № 7. – С. 106-127.
8. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / А.В. Габов, К.Д. Гасников, В.П. Емельянцева и др.; отв. ред. А.В. Габов. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – Т. 3: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. – 280 с.

**Сайт «Арктическое право Wiki»
как средство совершенствования арктического права**

Аннотация. Авторы статьи показывают перспективы разработанного ими сайта «Арктическое право Wiki». Использование данного сайта способно стать средством совершенствования арктического права и выработки эффективной правовой политики в освоении арктического региона.

Ключевые слова: арктическое право, систематизация законодательства, сайт «Арктическое право Wiki».

**The web-page called “Arkticheskoe pravo Wiki” (in Russian)
as a means of improving arctic law**

Abstract. The writers show the perspectives of creating the web-page “Arkticheskoe pravo Wiki.” Using this page can become a means of improving the Arctic law and developing an effective legal policy in the development of the Arctic region.

Keywords: arctic law, systematization of legislation, the web-page called “Arkticheskoe pravo Wiki” (in Russian).

По мнению многих авторитетных ученых-юристов, современное право находится в переходном состоянии, которое квалифицируется как кризис. При этом под кризисом авторы монографии «Кризис права: история и современность» понимают «препятствие на жизненном пути человека или группы людей, преодоление которого возможно»⁷⁹. Такие «препятствия» проявляются как «инфляция законодательства (или юридикация социальности), отчуждение населения от юридически сферы общества, утрата правом легитимности и эффективности»⁸⁰. Они – кризисные явления в праве – связаны как с объективными процессами, происходящими в постиндустриальном, глобальном мире, прежде всего с ростом его сложности, так и с субъективными факторами, например, ограниченностью информации, необходимой для проведения

---

⁷⁹ Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2018. – С. 7.

⁸⁰ Честнов И.Л. Постклассическая методология исследования права как ответ на кризис юриспруденции // Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2018. – С. 161.

адекватной правовой политики. Все это обуславливает потребность в совершенствовании законодательства, его информационно-технической оснащенности, и прежде всего – в его систематизации.

Особую роль процессы систематизации законодательства играют сегодня, когда происходит повсеместная цифровизация всех общественных процессов⁸¹. О перспективах создания «концепта "Государство-как-Платформа" (ГкП)» как «качественно новой системы организации и исполнения функций органов государственной власти Российской Федерации, построенной на базе интегрированных и цифровизированных процессов и перспективных технологий (единой системы сбора и хранения данных, цифровой инфраструктуры, автоматизированного принятия решений)» пишет известный специалист в области уголовного процесса А.С. Александров с соавторами⁸². Ключевыми характеристиками ГкП, по их мнению, являются следующие: «Во-первых, в фокусе платформы находится человек – пользователь государственной услуги. Отсюда ее антропоцентричность, а именно: обеспечение максимальной "человекоориентированности" оказания госуслуг: "клиент определяет процесс". Во-вторых, ГкП сводит к минимуму человеческий, а значит бюрократически-коррупционный фактор в государственном управлении. ГкП поможет исполнять большинство функций госуправления на основе платформенных решений, включая функции обвинения, правосудия. В целом разделяя идею ГкП, сделаем несколько замечаний к ней. Во-первых, мы не склонны отождествлять экосистему с самим государством, поскольку общество ≠ государство. Тем более неверно отождествлять только систему государственного управления с экосистемой. Очевидно, что не только органы исполнительной власти, но и органы судебной и законодательной власти должны быть агрегированы на данной платформе (в перспективе). Без этого не будет полной ни экосистема, ни система правового государства. Далее, по нашему мнению, государственные служащие сами должны рассматриваться как пользователи информационной платформы (наряду с физическими и юридическими лицами). На основе изложенного мы констатируем, что роль государства в правовом регулировании состоит в написании текста закона, создании

---

⁸¹ См.: Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 196-209.

⁸² Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке // Государство и право. – 2019. – № 9. – С. 79.

и поддержании информационной платформы, т.е. формировании экосистемы и такой системы правового регулирования (wiki-право), когда участники процессов в онлайн генерируют правовые нормы на базе открытой платформы и акцептуют их для разрешения уголовного дела. "Государство" выступает, во-первых, создателем платформы, во-вторых, системным администратором, организатором экосреды взаимодействия, а государственные служащие выступают пользователями системы – правоприменителями и сотворцами правил вместе с другими участниками процесса разрешения уголовно-правового спора»⁸³. Думается, что приведенные положения весьма плодотворны, и нуждаются в их развитии, в том числе, применительно к законодательному обеспечению развития Арктики.

Сегодня освоение Арктики является ключевым вектором формирования внутренней и внешней политики Арктических государств. Международное сотрудничество в Арктике на правительственном уровне началось в 1991 году по инициативе Финляндии, когда на первой встрече министров арктических стран в Рованиеми была принята Стратегия охраны окружающей среды в Арктике, которая в свою очередь привела к созданию в 1996 году Арктического совета для содействия и координации арктических государств, в том числе по вопросам устойчивого развития и охраны окружающей среды Арктики⁸⁴. Международное сотрудничество в области освоения Арктики, включающее защиту окружающей среды и обеспечение общественной безопасности, предполагает совершенствование правового режима Арктики, который, как указывает В.А. Жинкин, «сложился задолго до принятия Конвенции 1982 г.⁸⁵, и главное в содержании этого режима — это общее международное право, его обычные нормы, сформировавшиеся вследствие согласия международного сообщества с практикой, национальным законодательством арктических государств»⁸⁶.

---

⁸³ Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке // Государство и право. – 2019. – № 9. – С. 79.

⁸⁴ Жинкин В.А. Арктическая стратегия Финляндии: международное сотрудничество и правовые аспекты // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Том 6. – № 4 (21). – С. 59.

⁸⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982). – URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 30.04.2021).

⁸⁶ Жинкин В.А. Арктическая стратегия Финляндии: международное сотрудничество и правовые аспекты // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Том 6. – № 4 (21). – С. 63.

Ввиду продолжающегося процесса глобализации и интеграции государств в освоение Арктики посредством международных форумов, договоров и межправительственных органов, дальнейшее развитие международного сотрудничества определяется развитием права. Необходимость налаживания коммуникации между государствами предполагает выработку такой международной политики в отношении Арктики, которая обеспечивала бы мирное их сосуществование, совместное освоение региона и борьбу с глобальными вызовами, такими как изменение климата.

Являясь особым правовым регионом, ввиду наличия территориальных претензий некоторых арктических государств, таких как Королевство Дания и Исландия, и неопределенности морских границ стран, не присоединившихся к Конвенции ООН 1982 года по морскому праву, арктическое право как комплексное правовое образование должно основываться как на международно-правовых нормах, так и на национальных нормативно-правовых актах, регулирующих эти общественные отношения. Для того чтобы сотрудничество между государствами в освоении арктического пространства было более эффективным, существует необходимость в сборе, обработке и инкорпорации как международно-правовых актов, так и нормативных правовых актов арктических государств, регулирующих отношения в сфере освоения, изучения и развития Арктики.

Перспективным вариантом такой инкорпорации является сайт «Арктическое право Wiki»⁸⁷, созданный на бесплатном хостинг-сервисе Fandom, предоставляющем место на серверах платформы с возможностью свободно создавать интернет-страницы и размещать их в свободном доступе. Размещение интернет-страниц на данном сервисе не требует абсолютно никаких финансовых затрат.

На сайте собраны тексты международных договоров, таких, например, как Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе, определяющая понятие «Баренцев/Евроарктический регион» и служащая основой для сотрудничества стран, входящих в данный регион⁸⁸. К этой важной декларации на сайте размещены также приложения к

---

⁸⁷ Адрес сайта «Арктическое право Wiki». – URL: https://arkticheskoe-pravo.fandom.com/ru/wiki/%D0%90%D1%80%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B8 (дата обращения 23.04.2021).

⁸⁸ Declaration cooperation in the Barents Euro-Arctic region conference of foreign ministers in Kirkenes, 11.1.1993. – URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1302> (дата обращения 30.04.2021).

ней. Из международных договоров по Арктике на сайте присутствует текст Хельсинской декларации, регламентирующей обязательства сотрудничества Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии и Исландии, подписанной в рамках программы «Нордической кооперации»⁸⁹.

На сайте представлен также полный перечень нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих научную, промышленную, экологическую и хозяйственную деятельность в Арктике. Он структурирован по видам нормативных правовых актов (по их юридической силе) и содержит 78 документов, сгруппированных по разделам. Среди них 7 Федеральных законов Российской Федерации, в частности, таких, как Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», Федеральный закон от 13 июля 2020 г. N 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» и другие. Данные федеральные законы отбирались по принципу упоминания в них Арктики или деятельности, связанной с ней (по этому принципу, в список добавлен Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Следующий раздел содержит Указы Президента Российской Федерации. Их отобрано 8, в частности Указ Президента Российской Федерации от 25.08.2020 № 526 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике».

Самый большой раздел представлен Постановлениями Правительства Российской Федерации, содержащий 22 документа. Помимо этого, на сайте представлены Распоряжения Правительства Российской Федерации, Приказы Министерства Экономического Развития РФ, Приказы Министерства Финансов РФ, Приказы Министерства Природных Ресурсов РФ, Приказы Министерства Российской Федерации по Развитию Дальнего Востока и Арктики, Приказы Федеральной таможенной Службы РФ, Приказы Федерального Агентства Морского и Речного Транспорта РФ.

Кроме того, отдельным разделом представлены нормативные правовые акты Санкт-Петербурга: Законы Санкт-Петербурга и Постановления Правительства Санкт-Петербурга⁹⁰.

---

⁸⁹ Helsingforsavtalet Samarbetsöverenskommelse mellan Danmark, Finland, Island, Norge och Sverige. – Copenhagen: Nordisk Ministerråd, 2018. – 78 p.

⁹⁰ Неоценимую помощь в составлении данного раздела оказал комитет Санкт-Петербурга по делам Арктики и непосредственно Булатова Анна Александровна, исполняющий обязанности заместителя председателя Комитета, кандидат юридических наук.

На сайте размещены также нормативно-правовые акты, правительственные отчеты и публикации в области арктической политики остальных стран-участниц Арктического совета, помимо Российской Федерации: США, Канады, Дании, Исландии, Норвегии, Швеции и Финляндии. Вся документация опубликована на английском языке и приведена ссылка на оригинальную документацию.

Все нормативно-правовые акты оформлены в виде статей на сайте вместе с интерактивным содержанием, позволяющим быстро ориентироваться по пунктам, главам и разделам документа. В отличие от сайта «КонсультантПлюс», который лег в основу разработанного автором сайта, каждому документу соответствует лишь одна страница с уникальной ссылкой, что снижает нагрузку на серверы и требует меньше места.

В случае если в документе присутствует приложение в виде образца бланка подачи заявки и что-либо подобное, в статье сайта присутствует ссылка на приложения документов, где их можно скачать и использовать бесплатно.

Для большего удобства на сайте создана страница «Словарь»: это глоссарий или сборник всех определений (дефиниций), сформулированных в каких-либо нормативно-правовых актах, со ссылками на источник, откуда это определение получено.

Данный сайт является на сегодняшний день лишь макетом для дальнейшей работы в этом направлении. Он, как представляется, обладает потенциалом для создания правовой базы данных по Арктике, которую можно будет расширять, дорабатывать и совершенствовать, например, привлекая специалистов для перевода иностранных нормативно-правовых актов на русский или английский язык и для систематизации нормативного правового материала.

Список литературы:

1. Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в XXI веке // Государство и право. – 2019. – № 9. – С. 75-86.
2. Жинкин В.А. Арктическая стратегия Финляндии: международное сотрудничество и правовые аспекты // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Том 6. – № 4 (21). – С. 59-65.
3. Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 196-209.

4. Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2018. – 514 с.

5. Честнов И.Л. Постклассическая методология исследования права как ответ на кризис юриспруденции // Кризис права: история и современность: монография / Под общ. ред. В.В. Денисенко, М.А. Беляева, Е.Н. Тонкова. – СПб.: Алетейя, 2018. – С. 161-180.

6. Helsingforsavtalet Samarbetsöverenskommelse mellan Danmark, Finland, Island, Norge och Sverige. – Copenhagen: Nordisk Ministerråd, 2018. – 78 p.

РАЗДЕЛ II. ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Кадырова Л.А.

Преодоление кризисов в семейном праве в вопросах установления, происхождения внебрачных детей в Российской империи⁹¹

Аннотация. В статье рассматривают вопросы установления происхождения внебрачных детей в Российской империи. Показано, что нерешённость данного вопроса способствовало возникновению кризисных явлений в семейном праве.

Ключевые слова: Российская империя, происхождение, внебрачные дети, семейное право.

Overcoming crises in family law regarding the establishment, origin of illegitimate children in the Russian Empire

Abstract. The article examines the issues of establishing the origin of illegitimate children in the Russian Empire. It is shown that the unresolved issue of this issue contributed to the emergence of crisis phenomena in family law.

Keywords: Russian Empire, origin, children born out of wedlock, family law.

Предоставления о детях как законнорожденных и незагоруженных в России начали формироваться только XVIII в. Законодательно данные понятия были закреплены в XIX в. Данное обстоятельство было связано с тем, что российское общество в XIX в. находилось под строгим контролем церкви и канонических норм. Церковь поддерживала законные браки и осуждала внебрачные связи и их последствия. Под данным влиянием общество презрительно и с неприязнью относилось к детям, родившимся не в браке, таких детей называли «зазорными младенцами». К тому же Российское общество стремилось дви-

---

⁹¹ *Данный параграф подготовлен Л.А. Кадыровой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770 А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».*

гаться по европейскому пути развития, где очень важным фактором являлось происхождение человека⁹².

Несмотря на то, что Петр I стремился привить в российском обществе европейские традиции, он был единственным монархом, который ставил под сомнение важность происхождения человека. Выбирая себе помощников, он обращал внимание на талант человека и его работоспособность, а не на знатность рода. Но, при этом, в российской империи по-прежнему главным принципом оставался принцип законности рождения. Данное положение позволяло сохранить патриархальный устой общества и направить политику государства на защиту интересов только законнорожденных детей, при этом существенно ограничить права детей, рожденных вне брака.

Согласно своду законов Российской империи незаконнорожденными признавались дети: рожденные незамужней женщиной, женщиной, находящейся в браке и совершившей прелюбодеяние, в результате которого родился ребенок не от законного супруга. Нужно отметить, что на практике было очень сложно доказать факт незаконного рождения ребенка в результате прелюбодеяния. Даже при расторжении брака по данному основанию этого было недостаточно, чтобы признать ребенка незаконнорожденным⁹³.

В законодательстве содержалась формулировка: дети, рожденные от брака, расторгнутого по причине прелюбодеяния матери, признаются законными, если рождение их прежде «расторжения сего брака не было сокрыто от мужа» и если не существовало других доказательств их незаконности⁹⁴.

Ребенок, рожденный в браке, мог быть признан незаконнорожденным только в случае, если супруг мог доказать факт невозможности сожителства со своей женой. Сюда в первую очередь отнесена «разлука с женой». При этом законодательство четко раскрывало понятие «в разлуке». Для признания факта раздельного проживания супругов расстояние не имело значение. Супруги мог-

---

⁹² Алдошина И.А. Незаконнорожденные дети в России: В.А. Жуковский – внебрачный сын тульского помещика // Тульский краеведческий альманах. – 2008. – Вып. 6. – С. 32.

⁹³ Глаголева О.Е. Незаконнорожденные дети в XVIII в.: новые материалы о получении В.А. Жуковским дворянского статуса // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 163.

⁹⁴ Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. – 2-е изд. – М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1896. – С. 164.

ли проживать в одном доме, но при этом лишены возможности видеться друг с другом, данное обстоятельство признавали как отдельное сожитительство.

В законодательстве Российской империи содержалась статья, которая копировала нормы французского и итальянского законодательства. Согласно данной статье к фактам, допускающим отдельное сожитительство, также относились: внешние физические отклонения супруга, например на теле имелись раны, повреждения, или супруг находился после операции. Если в результате данного отдельного сожитительства в браке у супруги рождался ребенок, то данного ребенка согласно закону признавали незаконнорожденным⁹⁵.

Но с данной позицией не соглашались бельгийские ученые-цивилисты. Они утверждали, что решение по признанию ребенка внебрачным должно основываться не только на внешнем признаке неспособности мужчины к зачатию, но и учитывать такие факты как старость и болезнь мужчины. Профессор Демоломб полагал, что болезнь внутренняя может быть таким же наглядным доказательством неспособности мужа к зачатию, как и внешние повреждения⁹⁶.

Однако в итальянском и французском законодательстве содержалась статья, согласно которой ребенка могли признать законнорожденным, если супруга могла доказать, что при вступлении в брак ее супруг скрыл от нее свою природную неспособность к брачному сожитию. В качестве наказания за обман на супруга возлагались обязанности отца по воспитанию данного ребенка.

Однако законодательство Российской империи придерживалось совсем другой позиции. Если супруг мог доказать, что в совестном браке у него не мог родиться ребенок ввиду его (супруга) не способности к зачатию, то ребенка признавали незаконнорожденным⁹⁷.

Выделяя внебрачных детей в отделанную категорию, государство на уровне законодательства закрепило бесправное положение таких детей. Согласно своду законов «незаконные» дети не могли претендовать на фамилию и отчество своих родителей, а также и получать наследство. Данное положение относилось ко всем незаконно-

---

⁹⁵ Дорская А.А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. – 2008. – № 6. – С. 21-22.

⁹⁶ Дорская А.А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. – 2008. – № 6. – С. 7.

⁹⁷ Дорская А.А. Проблема влияния церковных правил на источники отраслей права // Истоки и источники права. Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – С. 701.

рожденным детям в независимости от того, к какому титулу принадлежали их матери.

Примером таких детей является Алексей Григорьевич Бобринский – незаконнорожденный ребенок Екатерины Великой и ее фаворита Григория Орлова. Новорожденного младенца не оставили с матерью и немедленно после рождения он был передан на воспитание в семью гардеробмейстера Екатерины **Василию Григорьевичу Шкурину**. Алексей Григорьевич носил чужую фамилию, так как согласно законодательству российской империи не мог претендовать на фамилию, наследство и титул своего отца.

Нужно отметить, что только в законодательстве российской империи содержались такие строгие нормы, согласно которым внебрачным детям было отказано в каких-либо правах наследования. Даже самое суровое в Европе законодательство Франции не запрещало наследовать незаконнорожденным детям имущество своих родителей.

Изменение в законодательстве Российской империи в отношении внебрачных детей произошло только к концу XIX века. Нововведения частично улучшили положение незаконнорожденных детей. Согласно закону, принятому в 1902 году, стала устанавливаться юридическая связь между родителями и внебрачными детьми. Незаконнорожденные дети могли претендовать на наследство своей матери, но в законе была поправка, где оговаривалось, что наследство матери должно быть благоприобретенным, а не родовым. Так же в законе существовали поправки, согласно которым, если у матери имелись только дочери, рожденные в браке, то наследство делится поровну между законными и незаконными детьми.

Несмотря на принятое законодательство, улучшающее положение внебрачных детей, по-прежнему не был юридически отрегулирован вопрос, связанный с установлением отцовства. В законе было только упоминание о том, что отец внебрачного ребенка обязывался нести издержки на его (ребенка) содержание до его совершеннолетия, но только в том случае, если он (ребенок) в том нуждался. Однако на законное наследование имущества отца внебрачные дети претендовать не могли.

Необходимо признать, что принятое законодательство 1902 года хоть и пыталось улучшить положение незаконнорожденных детей на территории Российской империи, но на практике положение детей, рожденных вне брака, было по-прежнему тяжелым. Политика государства обрекала таких детей на нищенское существование и на постоянное гонение со стороны общества.

Больше всего угнетали детей, рожденных вне брака, в крестьянской среде. Это объяснялось тем, что именно в данной среде наблюдалось наибольшее влияние церкви и религиозных норм на семейно-брачные отношения.

Ради справедливости нужно отметить, что люди из привилегированных сословий не меньше чтити законы церкви, но все же были снисходительнее к незаконнорожденным детям. При этом внебрачные дети, рожденные в этой среде, более других были ущемлены в своих правах. Ребенок, рожденный в результате сожителства дворянина и субъекта более низкого сословья, причислялся к податному сословию.

На практике судьба незаконнорожденного ребенка складывалась следующим образом: незаконнорожденный ребенок помещика и крепостной девушки записывался в податное сословие. Сам ребенок отдавался на воспитание в семью. Данной семье (установителям) выплачивались деньги на воспитание данного ребенка. Перед семьей также ставилось условие, что самому незаконнорожденному ребенку не сообщалось его истинное происхождение. Помещику такое решение проблемы было не только удобнее, но и прибыльнее: он получал дополнительные рабочие руки.

Таким образом, мы можем отметить, что до октябрьской революции 1917 года положение незаконнорожденных детей в Российской империи было сложным и неоднозначным. Ни социальный статус родителей, ни их экономическое состояние не влияли на практически бесправное положение таких детей.

Список литературы:

1. Алдошина И.А. Незаконнорожденные дети в России: В.А. Жуковский – внебрачный сын тульского помещика // Тульский краеведческий альманах. – 2008. – Вып. 6. – С. 28-34.
2. Глаголева О.Е. Незаконнорожденные дети в XVIII в.: новые материалы о получении В.А. Жуковским дворянского статуса // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 163-175.
3. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII в. – 2-е изд. – М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1896. – 164 с.
4. Дорская А.А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект // История государства и права. – 2008. – № 6. – С. 21-22.
5. Дорская А.А. Проблема влияния церковных правил на источники отраслей права // Истоки и источники права. Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – С. 675-704.

**Принцип НОНД как одно из кризисных явлений
в судопроизводстве по уголовным делам и делам
об административных правонарушениях**

Аннотация. В статье рассматривается кризисное явление в административном и уголовно-процессуальном праве, известное в юридической практике как принцип НОНД. На основе анализа ряда научных работ и изучения материалов судебной практики автором формулируется определение принципа НОНД, выделяются его ключевые признаки, обращается внимание на попытки решения проблемы обществом, а также предлагаются оптимальные, по мнению автора, способы устранения данного кризисного явления.

Ключевые слова: принцип НОНД, нет оснований не доверять, презумпция добросовестности, оценка доказательств, обвинительный уклон.

The NRNT Principle as one of the crisis phenomena in the court proceedings in criminal cases and cases of administrative offenses

Abstract. The article discusses the crisis phenomenon in administrative and criminal procedure law, which known in legal practice as the NRNT Principle. Based on the research of a series of scientific publications and the investigate of materials of judicial practice, the author formulates the definition of the NRNT Principle, highlights its key features, draws attention to attempts to solve the problem by society, and also suggests the best ways to eliminate this crisis phenomenon in the author's opinion.

Keywords: NRNT Principle, no reason not to trust, good faith, evaluation of evidence, accusatory bias.

Как известно, в каждой отрасли права, каким бы не был высоким уровень развития общества и системы права в целом, всегда существуют те или иные проблемы. Некоторые из них связаны с правотворчеством и необходимостью соответствия создаваемых норм права другим, уже существующим нормам, или даже основным началам права. Другие же случаи могут касаться проблем функционирования механизма обеспечения соблюдения установленных правил, их соблюдения и практической реализации в юридической практике. В ряде случаев названные проблемы могут настолько

обостриться, что нарушение положений закона может превратиться в устойчивую юридическую и судебную практику, причиняющую ущерб, нарушающую права значительного количества граждан и юридических лиц, и даже подрывать функционирование системы органов власти, – т. е. приводить к появлению кризисов в праве. Наличие многочисленных случаев необоснованного возбуждения производства и привлечения граждан к административной, а порой даже уголовной ответственности при определенной совокупности обстоятельств, связанных с доказыванием, позволило выявить и обратить мое внимание, а также юристов и общества в целом на одну из причин подобных проблем, а именно – существование практики применения судами принципа НОНД.

Как показал анализ судебной практики, довольно часто при рассмотрении в суде дел об административных правонарушениях (а в ряде случаев – и уголовных дел) можно наблюдать ситуацию, когда доказательная база по делу достаточно скудная, и всю имеющуюся совокупность доказательств или большую ее часть составляют лишь изложенные в том или ином виде позиции сторон по делу – показания обвиняемых и свидетелей, протоколы, рапорты, служебные записки и т. д., в которых должностные лица излагают свою версию событий. Проще говоря, когда есть «слово должностного лица против слова обвиняемого». И практически во всех подобных случаях суды встают на сторону должностных лиц, руководствуясь сложившимся в судебной практике принципом, который в научном сообществе и на различных юридических форумах упоминается как «принцип НОНД».

В настоящий момент российское законодательство не содержит каких-либо норм, определяющих принцип НОНД и его основные положения. В научной литературе также отсутствует достаточная теоретическая база, которая бы давала общепризнанное понятие и существенные признаки принципа НОНД, содержала бы его анализ в качестве самостоятельного предмета исследования. В то же время имеется ряд научных трудов, в которых исследователи в рамках раскрытия одного из аспектов основной темы затрагивают проблему применения судами принципа НОНД. Так, например, известный российский юрист и общественный деятель В.В. Похмелкин, в рамках рассмотрения актуальных проблем применения мировыми судьями законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения, обращает внимание на практику применения принципа НОНД в данной сфере и дает свою оценку его допустимости: *«Выражая полное доверие протоколу об административном правонару-*

шении вопреки другим доказательствам, судьи фактически выворачивают наизнанку принцип презумпции невиновности, толкуя неустранимые сомнения в пользу должностного лица, составившего этот протокол»⁹⁸.

В другом научном исследовании профессор Л.А. Воскобитова рассматривает в качестве одного из признаков обвинительного уклона взятие за основу процессуальных решений доказательств стороны обвинения, а не защиты при наличии противоречивых доказательств, что, по сути, отражает сущность применения принципа НОНД. Кроме того, она отмечает, что «в документах следователя и приговорах практически не встречаются случаи истолкования сомнений в пользу обвиняемого, хотя ситуации с наличием противоречивых доказательств в практике не редки. Вышестоящие инстанции, как правило, также не реагируют на подобные противоречия, что свидетельствует явно не о поиске истины по делу, а об откровенном обвинительном уклоне»⁹⁹.

В целом же широкую известность данный термин получил в связи с использованием судами в описательно-мотивировочных частях обвинительных приговоров и постановлений о назначении административного наказания стандартизированных формулировок «нет оснований не доверять показаниям должностного лица; совокупности собранных по делу доказательств» применительно к оценке доказательств-показаний, предоставляемых должностными лицами со стороны обвинения. Характеристика объяснений и показаний, представляемых обвиняемым, может звучать следующим образом: «избранный способ защиты с целью избежать ответственности»; «доводы, жалобы о наличии в деле неустранимых сомнений не соответствуют действительности, каких-либо неустранимых сомнений в ее виновности по делу не усматривается» и т. д.

С учетом всего вышеизложенного, а также на основе проведенного анализа научной литературы и судебной практики полагаю возможным предложить следующую дефиницию: «Принцип НОНД – это выработанный судебной практикой принцип оценки судами доказательств сторон по уголовному делу или делу об административных правонарушениях, основывающийся на презумпции добросовестности

---

⁹⁸ Похмелкин В.В. Проблемы применения мировыми судьями законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения: научно-практическое пособие. – М.: Юстицин-форм, 2019. – С. 1.

⁹⁹ Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 455-462.

должностных лиц, характеристике предоставляемых ими субъективных доказательств как объективных и заслуживающих большего доверия суда по сравнению с аналогичными доказательствами, представляемыми стороной защиты, и достаточных для вынесения судебного акта в пользу привлечения к административной или уголовной ответственности; оценка аналогичных оправдательных доказательств в качестве «избранного способа защиты» как средство нивелировать их доказательственное значение и ограничить возможность поставить под сомнение вынесенное итоговое решение по делу».

При этом под субъективными доказательствами в данном определении следует понимать те доказательства, которые представляют собой по большому счету изложенные и зафиксированные в том или ином виде показания сторон процесса и свидетелей относительно имевших место обстоятельств дела и которые в силу субъективных факторов либо заинтересованности каждой из сторон, как правило, могут не соответствовать реальным обстоятельствам дела. Речь идет об объяснениях лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (показания обвиняемого), показаниях потерпевшего и свидетелей стороны обвинения (которыми, как правило, в подобных делах выступают коллеги должностных лиц, инициировавших производство), протоколы, рапорты, служебные записки, в которых со слов должностного лица излагается, как было дело, т. е., по сути, все эти «самостоятельные доказательства» являются лишь ничем не подтвержденными словами участников процесса, в отличие иных объективных доказательств (вещдоков, аудио-, видеозаписей и т. д.), достоверность которых может быть проверена и подтверждена научными методами и использованием необходимой техники и оборудования.

Таким образом, можно выделить следующие признаки проявления и применения принципа НОНД судами при оценке имеющихся в деле доказательств:

1. Презумпция добросовестности должных лиц. Применительно к должностным лицам в рамках административного или уголовного процесса данный принцип означает, что лицо считается добросовестно исполняющим свои обязанности по выявлению и фиксации правонарушений, обоснованности возбуждения производства по делу, соответствие показаний должностных лиц, а также сведений из составляемых ими и приобщаемых в качестве доказательств протоколов, рапортов и т. д. реальным обстоятельствам дела и возложение бремени доказывания обратного на сторону защиты. Презумпция добросовест-

ности должностных лиц на сегодняшний день также не закреплена где-либо на законодательном уровне, однако ее допустимость и непротиворечивость закону обосновывается путем расширительного толкования принципа законности, а также установления обязанности должностных лиц действовать добросовестно в силу кодексов профессиональной этики. Кроме того, в одном из постановлений КС РФ говорится о «презумпции добросовестности и разумности действий конституционных органов»¹⁰⁰, что также может свидетельствовать о правомерности ее допущения и по отношению к другим органам власти.

В целом же обоснованность данной презумпции вызывает споры. С одной стороны, презумпция добросовестности должностного лица является необходимой составляющей правовой системы в целом, так как утверждение обратного будет означать, что должностные лица должны доказывать добросовестность каждого совершаемого ими при исполнении обязанностей действия или выносимого акта, что многократно увеличит на практике длительность производства по делу, существенно усложнит функционирование правоохранительной системы и повысит расходы на ее содержание вследствие необходимости обеспечения нужным оборудованием для сбора и закрепления доказательств в каждом конкретном случае. С другой стороны, то, что должностное лицо обязано исполнять свои должностные обязанности добросовестно, не означает и не доказывает, что в каждом рассматриваемом конкретном случае это имело место; довольно распространённой остается практика злоупотреблений полномочиями, халатности, коррупционных преступлений. О недопустимости данной презумпции пишут и многие научные деятели, отмечая, что *«презумпции добросовестности властного органа, вопреки мнению судов, быть не может, а презумпция добросовестности подчиненного субъекта должна учитываться всегда»*¹⁰¹. *«Надзорный орган, безусловно обязанный действовать добросовестно, подобной презумпцией не обладает, это выступает гарантией защиты прав и законных интересов подконтрольных лиц во взаимодействии с публичной властью»*¹⁰².

---

¹⁰⁰ Абз. 4 п. 8 Постановления Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 N 11-П. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05072001-n/> (дата обращения 30.03.2021).

¹⁰¹ Сулейменов М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права // Государство и право. – 2015. – № 2. – С. 31-38.

¹⁰² Агамагомедова С.А. Добросовестность как категория публичного права и ее учет при осуществлении государственного контроля и надзора // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 131.

2. Предубежденность суда о приоритетности субъективных доказательств стороны обвинения как более достоверных и заслуживающих большего доверия в случае их противоречия аналогичным доказательствам стороны защиты. Допустимость подобного «кредита доверия» суды обосновывают следующим: должностное лицо должно надлежащим образом исполнять свои обязанности, и поскольку административное или уголовное дело является следствием исполнения его обязанностей, а какие-либо явные доказательства недобросовестности должностного лица отсутствуют, причин фальсифицировать свои показания у него нет. Как отмечал в своих публикациях известный юрист Н.Ю. Басманов, применительно к производству по административным делам, связанным с нарушением ПДД, и логике судов при их рассмотрении, *«если инспектор лично не знаком с водителем, то у него нет оснований его оговаривать, а вот у водителя есть все основания лгать, чтобы избежать ответственности»*¹⁰³. На мой взгляд, подобная логика допустима лишь в случаях, когда у должностного лица действительно отсутствует заинтересованность в исходе дела и обеспечивается надлежащий контроль за исполнением должностным лицом своих обязанностей. Тем не менее в реальной жизни должностные лица, инициирующие административный или уголовный процесс, имеют заинтересованность в силу самых разных причин: «палочная система», допустимость свидетельских показаний коллеги по работе; абсурдно низкий размер наказания за лжесвидетельство в административном процессе по ст. 17.9 КоАП РФ и сложившаяся практика неприменения подобных составов к представителям власти, коррупционные факторы и т. д.). Соответственно, данный подход судов недопустим, поскольку может приводить к злоупотреблению полномочиями и фальсификации доказательств должностными лицами (понимающими, что в случае спора суд встанет на их сторону и применит принцип НОНД), а значит подрывать нормальное функционирование правоохранительной системы и системы правосудия в целом.

3. Занижение доказательственного значения субъективных доказательств стороны защиты и их характеристика как «избранный способ защиты». Подобная оценка показаний обвиняемого, а также показаний свидетелей защиты нарушает состязательность сторон в уголовном и административном процессе, не соответствует требованиям оценки доказательств, закрепленных в ст. 26.11 КоАП РФ в части требований объективного исследования всех обстоятельств дела,

---

¹⁰³ Басманов Н.Ю. «Нет оснований не доверять», 2014 г. – URL: <https://www.livejournal.com/media/> (дата обращения 30.03.2021).

того, что никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу. По сути, применяя принцип НОНД, суды заранее обесценивают доказательства стороны защиты, исключая тем самым реализацию права на правосудие.

4. Оценка совокупности субъективных доказательств со стороны обвинения как достаточных для вынесения решения по делу. Проблема существования данного аспекта принципа НОНД состоит в том, что суды придают самостоятельное доказательственное значение, по сути, одному и тому же доказательству – показаниям должностных лиц, инициировавших процесс; оформленных в виде совокупности «самостоятельных доказательств» – протоколов, рапортов, показаний коллеги, с которым он работает. Получается, что у стороны обвинения нет реальных доказательных оснований правонарушения, и есть лишь слово должностного лица против слова гражданина, а значит, на мой взгляд, в данных случаях должны применяться положения о презумпции невиновности и толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого.

Актуальность и острота рассматриваемого кризиса в праве, сомнений в законности и допустимости применения принципа НОНД может подтверждаться также неоднократным выдвижением общественных инициатив о запрете данного принципа на официальном сайте Российской общественной инициативы. Так, например, можно выделить минимум два примера – Инициатива № 10Ф10594 от 11.03.2015, которой предлагалось запретить принцип НОНД и установить приоритетность показаний граждан в случае противоречия показаниям должностных лиц и отсутствия иных доказательств; Инициатива № 50Ф39075 от 22.12.2018, в которой предлагалось запретить использовать в судебных решениях фразу «нет оснований не доверять сотрудникам полиции» и схожие с ними по смыслу, а также лишать судей статуса за вынесения решения только на основании показаний сотрудников полиции. В поддержку данных инициатив выступило более 10 тысяч человек, однако в силу недостаточности данного количества голосов для ее передачи в Правительство РФ или Государственную Думу РФ по установленному порядку инициативы так и не были реализованы.

Обоснованность применения принципа НОНД также неоднократно проверялась Верховным судом РФ. В качестве примеров наиболее известных дел, в которых ВС РФ вставал на сторону привлеченных к ответственности лиц вследствие применения принципа НОНД, можно привести Постановление ВС РФ № 4-АД15-9 от 22 ок-

тября 2015 г. и Постановление ВС РФ № 5-АД16-6 от 29 февраля 2016 г. В первом случае имело место противоречие между объяснениями лица привлекаемого к ответственности Царева В.В. и выступающих в их подтверждение показаний двух свидетелей и показаниями инспектора ГИБДД о наличии факта управления Царевым транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Иных доказательств вины, кроме показаний инспектора ДПС и составленных им же документов, не имелось. Нижестоящие суды, руководствуясь принципом НОНД, встали на сторону инспектора ГИБДД, однако ВС РФ отметил, что в данном случае имеют место неустранимые сомнения, которые должны толковаться в пользу невиновности лица и постановил прекратить производство по делу. Во втором случае также обвинение строилось лишь на процессуальных документах, составленных должностных лицом, и отметках самого лица об отказе привлеченного лица от направления на медосвидетельствование, и ВС РФ также признал незаконным применение в данном деле принципа НОНД. Если говорить о случаях позитивной практики в уголовном судопроизводстве, то в качестве примера можно привести Постановление президиума Ростовского областного суда от 15 ноября 2018 г. N 44у-257 по делу о привлечении к уголовной ответственности по ст. 319 УК РФ, которым был отменен обвинительный приговор, основанный лишь на показаниях потерпевшего и свидетеля, которые являются сотрудниками полиции, обращено внимание на их заинтересованность и применен принцип НОНД по отношению к показаниям обвиняемого: *«не имеется оснований не доверять показаниям Д., которые материалами дела не опровергаются».*

В конечном счете, к сожалению, данные судебные решения не приобрели большого преюдициального значения, в том числе и для самого ВС РФ, и принцип НОНД до сих пор активно применяется, что подтверждается рядом актов самого же ВС РФ: Постановлением ВС РФ от 19 июля 2019 г. № 5-АД19-42; Постановлением ВС РФ от 23 мая 2019 г. N 5-АД19-31, Постановлением ВС РФ от 8 мая 2019 г. N 5-АД19-25; Постановлением Верховного Суда РФ от 13 апреля 2020 г. N 11-АД20-6, Постановлением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2021 г. по делу N 16-584/2021 и т. д.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, я могу сделать вывод о том, что применение судами принципа НОНД при рассмотрении административных или уголовных дел является достаточно серьезным кризисным явлением в отрасли административного и уголовно-процессуального права, подрывающим систему правосудия и

доверие к ней со стороны граждан. На мой взгляд, для разрешения данной острой проблемы необходимо закрепить на уровне обобщения судебной практики ВС РФ в его обзорах, либо акте КС РФ положения о запрете применения принципа НОНД, недопустимости вынесения решений в пользу виновности лица лишь на основе доказательств, составляющих показания должностных лиц, как нарушающих принципы достоверности и достаточности оценки доказательств и принципы объективности исследования всех обстоятельств дела в их совокупности, отсутствия заранее установленной силы доказательств, а также обязать должностных лиц при исполнении обязанностей в обязательном порядке использовать средства аудио- и видеофиксации, а отказ или невозможность предоставления подобных объективных доказательств лицами, ведущими производство по делу, толковать как неустраняемые сомнения, а значит в пользу невиновности лица.

Список литературы:

1. Агамагомедова С.А. Добросовестность как категория публичного права и ее учет при осуществлении государственного контроля и надзора // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 124-131.
2. Басманов Н.Ю. «Нет оснований не доверять», 2014 г. – URL: <https://www.livejournal.com/media/> (дата обращения 30.03.2021).
3. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 455-462.
4. Похмелкин В.В. Проблемы применения мировыми судьями законодательства об административных правонарушениях в области дорожного движения: научно-практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2019. – 200 с.
5. Сулейменов М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права // Государство и право. – 2015. – № 2. – С. 31-38.

Судебная защита жилищных прав граждан на примере дел о признании прав граждан утратившими право пользования жилыми помещениями

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы судебной защиты жилищных прав на примере дел о признании граждан утратившими права пользования жилыми помещениями. Выявлены основные причины появления такого рода споров, а также методы их решения.

Ключевые слова: жилищные права, жилищный кодекс, судебная защита.

Judicial protection of the housing rights of citizens on the example of cases on recognition of the rights of citizens lost the right to use residential spaces

Abstract. This article examines the issues of judicial protection of housing rights on the example of the recognition of citizens as having lost the right to use residential premises. The main reasons for the emergence of such disputes, as well as methods for their solution are identified.

Keywords: housing rights, housing code, judicial protection.

В Конституции Российской Федерации, с учетом положений международных актов, закреплено право на жилище¹⁰⁴. Непосредственный же порядок реализации данного права регулируется Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ)¹⁰⁵. Также стоит отметить, что ни Жилищный кодекс, ни Гражданский кодекс (далее – ГК РФ) не предусматривают института утраты права пользования жилыми помещением. Однако все чаще встречаются дела о признании граждан утратившими право пользования жилыми помещениями. Отчасти регулирование этого вопроса отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О неко-

---

¹⁰⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 14.03.2021).

¹⁰⁵ Жилищный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения 14.03.2021).

торых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ»¹⁰⁶, а также отражен в вопросе № 4 «Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ».

Однако, несмотря на то, что Верховный Суд разъяснил регулирование отношений, которые связаны с признанием лиц, утратившими право пользования жилыми помещениями, оно в настоящее время является затруднительным. Законодатель не устанавливает основания для утраты указанного права, и суды при рассмотрении дел данной категории не могут опираться лишь на сложившуюся судебную практику.

Поэтому необходимо выделить наиболее вероятные и постоянно встречающиеся причины, по которым лиц признают утратившими право пользования жилыми помещениями, и включить их в ЖК РФ. Это поможет упростить проблему вынесения законного решения судом, а также поможет заявителям подготовить необходимые документы. В настоящее время судами рассматриваются дела, которые утрачивают право пользования жилыми помещениями. Такая формулировка в наибольшей степени соответствует ст. 71, ч. 3 ст. 83 ЖК РФ, п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. N 14¹⁰⁷. Вместе с тем не исключено заявление иска о прекращении у ответчика права пользования жилым помещением (Апелляционное определение Московского городского суда от 02.07.2015 по делу N 33-22986/15). Также в отношении несовершеннолетних ответчиков могут быть заявлены требования о признании их не приобретшими право пользования жилым помещением (Постановление Президиума Московского городского суда от 12.02.2016 по делу N 44г-3/2016). В качестве ответчика по иску о признании утратившими право пользования жилым помещением следует указывать нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилым помещением, которое предоставляется по договору социального найма, следует указывать нанимателя или же его члена семьи. Также можно потребовать выселить и самого истца или его супруга (Определение Московского городского суда от 10.03.2015 N 4г-1443/2016), выдать или передать ответчику ключи от квартиры (Определение Москов-

---

¹⁰⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 9.

¹⁰⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 9.

ского городского суда от 16.06.2016 N 4г-1443/2016). Также представляется возможным заявлять встречных требований о признании истца, утратившим право пользования жилым помещением, снятии его с регистрационного учета.

Постановление Пленума Верховного Суда от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса Российской Федерации содержит предмет доказывания в делах данной категории¹⁰⁸. Так, постановление содержит сведения о том, что разрешая споры о признании нанимателя, члена семьи нанимателя или бывшего члена семьи нанимателя жилого помещения, утратившим право пользования жилым помещением по договору социального найма. Это может происходить по причине постоянного отсутствия нанимателя, по причине его выезда из жилого помещения. Однако суду надлежит выяснить причину, по которой наниматель отсутствует в жилом помещении, является ли выезд вынужденным (конфликтные отношения в семье) или же добровольным, временным (работа, обучение или лечение и т. д.) либо постоянным (переезд в другой населенный пункт), также суду необходимо выяснить, не было ли препятствий в пользовании жилым помещением, а также необходимо выяснить, исполняет ли он свои обязательства по оплате коммунальных услуг и оплате за жилое помещение.

Согласно ст. 56 Гражданского процессуального кодекса вышеуказанные факты должен доказать истец. В том случае, если ответчик ссылается на вынужденный характер выезда из спорного жилого помещения, он также должен будет доказать данное обстоятельство.

Так, вышеуказанные факты можно установить с использованием следующих необходимых доказательств:

- заключение договора (договор социального найма жилого помещения);
- вселение и фактическое проживание ответчика в спорном жилом помещении (справки о регистрации по месту жительства и о составе семьи, акт о фактическом проживании, который составляется с участием представителя жилищно-эксплуатационной организации, соседей и иных лиц, а также квитанции и иные платежные документы о внесении платы за спорное жилое помещение, а также свидетельские показания и другие доказательства);

---

¹⁰⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 9.

– круг лиц, которые обладают равным с нанимателем правом пользования помещением на момент вселения лица (документы регистрационного учета, справки о регистрации по месту жительства);

– выезд ответчика в иное место и обстоятельства, которые свидетельствуют об отказе от права пользования спорным жилым помещением (справки по месту жительства и о составе семьи по новому месту жительства, справки органов воинского учета, свидетельские показания, акт о не проживании ответчика);

– обстоятельства, которые свидетельствуют о вынужденном характере выезде ответчика на другое постоянное место жительства (акт о препятствии в проживании ответчика в спорном жилом помещении, копия свидетельства о расторжении брака, копии постановлений о привлечении к административной ответственности, свидетельские показания и др.).

Негативное признание права пользования жилым помещением содержит три способа защиты. Первый способ: признание лица утратившим право пользования жилым помещением, второй – прекратившим право пользования; третий – не приобретшим право пользования.

Следует отметить, что при удовлетворении исковых требований о признании ответчика утратившим право пользования жилым помещением или в случае признания его не приобретшим право пользования исполнительный лист не выдается. Также хотелось бы отметить, что законодательная база по этому вопросу в настоящее время совершенствуется медленно, последние разъяснения были в 2009 году, а это более 10 лет назад. Так, для того чтобы усовершенствовать данный вопрос, необходимо внести изменения в Жилищный кодекс; а именно – дополнения в ст. 83.1, в которой будет содержаться понятие «утрата права пользования жилым помещением», а также указание точных оснований для такой утраты. К таким основаниям можно отнести: добровольный выезд гражданина; его отсутствие в течение 3 лет; невнесение платы за жилье и коммунальные услуги; систематическое нарушение прав и законных интересов соседей. Таким образом, данные изменения будут способствовать более быстрому и качественному рассмотрению дел данной категории в судах.

**Отвод судьи в гражданском процессе.
Кризисная фикция или действующий механизм?**

Аннотация. В статье рассматривается кризисное явление в гражданском процессе – вопрос реализации института отвода судьи. Исследуются нормы законодательства, которые регулируют общественные отношения в сфере реализации права гражданина на судебную защиту его прав и свобод. Предлагается создать новый механизм в сфере отвода судьи в гражданском процессе для улучшения эффективности данного института в современных условиях.

Ключевые слова: гражданский процесс, юриспруденция, Конституция, отвод судьи, беспристрастность.

**Challenge of a judge in civil proceedings.
Crisis fiction or working mechanism?**

Abstract. The article examines the crisis phenomenon in the civil process – the issue of implementing the institution of the removal of a judge. Legislation regulating public relations in the realization of a citizen's right to judicial protection of his rights and freedoms is being examined. It is proposed to create a new mechanism in the field of the removal of a judge in civil proceedings to improve the effectiveness of this institution in modern conditions.

Keywords: civil proceedings, jurisprudence, Constitution, judicial challenge, impartiality.

В Российской Федерации каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод, а также провозглашается подчинение судей только Конституции РФ и федеральным законам¹⁰⁹.

В соответствии со ст. 9 Кодекса судейской этики при исполнении своих процессуальных обязанностей в целях объективного рассмотрения дела судья должен быть свободен от каких либо предпочтений, предубеждений или предвзятости и должен стремиться к исключению каких-либо сомнений в его беспристрастности. Учитывая данную статью, становится ясно, что отраслевой институт отвода

---

¹⁰⁹ Ст. 46 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 03.04.2021).

судьи в гражданском процессуальном законодательстве тесно связан с таким фактором как беспристрастность.

При этом принцип беспристрастности судьи важен не только для права, судебной системы, но и для общества в целом. Это объясняется тем, что демократическое государство подразумевает, что народ – основной источник власти. Общество должно доверять власти, лицам, которые осуществляют правосудие. Принцип беспристрастности является ключевым моментом в этой закономерности.

Открытым и актуальным по сей день остается вопрос возможности доверия граждан к праву, учитывая специфику института отвода судьи в гражданском процессе.

Для более точного анализа темы стоит обратиться к терминологии. Отвод судьи – это отстранение судьи от участия в рассмотрении дела, которое осуществляется в случае, если он лично (прямо или косвенно) заинтересован в исходе дела или имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности.

Кризис в праве П.И. Новгородцев рассматривает как вызванное конкретными причинами «несоответствие между правовыми нормами и потребностями общественной жизни, между должным и действительным». По его мнению, он всегда проявляется как кризис идей и обозначает «период сомнений и неопределенности, которые должны смениться или безнадежной утратой старых верований, или напряженностью новых исканий и нового творчества»¹¹⁰.

В современном российском праве существует некоторое несоответствие норм права с сущностью норм, закрепляющих основные положения отвода судьи в гражданском процессе. Данный вопрос является актуальным и требует решения, а поэтому относится к кризисному явлению.

Каков порядок разрешения отводов судье? В соответствии со ст. 20 ГПК РФ после объявления состава суда и участников дела судья (председательствующий коллегии) обязан разъяснить лицам, участникам гражданского дела, их права заявлять отводы. Если участие судьи в рассмотрении дела исключено, он самостоятельно обязан разрешить вопрос о самоотводе¹¹¹. Отвод заявляется на подготовитель-

---

¹¹⁰ Новгородцев, П.И. Кризис современного правосознания / [соч.] П. Новгородцева. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909. – XII, 393, [3] с. – (Введение в философию права; [вып.] 2). – С. 22.

¹¹¹ Ст. 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021). Ст. 20. // СПС «КонсультантПлюс». –

ной стадии судебного процесса. В случае если ввиду объективных причин отвод судье не мог быть заявлен на стадии подготовки (сторона не знала о наличии оснований), допускается его заявление на более поздних стадиях процесса. Все участники процесса могут высказать свое мнение по поводу заявленного отвода суду.

Ст. 20 ГПК РФ определяет состав суда, разрешающий отвод:

- при единоличном рассмотрении – разрешается самим судьей;
- при рассмотрении дела судом коллегиально вопрос об отводе разрешается определением, вынесенным в совещательной комнате.

Отвод, заявленный судье, разрешается этим же составом суда в отсутствие отводимого судьи. Отвод, заявленный нескольким судьям или всему составу суда, разрешается этим же судом в полном составе простым большинством голосов. При равном количестве голосов, поданных за отвод и против отвода, судья считается отведенным.

В своей работе рассматриваю ключевую фразу «при единоличном рассмотрении – разрешается самим судьей» как одну из важнейших проблем данного института гражданского процессуального права.

На сегодняшний день воспользоваться данным институтом отвода на практике в гражданском судопроизводстве, когда дело рассматривается судьей единолично, невозможно в силу того, что законодатель оставляет вопрос об отводе судьи, единолично рассматривающего дело, на разрешение того же судьи. Подобный подход к разрешению данного вопроса представляется по мере противоречивым самому назначению института отвода судей, поскольку ставит удовлетворение ходатайства об отводе при наличии обстоятельств, достаточных для этого в силу закона, в зависимость от усмотрения судьи, которому заявлен отвод¹¹².

Если следовать логике законодателя, судья, получивший заявление об отводе по причине заинтересованности в исходе дела или наличия обстоятельств, вызывающих сомнения в его объективности и беспристрастности, должен удалиться в совещательную комнату и там решить вопрос о том, действительно ли он беспристрастен и никоим образом не заинтересован в результате рассмотрения дела.

Важнейшая процедура гражданско-процессуального законодательства превращается в короткий монолог судьи.

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/(дата обращения 03.04.2021).

¹¹² Есева Е.Ю. Отвод судьи в гражданском процессе. Реальность или фикция // Право и политика. – 2013. – № 4 (160). – С. 504-508.

Но в такой ситуации вполне логичным выглядит как раз отклонение судьей заявления об отводе. Нелогичным было бы обратное: судья удовлетворяет заявление о своем отводе, согласившись с тем, что он не беспристрастен и по каким-либо причинам заинтересован в результате рассмотрения дела. Ведь удовлетворив подобное заявление, судья автоматически признает себя несовместимым с занимаемой должностью, так как одним из требований, предъявляемых к судьей ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 5 апреля 2005 г.), является недопущение поступков, позволяющих усомниться в его объективности, справедливости и беспристрастности¹¹³.

При рассмотрении отвода самому себе судья перестает быть арбитром, отстраненно оценивающим доводы спорящих перед ним сторон. Он вынужденно совмещает функцию лица, приводящего доводы в защиту правомерности собственных действий, и функцию разрешения поставленного перед ним вопроса. И в этом случае судья не может сохранить объективность и беспристрастность

Суды подчеркивают, что Конституционный Суд Российской Федерации, из взаимосвязанных положений ст. 46 (ч.1), 52, 53 и 120 Конституции Российской Федерации вытекает предназначение судебного контроля как способа разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности суда.

Рассмотрение спора независимым и беспристрастным судом является также неотъемлемым элементом права на справедливое судебное разбирательство по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹¹⁴ и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹¹⁵. В развитие этих положений федеральным законодателем установлены специальные нормы, регу-

---

¹¹³ Закон РФ от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения 01.04.2021).

¹¹⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения 01.04.2021).

¹¹⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения 01.04.2021).

лирующие основания и порядок отвода судей; кроме того, соблюдение указанных принципов осуществления правосудия гарантируется всей совокупностью гражданско-процессуальных средств и процедур.

Исходя из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти, а также из того обстоятельства, что в демократическом обществе участники судебного разбирательства должны испытывать доверие к суду, которое может быть поставлено под сомнение только на основе достоверных и обоснованных доказательств, свидетельствующих об обратном, законодатель в ч. 2 ст. 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации установил такой порядок разрешения вопроса об отводе, который снижает вероятность затягивания рассмотрения дела вследствие недобросовестного заявления кем-либо из лиц, участвующих в деле, необоснованного отвода судье¹¹⁶.

Подводя итоги, закрепленная в ч. 2 ст. 20 ГПК РФ в действующей редакции норма нарушает принципы объективности, независимости и беспристрастности суда, предусмотренные ст. 120 и ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации.

Гарантией соблюдения принципа беспристрастности судьи, рассматривающего дело единолично, при разрешении вопроса о заявленном ему отводе является вынесение мотивированного определения, подтверждающего отсутствие обстоятельств, которые позволили бы усомниться в его беспристрастности при рассмотрении данного дела¹¹⁷.

Исходя из анализа практики, чаще всего суды при рассмотрении дел об отводе судей, склоняются к стороне коллег. Однако бывают случаи, когда суды принимают решение, что заявления об отводе судей подлежат удовлетворению¹¹⁸.

Выходом из данной ситуации могла бы быть отмена Конституционным Судом РФ некоторых норм ГПК РФ, касающихся отвода судей и явно противоречащих Конституции РФ. В этом случае у правоприменителя появилась бы возможность использовать в гражданском судопроизводстве принцип аналогии закона и применять нормы АПК РФ об отводе, которые, как было сказано, в большей степени

---

¹¹⁶ Постановление Волгоградского областного суда № 44Г-43/2016 4Г-207/2016 4Г-3833/2015 от 10 февраля 2016 г. по делу № 44Г-43/2016.

¹¹⁷ Определение Ивановского областного суда № 33-2629/2015 от 2 декабря 2015 г. по делу № 33-2629/2015.

¹¹⁸ Определение Баймакского районного суда № 2-1713/2015 2-2/2016 2-2/2016 (2-1713/2015); М-1593/2015 М-1593/2015 от 20 августа 2015 г. по делу № 2-1713/2015.

соответствуют закону, нежели нормы ГПК РФ. Однако КС РФ имеет свое мнение, которое отразилось в определении Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 N 1664-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Равиля Шамилевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 16 и абзацем первым части второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»¹¹⁹.

Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел по требованию гражданина Р.Ш. Садыкова вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации. КС РФ установил, что Гражданин Р.Ш. Садыков, которому судом общей юрисдикции было отказано в удовлетворении исковых требований о признании имущества совместно нажитым имуществом супругов и его разделе, оспаривает конституционность пункта 1 части первой статьи 16 «Основания для отвода судьи» и абзаца первого части второй (в жалобе ошибочно указано – части 4) статьи 20 «Порядок разрешения заявления об отводе» ГПК Российской Федерации.

По мнению заявителя, данные нормы противоречат статьям 46 и 47 Конституции Российской Федерации, поскольку допускают возможность рассмотрения гражданского дела судьей, ранее выносившим решения по другим гражданским делам с участием тех же лиц, а также позволяют судье, рассматривающему дело единолично, самому рассматривать заявленный ему отвод.

Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, указав, что оспариваемые заявителем положения статей 16 и 20 ГПК Российской Федерации, содержащие конкретное основание для отвода судьи и порядок разрешения вопроса об отводе, заявленном судье, рассматривающему дело единолично, являются гарантиями соблюдения принципа беспристрастности судей, направлены на расширение гарантий судебной защиты прав и законных интересов участников гражданского судопроизводства, а по-

---

¹¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 N 1664-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Равиля Шамилевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 16 и абзацем первым части второй статьи 20 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=589495#0573950490904786> (дата обращения 02.04.2021).

тому не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя, перечисленные в жалобе.

Конституционный суд отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Рафиля Шамиловича.

Конституционный суд РФ предлагает поставить во главу угла доверие к суду. При таком подходе не было бы нужды в вышестоящих судебных инстанциях и института обжалования судебных актов. Однако этот институт существует и должен существовать в демократическом государстве, следовательно, основываться на одном лишь доверии к суду по меньшей мере неуместно.

Считаю, что требованиям справедливости соответствовал бы иной порядок разрешения заявленного отвода, как это предусмотрено, например, ст. 25 Арбитражного процессуального кодекса, согласно которой отвод судье, рассматривающему дело единолично, рассматривается либо председателем соответствующего арбитражного суда, либо его заместителем, либо председателем судебного состава. Кроме того, данный Кодекс обязывает указанных лиц оформлять решение по поводу заявленного отвода отдельным определением, тогда как ГПК РФ подобной обязанности не предусматривает. Таким образом, нормы АПК РФ явно более близки к реализации тех функций, которые возложены на институт отвода судей.

Следующим моментом, который заслуживает внимания, является вопрос злоупотребления отводами: как со стороны суда, так и со стороны сторон.

Ведь на практике случается, когда судья сам намерено, создает условия для возникновения у сторон сомнения по поводу беспристрастности и объективности судьи.

Судья обязан вести судебный процесс таким образом, чтобы не допускать возможность возникновения повода для его отвода, поскольку обоснованный отвод судьи в этом случае ведет к отложению рассмотрения дела, перераспределению нагрузки между судьями, нарушению сроков рассмотрения дела и в конечном итоге к умалению авторитета судебной власти. Судья должен избегать личных общений с гражданами, а также с представителями организаций по вопросам, связанным с разбирательством в суде дел этих граждан и организаций, за исключением случаев, предусмотренных процессуальным законодательством. Судья не вправе давать советы и правовые консультации указанным лицам относительно их действий в судебном процессе.

Зачастую данная проблема связана с недостаточностью у судьи профессиональных качеств или других лично-внутренних мотивов.

Что касается сторон, то злоупотребление правом выражается в том, что законодатель никак не ограничил количество отводов, тем самым дав возможность сторонам в некоторых моментах: затягивать сроки. Данное явление является негативным, так как усложняет и продлевает саму процедуру.

Я считаю, что целесообразно было бы ограничить количество отводов: например, законодательно урегулировать, что стороны могут подавать ограниченное количество отводов (2 раза на 1 инстанцию).

При таких обстоятельствах правоприменителю остается уповать только на законодательную власть. Полагаю, что в российском праве в первую очередь необходимо закрепить законодательно норму о запрете судье судить себя самого. Такую норму необходимо включить в процессуальные кодексы Российской Федерации и, как следствие, привести в соответствие с данной нормой ст. 20 ГПК РФ, а именно – исключить абзац первый части второй данной статьи. В идеале нормы АПК РФ все же не являются совершенными.

В частности, было бы разумнее создать специальный коллегиальный орган, на примере скажем института присяжных заседателей. И всякий раз, когда судье заявлен отвод, созывать данный коллегиальный орган. Такой орган не должен включать в свой состав судей и иных работников данного суда, для целей исключения всякой заинтересованности данного органа в решении вопроса об отводе. Не секрет, что все судьи, как и прочие работники одного суда лично знакомы друг с другом. Учитывая особенности человеческой психики, человек имеет определенное мнение о каждом своем знакомом и определенное отношение к нему, негативное либо позитивное. Человек не бывает безразличным к своим знакомым, тем более к коллегам. Вопрос об отводе должен разрешаться простым большинством голосов. Здесь есть свои нюансы, например: некоторые затраты, финансирование, бюджет, сроки. Но я считаю, что данные вопросы заслуживают внимания, хотя бы ради того, чтобы обеспечить конституционные права граждан РФ.

Список литературы:

1. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Введение в философию права. Вып. 2 / [соч.] П. Новгородцева. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1909. – XII, 393, [3] с.
2. Есева Е.Ю. Отвод судьи в гражданском процессе. Реальность или фикция // Право и политика. – 2013. – № 4 (160). – С. 504-508

3. Багаутдинов Ф.Н. Актуальные проблемы отвода судьи в современных условиях // Журнал российского права. – 2009. – № 5. – С. 93-99.

4. Рыжаков А.П. Фактические основания отвода судьи в гражданском процессе. Комментарий к ст. 16 ГПК РФ. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/opredelenie_ob_otkaze_v_otvode_sudi/ (дата обращения 03.04.2021).

Ларин В.Н.

Биосоциальная теория личности преступника: проблемы, решения, возможности

Аннотация. Статья посвящена исследованию личности преступника и мотивации преступного поведения через призму глубинной психологии и концепции коллективного бессознательного, разработанной швейцарским психологом К.Г. Юнгом. Рассматриваются понятия архетипа, паттерна поведения и их связь с мотивами преступного поведения. Отмечается иерархическая структура личности, которая может быть использована в исследовании личности преступника. Результатом исследования является вывод о биосоциальной природе мотивации преступного поведения. Таким образом, биология, в том числе наследственность, является одним из ключевых факторов возникновения преступного поведения. Именно признание данного факта позволит преодолеть кризис, сложившийся в криминологии из-за исключительно социологического понимания феномена преступности.

Ключевые слова: личность преступника, коллективное бессознательное, мотивация, биосоциальная теория преступности.

Biosocial Theory of a Criminal Personality: Problems, Solutions, Opportunities

Abstract. The article examines the criminal personality and the motivation of criminal behavior through the prism of Depth psychology and the concept of the collective unconscious, developed by the Swiss psychologist C.G. Jung. The concepts of archetype, patterns of behavior and their connection with the motives of criminal behavior are considered. The structure of the personality, which can be used in the study of the personality of the criminal, is noted. The result of the study is a conclusion about the biosocial nature of the motivation for criminal behavior. Thus, biology

including heredity are one of the key factors in the emergence of criminal behavior. It is the recognition of this fact that will help overcome the crisis that has developed in criminology due to an exclusively sociological understanding of the phenomenon of crime.

Keywords: personality of the criminal, collective unconscious, motivation, biosocial crime theory

Криминология, как и любая другая дисциплина, испытывает на себе несомненное влияние других наук и в принципе отражает те процессы, которые происходят в научной среде. С середины 1920-х годов, когда антропологическая школа Франца Боаса преуспела в разьединении естественных и социальных наук, дарвинизм, до этого господствовавший не только в биологии, но и оказывавший заметное влияние на социальные науки, утратил свое положение и стал оттесняться на периферию¹²⁰. В отечественной науке такие процессы были связаны уже с утверждением марксизма в качестве официальной идеологии. Итогом этих процессов стало то, что в качестве научного мейнстрима сложилась социологическая теория, не допускавшая или практически не допускавшая возможность биологического влияния на человека. Следует полагать, что постулаты данной концепции, основным из которых является идея о человеке как *tabula rasa*, в отечественной криминологии еще не утратили роль своего рода догматов.

В то же время недавние исследования в генетике и психологии говорят о существовании биологического влияния на развитие и поведение человека. Более подробно эти факты уже разобраны нами как в отношении непосредственно генетических аспектов¹²¹, так и в отношении определяемых генетикой характеристик¹²². Именно сочетание биологического и социологического подходов в основном практикуется в современном исследовании личности преступника¹²³. Однако такой синтез не рассмотрен в качестве единой концепции. В связи с этим возникает кризис в понимании множества биосоциальных явлений, в отношении которых сложились

---

¹²⁰ Раштон Дж.Ф. Раса, эволюция и поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла. – М.: Профит Стайл, 2011. – С. 35, 36.

¹²¹ Ларин В.Н. Рецепция наследственной теории преступности // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 2 (21). – С. 116, 117.

¹²² Ларин В.Н. Преступность как биосоциальный феномен // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – №4 (27). – С. 113.

¹²³ Девятова А.О. Личность преступника: понятие и криминологическая характеристика // Отечественная юриспруденция. – 2018. – № 7 (32). – С. 76.

стойкие представления об их исключительно социальной природе. Дальнейшее игнорирование новых сведений приведет к накапливающимся противоречиям не только в науке, но и, по всей видимости, в праве, поскольку криминология является своего рода поводырем права, уже с древности олицетворяемого в виде слепой богини. Таким образом, мы приходим к необходимости пересмотра сложившихся взглядов на многие явления.

В другой нашей работе уже было предложено понятие личности преступника и рассмотрена ее структура¹²⁴. Таким образом, личность преступника понимается нами как система типичных социальных, биологических, психологических и нравственных характеристик лиц, совершивших преступления вследствие деформированного нравственного и правового сознания, негативной социальной направленности и неспособности побороть биологические влияния.

В этой работе мы предлагаем снова обратиться к понятию личности, а также мотива и мотивации, чтобы предложить более глубокую картину этих явлений, основанную не на внешних характеристиках, а на внутренней сущности. Это важно также ввиду того, что исследование мотивов и мотивации незаменимо для анализа других элементов личности на морально-психологическом уровне.

Не стоит также забывать, что понятия мотива и мотивации имеют практическую направленность, поскольку из числа мотивов можно выделить те, которые имеют на данный момент юридическое значение:

- социальную, расовую, религиозную или национальную ненависть;
- корыстные, сексуальные, хулиганские и политические побуждения;
- стремление избежать уголовной ответственности за ранее совершенные преступления;
- неприязненные отношения с окружающими (ненависть, вражда, зависть, месть, ревность);
- личностные побуждения к противоправной деятельности (поддержание сектантских идей и учений, фанатичные способы достижения цели, экстремистские взгляды и убеждения)¹²⁵.

---

¹²⁴ Ларин В.Н. Структура личности преступника в свете биосоциальной теории // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 6. – С. 41.

¹²⁵ Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. О мотивации преступного и суицидального поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 364.

Несомненно, в дальнейших работах, посвященных правовым вопросам, список данных мотивов будет критически рассмотрен.

В рамках биосоциальной теории мотив понимается нами как интегральное психическое образование, побуждающее к сознательным криминальным деяниям. Мотивация рассматривается как единая биосоциальная система, которую можно представить в виде многофакторной модели из внешних влияний (прежде всего социальных) и ответов биологического организма на данные вызовы в виде мотивов.

Родственным явлением по отношению к мотиву является цель преступления. Зачастую эти понятия используются в законе как сходные¹²⁶. Тем не менее необходимо отличать цель преступления от мотива. Понятие цели используется в законе в целях наделения уголовно-правовым значением направленности поведения лица на достижение результата; охарактеризовать таким образом динамический характер преступления. Понятие мотива используется в законе в целях выражения противопоставления эгоистических интересов лица интересам общества.

Однако интересы лица не всегда являются очевидными. Также не стоит забывать и о сфере бессознательного, в том числе коллективного бессознательного, которая оказывает несомненное влияние на формирование мотива и мотивации, поэтому, рассматривая сущность мотива, необходимо ее учитывать, иначе придется признать, что у весомой части преступников вообще не было мотива. Поэтому изучение бессознательной психической деятельности является крайне актуальным для теории и практики борьбы с преступностью.

Рассматривая бессознательные аспекты мотивации, следует обратиться к вопросу личности преступника и ее структуры. Личность человека и, таким образом, и преступника может быть рассмотрена как разноуровневая структура – образование различных системных элементов, что предлагалось в ряде психоаналитических теорий. Это говорит о многогранности исследуемого предмета, и именно поэтому в понятии личности преступника нами было использовано перечисление различных характеристик из столь разных сфер жизнедеятельности¹²⁷. Зигмунд Фрейд в своих работах описал такие структуры личности, как Оно, Я и Сверх-

---

¹²⁶ Филимонов В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 42.

¹²⁷ Ларин В.Н. Структура личности преступника в свете биосоциальной теории // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 6. – С. 41.

Я¹²⁸. Согласно З. Фрейду психика индивида является по большей части этиологически личным образованием, в том смысле, что формируется в процессе жизни, а сознательные и бессознательные элементы наполняют все ее структуры. Карл Густав Юнг, как и его предшественник, отмечал наряду с сознанием наличие бессознательного в психике человека. Но в отличие от З. Фрейда, К.Г. Юнг полагал, что существует не только индивидуальное бессознательное, но и коллективное бессознательное, являющееся продуктом наследственных структур мозга¹²⁹.

Исследование мотивации и мотивов представляется необходимым на разных уровнях личности преступника. Тот факт, что в большинстве современных научных работ на данную тему игнорируется биологический уровень, связанный в том числе с коллективным бессознательным человека, еще раз свидетельствует о том, что попытки объяснить феномен преступности направлены по большей части на ее социальный генезис. Это еще раз подчеркивает актуальность разработки и использования биосоциальной теории личности преступника.

В связи с этим представляется необходимым применение глубинно-психологической теории. Это дает возможность провести исследование личности, склонной к преступному поведению, рассматривая ее как биосоциальное единство, не игнорируя ее биологические истоки, которые проявляются в коллективном бессознательном и отмечаются в современной научной литературе¹³⁰.

Глубинно-психологический метод, нашедший применение как в психологии, так и в социологии и психиатрии и разработанный в трудах З. Фрейда, К.Г. Юнга, А. Адлера и др., позволяет раскрыть бессознательные аспекты психики, в том числе рефлексy, инстинкты и автоматизмы. При этом исследование коллективного бессознательного подвергает анализу проявление биологически наследуемого поведения, а исследование индивидуального бессознательного может раскрывать как социально приобретенные черты, так и результаты индивидуальной биологической изменчивости.

Тем не менее в рамках нашего исследования мы сконцентрируемся на коллективном бессознательном, поскольку именно оно отра-

---

¹²⁸ Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Большая книга психологии. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – С. 36, 37.

¹²⁹ Юнг К.Г. Концепция коллективного бессознательного // Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2019. – С. 55.

¹³⁰ Гайфуллина А.Р., Егорышева Е.А. Психологический анализ преступного поведения // *Juvenis scientia*. – 2018. – № 9. – С. 45.

жает наследственное биологическое влияние, наименее полно рассмотренное в научной литературе. При этом изучение личного бессознательного также открывает обширный горизонт для исследования, в том числе в рамках биосоциальной теории. Это исследование может быть продолжено в рамках дальнейшей научной деятельности.

Если содержанием личного бессознательного являются в основном комплексы, то содержанием коллективного бессознательного выступают прежде всего архетипы¹³¹. Согласно К.Г. Юнгу: «Понятие архетипа является неотъемлемым коррелятом идеи коллективного бессознательного и указывает на существование определенных форм в психике, которые, по-видимому, присутствуют всегда и везде. В мифологических исследованиях их называют "мотивами"; в психологии первобытных людей они соответствуют концепции "représentations collectives" Леви-Брюля, а в области сравнительной религии Губерт и Мосс определяют их как "категории воображения". Адольф Бастиан называл их "элементарными" или "первичными мыслями". На основании вышесказанного можно заключить, что моя идея об архетипе (букв. "предсуществующая форма") не стоит особняком, а признается и в других областях знания»¹³². Согласно К.Г. Юнгу архетипы очень близки по своей природе инстинктам, а весьма вероятно, являются их неосознанными образами, или, иначе говоря, паттернами инстинктивного поведения¹³³. То, что понятие архетипа близко понятию паттерна поведения в биологии К. Г. Юнг отмечал неоднократно.¹³⁴ Поэтому в рамках биосоциальной теории преступности концепция архетипов может быть воспринята как психологический срез паттернов поведения, проявляющихся в том числе в мотивах и мотивации и определяющих эти явления.

Чезаре Ломброзо полагал, что прирожденным преступникам наследственно присуща преступная мотивация, которая обязательно будет реализована. Применение генеалогического метода в изучении преступности, уже рассмотренного нами более подробно¹³⁵, также

---

¹³¹ Юнг К.Г. Архетипы коллективного бессознательного // Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2019. – С. 8 (I, 4).

¹³² Юнг К.Г. Концепция коллективного бессознательного // Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2019. – С. 56 (а, 89).

¹³³ Юнг К.Г. Концепция коллективного бессознательного // Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2019. – С. 57 (b, 91).

¹³⁴ Юнг К.Г. Архетипы коллективного бессознательного // Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2019. – С. 10. – Прим. 1.

¹³⁵ Ларин В.Н. Рецепция наследственной теории преступности // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 2 (21). – С. 115.

приводило к выводам о наследовании мотивации к преступному поведению. Это одновременно и верно, и нет.

Во-первых, применяя концепцию архетипов К.Г. Юнга, можно понять, что мотивация, которая может оказаться преступной, присуща всем людям. Биология через архетипы мышления определяет поведенческие паттерны, связанные, например, с борьбой за жизнь и жизнь близких. В определенных условиях такая борьба может оказаться преступлением (например, кража с целью накормить себя). И в связи с этим очевидно, что не у всех данная преступная мотивация будет реализована, если не возникнут особые социальные условия, которые будут уникальными для каждого случая. То же касается и множества других наследственно определенных паттернов поведения.

Во-вторых, следует полагать, что биологическое влияние, выраженное в психике посредством архетипа или каким-либо иным образом, в большинстве случаев имеет общий характер. В качестве примера можно обратиться к врожденной агрессивности. Очевидно, данная черта не предопределяет становление насильственным преступником. В особенности если человек научился контролировать свои эмоции и, возможно, выплескивать их в особых сферах жизнедеятельности, например, в спорте. Поэтому даже если гипотетически все насильственные преступники оказались бы носителями врожденной агрессивности, при условии существования носителей врожденной агрессивности, не являющихся преступниками, это не значило бы, что врожденная агрессивность детерминирует становление насильственным преступником.

В-третьих, существует проблематика, связанная с выявлением прирожденной преступности. Это было бы наиболее успешно именно в тех случаях, когда преступники находились в благополучных условиях, то есть в таких условиях, когда среда не оказывает негативного влияния. Отсюда же следует, что, для того чтобы понять генезис преступления, надо поместить в благополучные условия точную копию человека, что невозможно. Однако к этому могут быть приближены близнецовые исследования. Применение близнецового метода в генетических исследованиях является весьма многообещающим, поскольку на данный момент с помощью данного метода была продемонстрирована корреляция между генами и криминальным поведением¹³⁶, вероятность 50 % общего криминального поведения у одной-

---

¹³⁶ Mednick S.A., Gabrielli W.F. and Hutchings B. Genetic Influences in Criminal Convictions: Evidence from an Adoption Cohort // Science. – 1984. – Vol. 224 – Issue 4651. – P. 891.

цовых близнецов и 21 % у разнородных¹³⁷, а также зависимость криминального поведения близнецов в существенной степени от генетических факторов, а также от условий семьи¹³⁸.

Таким образом, возможно, будет логично отнести понятие прирожденная преступность именно на счет тех случаев, когда преступное поведение проявляется практически независимо от особых социальных условий ввиду сильного генетического или иного биологического воздействия. В будущем потребуются исследование на предмет наличия таких примеров и выявления у них значительно пониженного порога проявления преступного поведения (или его отсутствия). Вероятно, данные случаи следует искать прежде всего среди преступников из ряда серийных маньяков. По всей видимости, можно говорить и об особых архетипах в бессознательном таких преступников. Это является определенно перспективным в плане исследования вопросом.

Несмотря на описанные сложности, возникающие при применении понятия прирожденной преступности, и в целом дискуссионность данного понятия, нельзя согласиться с точкой зрения, декларируемой в различных источниках¹³⁹, о том, что человек – продукт исключительно общественных отношений и формируется исключительно в процессе социализации. Даже в рамках современного психоанализа отмечается наследование сценариев поведения и предписаний¹⁴⁰. Кроме того, нами было показано, что биологический элемент, включающий также и генетику, является неотъемлемой частью личности¹⁴¹, поэтому человек как личность формируется не только в процессе социализации, но и в процессе биологического развития, включая проявления наследственных предрасположенностей, в которые теперь нами могут быть включены архетипы, поведенческие паттер-

---

¹³⁷ Wilson J.Q., Herrnstein R.J. Crime and human nature // Crime and human nature – New York: Simon & Schuster, 1985. – P. 94.

¹³⁸ Kendler K.S., Maes H.H. A Swedish national twin study of criminal behavior and its violent, white-collar and property subtypes // Psychol Med. – 2015. – Vol. 45. – Issue 11. – P. 2253.

¹³⁹ Шалагин А.Е., Идиятуллово А.Д. О мотивации преступного и суицидального поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10 – № 3. – С. 363.

¹⁴⁰ Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геноциограммы. – М.: Психотерапия, 2009. – С. 196.

¹⁴¹ Ларин В.Н. Структура личности преступника в свете биосоциальной теории // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 6. – С. 39.

ны. Нельзя также забывать и про наличие внутренней свободной воли, постулирование которой составляет базис классической теории преступности. Все это приводит к необходимости утверждения биосоциальной теории личности преступника, интегральный характер которой уже был мной отмечен¹⁴².

Это позволит также избежать ряда противоречий, которые возникали в отношении мотива и мотивации в их исключительно юридическом понимании. Например, отмечалось, что мотив и мотивация могут быть только у человека, который уже совершил преступление. В рамках биосоциальной теории очевидно, что мотив и мотивация могут присутствовать у еще не совершивших преступление лиц – ведь не преступление как социальный или юридический акт создает наличие или отсутствие в психике у человека мотивов, побуждений и стремлений, связанных как с биологическими влияниями, так и со средовым воздействием. Отмечается, что предположение о наличии преступной мотивации до совершения преступления не является безосновательным и по другим причинам – ведь человек, отложивший совершение преступления, также имеет антисоциальную мотивацию, криминальную решимость¹⁴³.

Также следует отметить, что применение биосоциальной теории делает более понятным различие мотивации с классификацией преступлений на насильственные, корыстные и т. д. Несмотря на внешнюю идентичность, разные поступки могут быть результатом действия совершенно различных мотивов и намерений. Например, кража может быть совершена как с корыстной целью, так и с враждебной – желанием сделать человеку хуже, применить к нему насилие. Именно поэтому на данный момент нельзя точно установить, как может подействовать на человека наследственное влияние: архетипическая склонность к агрессии может вылиться в преступления из различных групп названной классификации, а может и вовсе быть направлена на непреступные способы ее выплескивания, как, например, спорт.

Таким образом, нами были рассмотрены явления мотива и мотивации и их место в биосоциальной теории личности преступника. Мотив как интегральное психическое образование, побуждающее к сознательной криминальной деятельности, может быть определен в рамках глубинной психологии и концепции архетипов К.Г. Юнга как

---

¹⁴² Ларин В.Н. К вопросу о генеалогии биосоциальной теории личности преступника // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 966.

¹⁴³ Жмуров Д.В. Криминальная мотивация // Baikal Research Journal. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 17.

осознанное или неосознанное проявление коллективного бессознательного. Понятие прирожденной преступности является дискуссионным по ряду обозначенных причин, поэтому определяемое им явление требует дальнейших исследований. При этом присутствие в психике человека наследственно определенных архетипов может пролить свет на данный феномен.

Список литературы:

1. Гайфуллина А.Р., Егорышева Е.А. Психологический анализ преступного поведения // *Juvenis scientia*. – 2018. – № 9. – С. 44-45.
2. Девятова А.О. Личность преступника: понятие и криминологическая характеристика // *Отечественная юриспруденция*. – 2018. – № 7 (32). – С. 75-78.
3. Жмуров Д.В. Криминальная мотивация // *Baikal Research Journal*. – 2018. – №1. – С. 17-17.
4. Ларин В.Н. К вопросу о генеалогии биосоциальной теории личности преступника // *Вопросы российской юстиции*. – 2020. – № 9. – С. 955-968.
5. Ларин В.Н. Преступность как биосоциальный феномен // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2020. – № 4 (27). – С. 112-115.
6. Ларин В.Н. Рецепция наследственной теории преступности // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2019. – № 2 (21). – С. 113-119.
7. Ларин В.Н. Структура личности преступника в свете биосоциальной теории // *Уральский журнал правовых исследований*. – 2020. – № 6. – С. 39-44.
8. Раштон Дж.Ф. Раса, эволюция и поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла / Пер. с англ. Д.О. Румянцева. – М.: Профит Стайл, 2011. – 416 с.
9. Филимонов В.Д. Воплощение генезиса преступления в правовом содержании состава преступления // *Уголовная юстиция*. – 2018. – № 12. – С. 40-45.
10. Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Большая книга психологии. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. – 704 с.
11. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. О мотивации преступного и суицидального поведения // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 361-368.

12. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. – М.: Психотерапия, 2009. – 256 с.

13. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Пер. с нем. А. Чечиной. – М.: АСТ, 2019. – 496 с.

14. Kendler K.S, Maes H.H., S.L. Lönner. A Swedish national twin study of criminal behavior and its violent, white-collar and property subtypes // Psychol Med. – 2015. – Vol. 45. – Issue 11. – Pp. 2253-2262.

15. Mednick S.A., Gabrielli W.F. and Hutchings B. Genetic Influences in Criminal Convictions: Evidence from an Adoption Cohort / S.A. Mednick, W.F. Gabrielli Jr, // Science. – 1984. – Vol. 224. – Issue 4651. – Pp. 891-894.

16. Wilson J.Q., Herrnstein R.J. Crime and human nature // Crime and human nature – New York: Simon & Schuster, 1985. – 639 p.

Кашаева А.А.

Основания и пределы автономии спорта

Введение

На сегодняшний день спортивное право представляет собой одну из самых быстроразвивающихся отраслей в мире. В последние годы растет количество исследователей, программ подготовки спортивных юристов, научных трудов. Для того чтобы понимать специфику правоотношений, возникающих в области спортивного права, необходимо иметь общее представление о том, на каких принципах строится международное и национальное регулирование в области спорта. На сегодняшний день в России не так много исследований посвящено именно данной проблематике. Отдельные специалисты, такие как И.В. Понкин, А.И. Понкина, С.А. Юрлов затрагивали вопросы автономии спорта. А.И. Понкиной была издана монография, которая была высоко отмечена рецензентами. Из зарубежных исследователей к данной теме обращался К. Фостер, который впервые и сформулировал такой термин, как *lex ludica*, означающий комплекс общих правил спортивных состязаний, «внутренний закон спорта», входящий в систему норм *lex sportiva*.

Следует заметить, что многие институты спортивного права требуют доработки, и понимание принципа саморегулирования в спорте позволит совершенствовать многие из них. Ряд исследователей отмеча-

ет, что отечественное законодательство следует общей тенденции в развитии автономии спорта, однако особенности правового регулирования отношений, связанных с реализацией принципа автономии спорта в законодательстве Российской Федерации о физической культуре и спорте, сдерживают потенциал дальнейшего развития общественно-государственного взаимодействия в данной области. В данном исследовании представляется необходимым обратиться к вопросу об автономии спорта, а также о месте *lex sportiva* и *lex ludica* в международной и национальной системах, проанализировать аспекты, касающиеся влияния мягкого права (*soft law*) на нормативно-правовые акты, действующие в области физической культуры и спорта в России.

1. Автономия спорта и нормативно-правовое регулирование ее оснований и пределов

1.1 Нормативные основания автономии спорта

В первую очередь представляется необходимым обратиться к понятию «автономия спорта», сформулированному некоторыми исследователями. Так, А.И. Понкина в одной из своих работ отмечает, что автономность спорта – это организационно-нормативная характеристика области спорта (и одновременно принцип организации и функционирования субъектов спортивных отношений), отражающая децентрализованность организации общественных отношений в этой области, относительную (то есть в определенных пределах) нормотворческую и нормоприменительную, институционально-структурную и организационно-деятельностную, финансово-экономическую, политическую и идеологическую самостоятельность и независимость сферы спорта от системы публичной власти, а также независимость от политических организаций, религиозных объединений и организаций сферы бизнеса, независимость от санкционирования, вмешательства и давления с их стороны¹⁴⁴.

Жан-Лу Шапле определяет автономность спорта на национальном, европейском и международном уровне как способность неправительственных некоммерческих спортивных организаций: 1) свободно создавать, изменять и интерпретировать правила, адаптированные к их виду спорта, без излишнего политического или экономического влияния; 2) демократически выбирать своих лидеров без вме-

---

¹⁴⁴ Понкина А.И. Государственное управление и автономная институализация в области спорта / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национальное объединение спортивных юристов РФ. – М., 2013. – С. 69-70.

шательства со стороны государства или прочих сторон; 3) получать государственные средства или средства от третьей стороны без обретения связанных с ними непропорциональных обязательств; 4) реализовывать за счет своих средств свои цели и избранную деятельность без существенных внешних ограничений; 5) разрабатывать, согласовывать с публичными властями собственные нормативные режимы, соразмерные достижению этих целей¹⁴⁵.

При этом автономия спорта имеет и нормативные основания, закрепленные в Федеральном законе от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон о физической культуре и спорте), а также в ряде документов на международном уровне. Обратимся к указанным документам. Одним из основных принципов законодательства о физической культуре и спорте в соответствии с п. 3 ст. 2 Закона о физической культуре и спорте является сочетание государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием таких отношений субъектами физической культуры и спорта. Таким образом, на законодательном уровне признается автономность спорта, однако более детального раскрытия данного термина законодателем не предусматривается.

Олимпийская хартия раскрывает автономность через признаки, свойственные автономным организациям. Указано, что автономность «включает в себя независимое создание спортивных правил и контроль над ними, определение структуры и системы управления своими организациями, соблюдение права на проведение выборов, свободных от любого внешнего воздействия, а также ответственность за обеспечение применения принципов добросовестного управления»¹⁴⁶. Союз европейских футбольных ассоциаций (далее – УЕФА) в качестве одной из ценностей УЕФА выделяет надлежащее управление и автономию, согласно которой УЕФА отстаивает автономию спортивных структур, чтобы футбольные органы вместе с ведущими национальными ассоциациями принимали окончательные решения по вопросам, касающимся футбола, без ненужного вмешательства со стороны правительств¹⁴⁷.

---

¹⁴⁵ Привод. по: Понкина А.И. Государственное управление и автономная институализация в области спорта. – С. 68.

¹⁴⁶ См. Олимпийская хартия. – URL: <https://olympic.kz/files/1600145068.pdf> (дата обращения 14.03.2021).

¹⁴⁷ См. The values of UEFA for European football's future. – URL: <https://www.uefa.com/insideuefa/about-uefa/news/01d7-0f85b44dbb55-e73a91a5ffb-1000--the-values-of-uefa-for-european-football-s-future/> (дата обращения 14.03.2021).

Положения рекомендации CM/Rec(2011)3 предлагают правительствам государств-членов признавать следующие признаки, характеризующие автономность спортивного движения и заключающиеся в том, что неправительственные некоммерческие спортивные организации (спортивные федерации и союзы) имеют возможность: 1) свободно и без недолжного политического или экономического влияния устанавливать, изменять и интерпретировать «правила игры», соответствующие их видам спорта; 2) демократическим путем выбирать своих лидеров (руководство) без вмешательства государств или третьих лиц; 3) получать достаточные финансовые средства из государственных или других источников без наложения несоразмерных ответных обязательств; 4) использовать данные денежные средства для достижения целей и осуществления деятельности, выбранной без строгих внешних ограничений; 5) сотрудничать с государственными органами для уяснения смысла и толкования применимых правовых норм для того, чтобы избежать правовой неопределенности и вносить вклад, в сотрудничестве с государственными органами, в подготовку спортивных норм, таких как соревновательные правила или внутренние правила спортивных клубов, членов национальных спортивных организаций, которые являются законными и соразмерными для достижения данных целей.

Анализируя понятия автономии спорта, приведенные в самом начале главы, можно прийти к выводу, что они были сделаны на основании Олимпийской хартии и рекомендаций Комитета министров Совета Европы. Чтобы сузить предмет настоящего исследования, представляется необходимым в дальнейшем рассматривать автономность спорта в двух проявлениях: 1) возможности беспрепятственного регулирования «спортивных норм», касающихся не только правил игры, но и норм, связанных с функционированием национальных спортивных федераций, требованиями к субъектам спорта, допуском к спортивным соревнованиям, и других норм, непосредственно касающихся субъектов спорта; 2) сотрудничество автономных организаций с публичным сектором: отдельными государствами на международном уровне и органами государственной власти – на национальном уровне.

1.2. Содержательные основания автономии спорта

Под содержательными основаниями автономии спорта в настоящем исследовании понимаются предпосылки автономии спорта, выражающиеся в специфике спорта, а также необходимости своеобразного регулирования, отличного от иных сфер человеческой деятель-

ности. Выделяют два вида специфики спорта: специфику спорта *lato sensu* и специфику спорта *stricto sensu*. В первом случае речь идет о специфике спорта, заключающейся во внешнем, социальном контексте спорта и его функций, к примеру, рассмотрение профессионального спорта как инструмента политики в обществе. Во втором случае специфика спорта представляет собой совокупность инструментов и методов, регулирующих и организующих спортивную деятельность. Автономия спорта напрямую связана со спецификой спорта *stricto sensu*, поскольку способствует сохранению указанной специфики посредством «нормотворчества» Международного олимпийского комитета (далее – МОК), международных спортивных федераций и иных субъектов спорта¹⁴⁸.

Среди основных предпосылок автономии спорта А.И. Понкина¹⁴⁹ называет следующие: 1) специфическая структура спорта: специфика нормативного регулирования в спорте определяется тем, что спорт обладает своими собственными стандартами, основанными на принципе «честной игры»; 2) некоммерческий характер спорта, определяющий отдельный, самостоятельный, независимый статус по отношению к государству; 3) некоторые сегменты общественных отношений в области спорта в существенной своей части не поддаются трансформации, перестройке в правовые отношения, и попытка их урегулировать правом приведет только к их запрету, что в свою очередь явится противоправным посягательством на ряд важных прав и свобод человека.

Помимо указанных, были выделены еще несколько признаков, однако представляется необходимым остановиться на вышеназванных. В первую очередь хотелось бы отметить, что специфика спорта действительно предопределяет ее автономию. Однако, на мой взгляд, следует подчеркнуть конкретную предпосылку – необходимость сохранения целостности спортивных соревнований, а также соблюдения честной спортивной игры. Отсутствие специфического регулирования для конкретного вида спорта не позволит на должном уровне провести спортивные соревнования по тем или иным видам спорта, что значительно отразится на их целостности. Наличие пирамиды управления в спорте, где каждый субъект имеет определенную дискрецию, позволяет

---

¹⁴⁸ Prof. dr. Robert Siekmann: The specificity of sport: sporting exceptions in EU Law. – Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. – 2012. – Vol. 49. – No. 4. – Pp. 697-725.

¹⁴⁹ Понкина А.И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование / Комис. по спорт. праву Асс. юристов России; Нац. объединение спортивных юристов РФ. – М., 2013. – 102 с.

максимально обеспечить единообразную организацию соревнований, независимо от страны или региона, и контроль за соблюдением правил, что снижает риск нечестной спортивной борьбы.

Также специфичность структуры спорта предопределяет и особые способы разрешения споров. Некомпетентность национальных судов, длительные сроки судебных разбирательств не позволяют должным образом способствовать решению возникших проблем. В связи с чем в сфере спорта существует собственная структура разрешения споров, состоящая из юрисдикционных органов международных и национальных спортивных федераций и Международного спортивного арбитражного суда в г. Лозанне (далее – CAS, арбитраж). При этом именно автономия спорта позволяет нормально функционировать указанным органам и приводить их решения без государственного вмешательства и принуждения.

Также хотелось бы остановиться на такой предпосылке как некоммерческий характер. Если рассматривать спортивные клубы как субъекты спортивных правоотношений, то многие из них все-таки являются коммерческими организациями, имеющими цель в виде извлечения максимальной прибыли. В связи с чем представляется невозможным согласиться с аргументом А.И. Понкиной. Если обратиться к 11 принципам УЕФА, то последний «Европейская модель управления спортом и специфика спорта» подчеркивает, что «спорт – это не просто бизнес, как любой другой, и мы не можем допустить, чтобы к нему относились как к таковому». Таким образом, о коммерческом характере свидетельствует не только организационно-правовая форма спортивных клубов, но и принципы УЕФА (подчеркивая, что спорт является бизнесом, просто не таким, как другие), в связи с чем говорить о некоммерческом характере как об одной из предпосылок автономии спорта представляется неверным.

Необходимость автономии спорта не вызывает сомнения. При отсутствии подобного регулирования, нормы административного законодательства (о порядке организации соревнований, применении санкций и т. д.) не учитывали бы специфику каждого вида спорта. Наличие у международных спортивных федераций «нормотворческих» полномочий позволяет выстраивать регулирование под конкретный вид или подвид спорта, что, несомненно, улучшает ясность и определенность правил проведения соревнований, допуска к ним и иных требований, связанных с организацией и проведением спортивных соревнований (нежели, если бы указанные правила принимались органами государственной власти без учета специфики конкретных видов спорта).

1.3 Пределы автономии спорта

Выделив основные признаки автономии спорта, следует обратиться к вопросу о ее пределах. Ни один из отмеченных выше документов не обращается к данному вопросу, не указывает конкретные правовые рамки деятельности спортивных организаций, предоставляя таким образом спортивным организациям неограниченную свободу. Как справедливо отмечает С.А. Юрлов¹⁵⁰, неопределенность нормативного регулирования спорта в целом приводит к отсутствию четко закрепленных пределов нормотворчества спортивных организаций. Такая неопределенность в свою очередь напрямую связана с двумя проявлениями (признаками) автономии спорта, которые были выделены ранее. Во-первых, неопределенность пределов автономии спорта в отношениях с публичным сектором не позволяет разграничить сферы деятельности «государственного» и «частного», формулировка п. 3 ст. 2 Закона о физической культуре и спорте не находит своего дальнейшего развития, не указывает на механизмы взаимодействия спортивных организаций с органами государственной власти. Исходя из ст. 16 Закона о физической культуре и спорте, общероссийские спортивные федерации обладают широкими правами по вопросам нормативного регулирования в области спорта. Пределы таких прав, установленные Законом о физической культуре и спорте, ограничиваются только необходимостью учета норм международных федераций и требований федерального законодательства. Однако следует отметить, что в случае пробелов в национальном законодательстве (что не является редкостью) общероссийские федерации не будут ограничены в своих полномочиях.

Приведем пример. Отношения спортсменов и тренеров со спортивными организациями, не являющимися спортивными федерациями, основаны на трудовом законодательстве. В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) в 2008 году даже появилась отдельная глава, регламентирующая особенности регулирования труда спортсменов и тренеров. Однако глава 54.1 ТК РФ регулирует минимальную специфику спортивных правоотношений, указывая при этом, что особенности регулирования труда спортсменов и тренеров устанавливаются с учетом норм, утвержденных общероссийскими

---

¹⁵⁰ Юрлов С.А. Определенность нормативного регулирования спорта как предпосылка установления четких пределов автономии спортивных организаций и эффективной защиты прав спортсменов // LEX RUSSICA. – 2018. – № 10. – С. 89.

спортивными федерациями (п. 3 ст. 348.2 ТК РФ). Также заметим, что данная глава не предусматривает ограничений для спортивных организаций, нормы направлены прежде всего на изменение матрицы общих положений ТК РФ (возможность заключения срочных трудовых договоров, дополнительные основания для расторжения трудового договора, направление спортсменов, тренеров в спортивные сборные команды РФ). При этом большую часть в регулировании трудовых отношений занимают именно регламенты спортивных федераций, предусматривающие типовые контракты. Все это приводит к замкнутому кругу, в котором пределы автономии спорта ограничены федеральным законодательством (в данном случае – ТК РФ), а ТК РФ в свою очередь фактически не ограничивает спортивные федерации в регулировании трудовых отношений.

Неопределенность в пределах автономии спорта в рамках государственного регулирования физической культуры и спорта приводит нас к важному заключению, что при таких условиях, т. е. возможности неограниченного нормотворчества спортивных федераций, существует риск нарушения прав спортсменов.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в настоящем исследовании не ставится под сомнение важность саморегулирования в области физической культуры и спорта. С учетом вышесказанного существует только необходимость установления определенных или как минимум определимых пределов указанной автономии спортивных федераций. Соблюдение баланса между «государственным» и «частным» регулированием позволит предотвратить злоупотребление «неограниченными» правами спортивных федераций и минимизировать потенциальные нарушения прав спортсменов и тренеров.

2. Lex sportiva и lex ludica

2.1 Понятия lex sportiva и lex ludica

Прежде всего, следует отметить, что исследователи выделяют международное спортивное право и глобальное спортивное право, в рамках которого принято выделять нормы lex sportiva и lex ludica. Основное различие заключается в том, что глобальное спортивное право формируется вне правового поля, посредством «нормотворчества» частных организаций. Как отмечает Мариос Папалукас, «глобальное спортивное право требует исключения

национальных законов». Глобальное спортивное право не регулируется национальным законодательством и представляет собой независимый наднациональный правовой порядок, созданный организациями, регулирующими сферу спорта. Это глобальный закон без национальных связей, совокупность наднациональных юридических принципов *sui generis*, вытекающих из правил, установленных международными спортивными федерациями по видам спорта, а также из толкования компетентных спортивных судов¹⁵¹. Международное спортивное право, напротив, регулирует отношения между государствами.

Использование термина *lex sportiva* некорректно применять по отношению к международному спортивному праву, поскольку он не регулирует отношения между государствами. При этом некоторые исследователи часто поддерживают точку зрения, что *lex sportiva* включает в себя международное спортивное право. Однако при попытке описать правила, которые включены в *lex sportiva*, они ссылаются не на международные правила спортивного права, а на глобальные правила спортивного права¹⁵².

И.В. Понкин и А.И. Понкина разделяют данную точку зрения, указывая, что существует спортивное право, которое представляет собой комплекс нормативно-правового регулирования в области спорта, а также *lex sportiva* – комплекс иного (помимо правового) нормативного регулирования (иные наименования – саморегулирование отношений в области спорта субъектами спорта, локально-корпоративное регулирование в сфере спорта и т. д.)¹⁵³.

Возвращаясь к определению *lex sportiva*, следует отметить, что под ним понимается совокупность корпоративных правил поведения, выработанных национальными и международными неправительственными организациями олимпийского движения, которые получают широкое признание, по крайней мере среди тех, кто демонстрирует намерение участвовать в спортивной деятельности¹⁵⁴. Впервые данный термин был использован исследователями спортивного права

---

¹⁵¹ Papaloukas M. Policy, European sports law and *lex sportiva*. Presented at the 14th World I.A.S.L. Congress. 27-29 November 2008. Athens.

¹⁵² Beloff, M., Kerr T., Demetriou M. Sports Law. – Oxford: Hart Publishing, 1999. – 396 p.

¹⁵³ Понкин И.В., Понкина А.И. О корреляции *lex sportiva* и спортивного права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 115.

¹⁵⁴ Захарова Л.И. Международные стандарты прав человека как ограничение принципа автономии спорта // Закон. – 2020. – № 8. – С. 65.

в 1990-х годах. Особые характеристики *lex sportiva* были впервые сформулированы президентом Международной ассоциации спортивного права, профессором Димитриосом Панагиотопулосом в начале 1990-х годов. Обсуждая теорию Макса Куммера, согласно которой спортивные правила относятся к сфере «незакона», он утверждал, не только что спортивные правила являются юридическими правилами, но и что они образуют особый спортивный правовой порядок, а глобальное признание его автономии является единственным способом решить актуальные правовые проблемы и развить теорию спортивного права.

Основными источниками *lex sportiva*, как было указано выше, являются регламенты и правила МОК, международных спортивных федераций, Всемирного антидопингового агентства (далее – ВАДА), национальных ассоциаций, а также решения CAS. Самую важную роль в становлении *lex sportiva* играет именно арбитраж. Среди различных видов деятельности, осуществляемых CAS, некоторые особенно важны для формирования глобального спортивного права. В частности, можно выделить как минимум три разные функции. Во-первых, CAS применяет общие принципы права к спортивным организациям, а также создает собственные спортивные принципы. Во-вторых, CAS играет важную роль в толковании спортивного законодательства, тем самым влияя на «нормотворческую» деятельность спортивных организаций и определяя ее. В-третьих, CAS вносит большой вклад в гармонизацию глобального спортивного законодательства.

Вместе с тем не все суды признают *lex sportiva*, подтверждая при этом суверенитет государственных законов над нормами спортивных организаций¹⁵⁵. Представляется, что для существования *lex sportiva* не требуется их признания со стороны государства, достаточно признания автономии спортивных организаций, одним из аспектов которой является возможность «нормотворчества». Помимо этого, указанные правила не нуждаются и в государственных механизмах принуждения к исполнению, поскольку имеют собственные, обеспечивающие функционирование всей системы спорта.

---

¹⁵⁵ Oberlandesgericht Frankfurt, D. Baumann / D.L.V., 18 April 2001, 8 Zeitschrift für Sport und Recht 161 (2001); Swiss Federal Court, 20 December 2005, BGE 132 II 285, para. 1.3 (“The rules of (international) sport federations may only be applied by means of a reference to their substantive law and therefore can only be recognized as an agreement between the parties, over which mandatory national laws take precedence.”).

Нормы *lex ludica* включают в себя два типа правил¹⁵⁶, которые являются отличительными и уникальными в силу контекста спорта, в котором они возникают и применяются. Один из них охватывает фактические правила игры и их соблюдение официальными лицами спортивных соревнований. При этом к таким правилам у CAS существует особый подход, заключающийся в том, чтобы рассматривать указанные правила как не подлежащие рассмотрению арбитражем в силу спортивных причин. Второй тип охватывает те этические принципы спорта, которым должны следовать субъекты спорта. Концепция *lex ludica*, таким образом, включает в себя как формальные правила, так и справедливые принципы спорта. Нормы *lex ludica* также называют «внутренним законом» спорта.

Рассмотрев понятия *lex sportiva* и *lex ludica*, может возникнуть вопрос об их соотношении между собой. Кен Фостер в своей работе указывал, что *lex ludica* входит в *lex sportiva*, с чем, на мой взгляд, следует согласиться. Во-первых, и *lex ludica*, и *lex sportiva* являются результатам «нормотворческой» деятельности спортивных организаций. Во-вторых, если рассматривать *lex sportiva* как совокупность правил, исходящих от спортивных организаций, то *lex ludica* можно рассматривать в качестве более специальных правил, одну из составляющих данной совокупности, связанную с правилами спортивных соревнований, а также с этическими правилами.

2.2 Сравнительный анализ норм *lex sportiva* и *lex ludica*

Для наглядной иллюстрации норм *lex sportiva* и *lex ludica* представляется логичным обратиться к некоторым регламентам международных спортивных федераций. Основными критериями для сравнения будут служить сферы регулирования указанных правил, а также санкции, применяемые за нарушение тех или иных требований. *Lex ludica* охватывает самую узкую часть *lex sportiva*, а именно: правила соревнований и этические правила, соответственно, в данную область будут включаться правила игры по различным видам спорта, например Правила игры Международного совета футбольных ассоциаций (далее – IFAB) в футбол на сезон 2020/21¹⁵⁷, Официальную книгу

---

¹⁵⁶ Foster K. *Lex Sportiva and Lex Ludica: the Court Of Arbitration for Sport's Jurisprudence* // *Entertainment and Sports Law Journal*. – 2016. – No. 3 (2). – P. 2. DOI: <https://doi.org/10.16997/eslj.112>

¹⁵⁷ Правила игры IFAB в футбол на сезон 2020/21. – URL: <https://rfs.ru/news/211966> (дата обращения: 14.03.2021).

правил 2018-2022 Международной федерации хоккея на льду¹⁵⁸ (далее – ИИХФ), а также различные документы, связанные с нормами этики, например, Кодекс этики Федерации хоккея России¹⁵⁹ (далее – ФХР). Остальная часть «нормотворческой» деятельности спортивных организаций представляет собой нормы *lex sportiva*, которые включают антидопинговое регулирование, требования к проведению спортивных соревнований, дисциплинарные регламенты, правила, касающиеся перехода игроков, деятельности спортивных агентов/посредников, аккредитации средств массовой информации (СМИ), лицензирования спортивных клубов и др.

При сравнении указанных норм следует обратиться к санкциям, применяемым за их нарушение. Самыми распространенными санкциями за нарушение норм *lex sportiva* являются следующие¹⁶⁰: предупреждение или выговор, временное отстранение от должности до завершения расследования, дисквалификация, аннулирование результатов соревнований, отстранение от соревнований, лишение аккредитации, отзыв аккредитации, штраф, изъятие призовых денежных средств в качестве дополнительной санкции, компенсационные выплаты, уменьшение квотных мест на Олимпийских играх, исключение из международной спортивной федерации ее члена, приостановление членства в международной спортивной федерации ее члена.

Самыми распространенными санкциями за нарушение норм *lex ludica* являются следующие¹⁶¹: дисквалификация, запрет старта, денежный штраф, штраф времени, отстранение от следующего соревнования, предупреждение/желтая карточка, карточка за некорректное поведение, дисквалификация из турнира, дисквалификация из кон-

---

¹⁵⁸ Официальная книга правил 2018-2022 ИИХФ. – URL: https://fhr.ru/upload/iblock/0cf/Pravila-IKHF_09.01.2020.pdf (дата обращения: 14.03.2021).

¹⁵⁹ Кодекс этики ФХР. – URL: <https://fhr.ru/upload/iblock/73f/Kodeks-etiki-FKHR.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).

¹⁶⁰ На основании регламентов Международной ассоциации легкоатлетических федераций, Международной федерации лыжного спорта, Международного союза биатлонистов, Международного союза конькобежцев, Международной федерации гольфа, Международной федерации дзюдо, Международной федерации конного спорта, Международной федерации гимнастики.

¹⁶¹ На основании регламентов и правил проведения соревнований Международной ассоциации легкоатлетических федераций, Международной федерации лыжного спорта, Международного союза биатлонистов, Международного союза конькобежцев, Международной федерации гольфа, Международной федерации дзюдо, Международной федерации конного спорта, Международной федерации гимнастики.

кретного соревнования, штрафные очки. Также представляется интересным, что санкции за нарушение норм *lex ludica* могут быть специфичны и применимы только к конкретному виду спорта. Так, в Спортивных и организационных правилах Международной федерации дзюдо предусмотрены санкции Шидо и Хансоку-маке. Во время проведения соревнования может объявляться три Шидо, четвертое – это Хансоку-маке (дисквалификация). Шидо не дает очки другому участнику, на табло оценок выносятся оценки только за технические действия. В конце соревнования, если на табло счет оказывается равным, выигрывает тот, у кого меньше Шидо.

Оба вида санкций, перечисленных выше, имеют как общие черты, так и различия. Среди общих можно выделить те виды санкций, которые используются за пределами спортивных правоотношений и спорта в целом (отстранение от должности, лишение/отзыв аккредитации, денежный штраф, приостановление членства и т. п.). Данные санкции носят корпоративный характер и связаны прежде всего с организационно-правовой формой спортивных федераций, основанной на членстве. Нарушение регламентов и иных правил спортивных федераций ведет к последствиям в виде указанных санкций. Дисквалификацию также можно отнести к общеправовым санкциям, поскольку она может быть применена в административном, уголовном, корпоративном отраслях права.

Санкции за нарушение *lex sportiva* в целом совпадают с санкциями, используемыми в других отраслях права. Санкции за нарушение *lex ludica* основаны на специфике спорта и правилах проведения соревнований по различным видам спорта. Действительно, вряд ли в мире корпоративных отношений можно было бы встретить аналогию санкции «Шидо», штрафные очки, запрет старта и пр. Подобные санкции прежде всего позволяют поддерживать честную спортивную игру, перераспределяя результат соревнований в зависимости от должного или недолжного поведения участника соревнования. Если общие санкции преследуют цели превенции (общей или частной) и восстановления прав потерпевших от правонарушения лиц, то отдельные санкции *lex ludica*, направлены прежде всего на сохранение целостности соревнований и чисто спортивного интереса. Их применение не только способствует «восстановлению» прав другого участника соревнования, так называемого «потерпевшего», но и защищает честность итога соревнований, что является неотъемлемым признаком спортивных отношений. Помимо указанного различия, санкции за нарушение *lex ludica* применяются непосредственно «на игровом

поле», без прерывания соревнования. Санкции же за нарушение *lex sportiva*, как правило, налагаются специальными юрисдикционными органами спортивных федераций (палатами по разрешению споров, комитетами, единоличными судьями и пр.), что также подчеркивает различие данных норм.

Таким образом, несмотря на единую правовую природу указанных норм, *lex sportiva* и *lex ludica* отличаются. Нормы *lex sportiva* имеют, скорее, корпоративный характер, предъявляющий широкий спектр требований к своим членам (начиная от необходимости создавать на национальном уровне органы, занимающиеся теми или иными вопросами, заканчивая детальными требованиями по оснащению спортивных объектов для проведения соревнований). Нормы *lex ludica*, напротив, регулируют не внешние отношения спорта, а внутренние, связанные непосредственно с главным – соревновательным процессом.

2.3. Интеграция норм *lex sportiva* в спортивное право

Поскольку ранее был сделан вывод, что нормы *lex sportiva* и нормы спортивного права принято разделять между собой, следует остановиться на вопросе о влиянии правил международных спортивных федераций и международного и национального спортивного права друг на друга. А.А. Соловьев¹⁶² приводит в пример итальянские спортивные кодексы со смешанной нормативной природой — правовой и неправовой (*lex sportiva*) — Кодекс Высшего суда спортивной юстиции и Кодекс Национального спортивного арбитражного трибунала. Также следует отметить значение швейцарского национального права в отношении статуса CAS и его решений и ситуацию с определяющим воздействием решения Европейского суда справедливости по делу Босмана на систему переходов футболистов Международной федерации футбола (далее – ФИФА).

Что касается интеграции норм *lex sportiva* в международное и национальное спортивное право, то можно выделить несколько примеров. Во-первых, это имплементация требований ФИФА или УЕФА в национальное законодательство при проведении Кубка конфедераций по футболу под эгидой ФИФА 2018 г. и Чемпионата мира по футболу ФИФА, а также предстоящего Чемпионата Европы по фут-

---

¹⁶² Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт). Дисс. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2012. – 440 с.

болу УЕФА 2020 г.¹⁶³. Во-вторых, в соревнованиях по боксу, карате и иным боевым спортивным единоборствам нанесение побоев и, как следствие, нанесения вреда здоровью спортсмена оценивается не с позиции норм уголовного законодательства, как это было бы в любой иной ситуации (вне рамок спортивных соревнований), а в рамках правил проведения таких соревнований. Таким образом, такие ситуации выводятся из-под действия уголовного закона. В-третьих, установление исключительных прав на вещание спортивных соревнований вне понимания значения *lex sportiva* не находит объяснений, поскольку в таком случае посягало бы на свободу информации и не укладывалось бы должным образом в стройную систему авторского права. В-четвертых, в трудовое законодательство введены основания для расторжения трудового договора в виде нарушения антидопинговых норм, а также иные нормы, связанные с требованиями международных спортивных федераций.

Таким образом, нормы *lex sportiva* могут оказывать значительное влияние на государственное регулирование в области спорта, позволяя добиться сбалансированного подхода в регулировании спорта и не допуская серьезных противоречий между государственным и частным нормотворчеством.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, автономия спорта и саморегулирование спортивных организаций необходимы для нормального функционирования данной области и сохранения основополагающих принципов спорта, таких как целостность спортивных соревнований и честная борьба.

Во-вторых, на сегодняшний день пределы автономии спортивных организаций фактически не ограничены, что влечет к риску злоупотребления со стороны спортивных федераций, и, как следствие, нарушению прав спортсменов. Логичным выходом из указанной ситуации представляется выработка и закрепление на законодательном уровне, в частности в Законе о физической культуре и спорте, крите-

---

¹⁶³ См.: Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.06.2013 N 108-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147218/ (дата обращения 14.03.2021).

риев саморегулирования, на основании которых удастся определить границы так называемой «свободы» спортивных федераций.

В-третьих, автономия спорта и нормы *lex sportiva* тесно связаны между собой. Возможность «нормотворчества» спортивных организаций напрямую зависит от наличия у них определенной автономности, позволяющей вводить собственные требования к участникам спортивной деятельности, проведению спортивных соревнований, официальным лицам спортивных организаций, а также изменять правила соревнований. При этом наличие в системе регулирования спортивной индустрии значительной части *lex sportiva*, а также их интеграция в национальное и международное законодательство в свою очередь подтверждают принцип автономии спорта.

Таким образом, вопрос о саморегулировании в области спорта, несомненно, остается актуальным и важным на сегодняшний день. Наличие недостатков, отмеченных в настоящем исследовании, лишь подтверждает данный тезис. Видится необходимым и в дальнейшем продолжать изучение автономии спорта и вопросов, непосредственно связанных с ней, а именно: доминирующее положение международных спортивных федераций по праву Европейского союза, защита прав спортсменов по Европейской конвенции защиты прав человека (ЕКЧП), автономия спорта и пределы ее регулирования в практике CAS и юрисдикционных органов международных спортивных федераций.

Список литературы:

1. Захарова, Л.И. Международные стандарты прав человека как ограничение принципа автономии спорта // Закон. – 2020. – № 8. – С. 61-72.
2. Понкина А.И. Государственное управление и автономная институализация в области спорта / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национальное объединение спортивных юристов Российской Федерации. – М., 2013. – 143 с.
3. Понкин И.В., Понкина А.И. О корреляции *lex sportiva* и спортивного права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 3. С. 109-118.
4. Понкина А.И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование / Комис. по спорт. праву Асс. юристов России; Нац. объединение спортивных юристов РФ. – М., 2013. – 102 с.
5. Соловьев А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт). Дисс. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2012. – 440 с.

6. Юрлов С.А. Определенность нормативного регулирования спорта как предпосылка установления четких пределов автономии спортивных организаций и эффективной защиты прав спортсменов // LEX RUSSICA. – 2018. – № 10. – С. 85-97.

7. Baddeley M. The extraordinary autonomy of sports bodies under Swiss law: lessons to be drawn // The International Sports Law Journal. – 2020. – No. 20. – Pp. 3-17.

8. Beloff M., Kerr T., Demetriou M. Sports Law. – Oxford: Hart Publishing, 1999. – 396 p.

9. Svensson J., Barnicle S. Controlled but Autonomous: An examination of autonomy deficit in the pursuit of practice in sport // The Sport Journal. – 2020. – Vol. 41. – Pp. 1-9.

10. Papaloukas M. Sports Law and Sports Market. Χρηγία. // Sport Management International Journal. – 2005. – Vol. 1(1). – Pp. 39-45.

11. Prof. dr. Robert Siekmann: The specificity of sport: sporting exceptions in EU Law // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. – 2012. – Vol. 49. – No. 4. – Pp. 697-725.

12. Foster K. Lex Sportiva and Lex Ludica: the Court Of Arbitration for Sport's Jurisprudence // Entertainment and Sports Law Journal. – 2016. – No. 3 (2). – P. 2. DOI: <https://doi.org/10.16997/eslj.112>.

Затула Е.А.

Спортивная медиация и перспективны ее развития в Российской Федерации

Аннотация. Медиация может рассматриваться как один из наиболее перспективных способов разрешение споров в современном мире. Наибольшую популярность этот институт может приобрести в сфере спорта, где разрешение споров – дорогая и долгая процедура. В работе автор рассматривает применимость института медиации к разрешению спортивных споров, ее положительные стороны, а также имеющиеся проблемы.

Ключевые слова: медиация, посредничество, спорт, альтернативные способы разрешения споров, спортивные споры.

Sports meditation development prospects in the Russian Federation

Abstract. Mediation can be considered as one of the most promising ways to resolve disputes in the modern world. This institution can gain the greatest popularity in the field of sports, where dispute resolution is an ex-

pensive and long procedure. In this paper, the author examines the applicability of the institute of mediation to the resolution of sports disputes, its positive aspects, as well as the existing problems.

Keywords: mediation, mediation procedure, sport, alternative dispute resolution, sports disputes.

Процедура медиации для России достаточно нова. Институт медиации появился в России лишь в 1993 году, когда был основан Центр разрешения конфликтов в городе Санкт-Петербург¹⁶⁴. Законодательное регулирование медиации появилось лишь в 2010 году, а сам закон вступил в силу лишь 1 января 2011 года. Когда в западных странах она развивалась с середины XX века, в России она лишь получает развитие. Несмотря на это, медиацию можно рассматривать как один из способов разрешения конфликтов между сторонами, в том числе и в сфере спортивных отношений.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹⁶⁵ (далее – Закон о медиации) определяет медиацию как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Законом о медиации определен перечень общественных отношений, к которым медиативные процедуры могут применяться. К ним относят споры, вытекающие из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Законодатель делает исключение: медиация не может применяться к разрешению коллективных трудовых споров, а также споров, в которых затрагиваются или могут быть затронуты права и законные интересы третьих лиц или публичные интересы.

Специальное регулирование процедуры медиации в сфере спорта в России не предусмотрено, в связи с чем возможность применения медиации к спортивным отношениям необходимо определять через предмет спортивного права, а также специфику правовых отношений в сфере спорта.

---

¹⁶⁴ Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2007. – № 2-2. – С. 73-77.

¹⁶⁵ Об альтернативной процедуре урегулирования спора с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 года N 193-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162 (ред. от 26.07.2019).

Как указывает С.В. Алексеев, предмет спортивного права можно определить как «органический комплекс общественных отношений, возникающих в сфере физической культуры и спорта, в частности, гражданских, трудовых, социального обеспечения, государственно-управленческих, финансовых и ресурсного обеспечения, предпринимательских, уголовно-правовых...»¹⁶⁶. Несмотря на наличие некоторой критики указанной позиции за ее чрезмерно широкий подход, она представляется наиболее удачной, так как показывает всю многогранность аспектов спортивных правоотношений.

Специфика же правовых отношений в сфере спорта главным образом состоит в наличии «внутренних регуляторов» в виде международных, национальных, региональных и местных спортивных федераций. Как правило, в регламентах федераций предусмотрена арбитражная оговорка, которая предусматривает передачу спортивных споров по подсудности в Спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport), г. Лозанна. Региональные и общероссийские федерации по собственным регламентам могут передавать споры и в другие арбитражные организации, например существующий в России Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате. Исключения составляют индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров, в которых в соответствии с ч. 4 ст. 36.2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹⁶⁷ должно заключаться отдельное арбитражное соглашение.

Наличие арбитражной оговорки (отдельного арбитражного соглашения) не является препятствием для обращения к процедуре медиации, так как последняя предполагает добровольность сторон при обращении и разрешении споров и исполнении решений, достигнутых в ходе медиации. Можно считать, что стороны, обратившись к медиации, не отказываются от арбитража, а делают дополнительную попытку к разрешению спора. Такую позицию также подтверждает возможность использования процедуры медиации и в Спортивном арбитражном суде г. Лозанны, и в Спортивном арбитраже при Торгово-промышленной палате. Возможность применения процедуры медиации к спору, находяще-

---

¹⁶⁶ Алексеев С.В. Спортивное право России. – 4-е, перераб. и доп. изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 121.

¹⁶⁷ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 04 декабря 2007 года N 329-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242 (ред. от 30.07.2020).

муся на рассмотрении в арбитраже также предусмотрена ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)»¹⁶⁸.

Говоря о специфике правовых отношений в сфере спорта необходимо определить виды споров, складывающиеся в этой сфере общественных отношений. А.М. Бриллиантова подразделяет спортивные споры на четыре группы: споры, касающиеся исключительно коммерческой стороны правоотношений в области спорта; споры между спортсменами и спортивными организациями, связанные с вопросами найма и трудоустройства; споры между спортивными организациями в отношении распределения между ними функций и полномочий; споры по поводу дисциплинарных санкций, применяемых спортивными организациями к своим членам и участникам – индивидуальным и коллективным¹⁶⁹.

При использовании такой классификации спортивных споров, которая представляется корректной и полным образом отражающей виды спортивных конфликтов, можно выделить категории спортивных споров, которые могут быть предметом медиации. К таковым относятся споры, касающиеся коммерческой стороны отношений в сфере спорта, а также споры между спортсменами и спортивными организациями, связанные с вопросами найма и трудоустройства.

Таким образом, спортивную медиацию можно охарактеризовать как альтернативную процедуру урегулирования споров между субъектами спортивных правоотношений, связанных с договорными, коммерческими и трудовыми разногласиями, осуществляемую независимым лицом (медиатором) на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия.

Как можно понять из выведенного нами определения спортивной медиации к ее основным признакам относятся добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие. Для понимания перспектив развития медиации необходимо охарактеризовать их более подробно.

Представляется, что для более полного рассмотрения признаки добровольности, сотрудничества и равноправия следует объединить в один блок. Итак, добровольность в процедуре медиации обозначает

---

¹⁶⁸ Об арбитраже (третейском разбирательстве): федер. закон от 29 декабря 2015 года N 382-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2 (ред. от 27.12.2018).

¹⁶⁹ Бриллиантова А.М. Спортивный арбитраж как способ рассмотрения споров в области профессионального спорта (сравнительно-правовой аспект) // Спорт: экономика, право, управление. – 2004. – № 6. – С. 12-15.

наличие желания обеих сторон для разрешения возникшего между ними конфликта, но фактического желания мало. Закон предусматривает заключение двух соглашений: о применении процедуры медиации (медиативная оговорка) и соглашение о проведении процедуры медиации – заключаемое после начала спора¹⁷⁰.

Представляется, что включить медиативную оговорку в целях экономии на издержках, связанных с разрешением споров, могут региональные и местные спортивные федерации в своих регламентах. Уместно утверждать, что такая возможность допустима в соответствии со ст. 16.1 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Впоследствии после апробации на нижних уровнях спортивного управления включение медиативной оговорки возможно и на уровне общероссийских спортивных федераций.

Стоит отметить, что сторонам конфликта при посредничестве необходимо сохранять желание на разрешение спора до его завершения. Иная ситуация невозможна так как в процессе медиации стороны должны прийти к обоюдному решению.

Этого невозможно добиться без принципа сотрудничества, который, как указано выше, можно расценивать как тесно связанный с принципом добровольности. Принцип сотрудничества обозначает, что стороны в процессе разрешения споров должны идти на различные уступки, так как принятое медиативное решение должно устраивать обе стороны. Как указывают К. Хоппер и Р. Доман, в медиации присутствует модель «победитель-победитель», в свою очередь, при судебном разбирательстве наличествует модель «победитель-проигравший»¹⁷¹. С этой позицией нельзя не согласиться, так как стороны идут к посреднику в целях обоюдно выгодного завершения спора в ситуациях, когда сохранение отношений между субъектами играет немаловажную роль.

Для того чтобы принцип сотрудничества реализовывался надлежащим образом, ни один из субъектов конфликта в процессе медиации не должен получать преимущество над другим. В этом свете можно говорить о принципе равноправия сторон. Представляется, что он обозначает равенство сторон в представлении своей позиции в процессе осуществления процедуры медиации. Иная ситуация вряд

---

¹⁷⁰ Синенко В. С. Проблемы реализации принципа добровольности в процедуре медиации // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 22 (193). – С. 104-109.

¹⁷¹ Hopper K., Doman R. Sports Mediation: Getting the Right Mediator // CAS Bulletin. – 2017. – No. 2. – P. 19.

ли могла бы быть возможна. Если одна из сторон будет иметь преимущество над другой, то ущемляемая в правах сторона может попросту прекратить посредническую процедуру, но в таком случае цель медиации достигнута не будет.

Добровольность в медиации продолжается и после принятия медиативного решения, в процессе его исполнения. В связи со специфической процедурой принудить к исполнению решения невозможно. Стороны сами исполняют решение, которое было принято ими обоюдно на основе взаимных уступок.

Что же касается конфиденциальности при проведении процедуры медиации, то она означает, что стороны и иные лица, присутствующие при проведении процедуры медиации, в случае возникновения спора в судебных или квазисудебных (арбитражных) органах, не вправе ссылаться на обстоятельства, ставшие известными им при проведении процедуры медиации, в том числе: мнения или предложения, высказанных одной из сторон в отношении возможности урегулирования спора; признаниях, сделанных одной из сторон в ходе проведения процедуры медиации. Таким образом, стороны фактически защищены на случай недостижения согласия между ними.

Кроме того, благодаря конфиденциальности стороны защищены также на случай неисполнения решения другой стороной. В случае необходимости последующего обращения в суд все факты, которые стали известны сторонам в процессе процедуры, а также договоренности, достигнутые в процессе медиации, не смогут быть оглашены и, как следствие, положены в основу судебного решения.

Помимо прочего, конфиденциальность позволяет оставить факт спортивного спора неизвестным для широкого круга лиц, тем самым не получив репутационных издержек, которые могут быть связаны с совершением неправомерных действий субъектов конфликта, что может повлечь за собой еще большие финансовые издержки, связанные, в том числе, с общественным осуждением действий лиц, например бойкоты спортивных соревнований.

Несмотря на то, что арбитраж по общему правилу также является конфиденциальным, в России в соответствии с ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» и в Спортивном арбитражном суде г. Лозанны¹⁷² при использовании арбитражных процедур возрастает вероятность распространения информации о споре в средствах массовой информации, что может вызвать негативные последствия, опи-

---

¹⁷² Иглин А.В. Правила судопроизводства в спортивном арбитражном суде // Вестник ВУиТ. – 2010. – № 72. – С. 5-7.

санные выше. Обращение к медиатору фактически ограничивает субъектов до 3 субъектов: медиатор и спорящие стороны. Медиативные заседания могут проходить в любом месте, что исключает возможность случайного получения информации о споре журналистами и существенно снижает риск репутационных издержек субъектов спорта.

Представляется, что можно выделить дополнительный признак медиации, который можно охарактеризовать как финансовую экономию при разрешении споров.

Считается, что процедура медиации обходится сторонам гораздо дешевле судебного разбирательства, в том числе в арбитраже.

Сравнивая стоимость процедуры медиации и арбитражной процедуры в Российской Федерации, обратимся к Положению об арбитражных расходах Международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате РФ. При подаче искового заявления, рассматриваемого спортивным арбитражем, субъекту спортивного спора придется уплатить 10 тыс. рублей – регистрационный сбор; арбитражный сбор, который по спортивному спору будет варьироваться от 10 тыс. до 900 тыс. рублей, а также при обжаловании решений общероссийской антидопинговой организации, спортивных федераций и физкультурно-спортивных организаций, включая физкультурно-спортивные общества, спортивные клубы, профессиональные спортивные лиги, субъекту спортивного спора придется уплатить еще и апелляционный сбор размером в 50 тыс. рублей. Исключения изложены в ч. 8 ст. 36.2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Так, работники, обратившиеся в постоянно действующее арбитражное учреждение, администрирующее арбитраж (третейское разбирательство) споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений, с иском по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, освобождаются от уплаты арбитражного сбора при подаче иска.

В свою очередь, при обращении в Коллегию посредников Торгово-промышленной палаты РФ в целях разрешения спортивного спора в соответствии с процедурой медиации регистрационный сбор составит 6 тыс. рублей, а медиативный сбор от 5 тыс. до 300 тыс. рублей. Стоит обратить внимание, что на территории Российской Федерации действуют и иные организации, занимающиеся разрешением споров посредством процедуры медиации, в том числе на непрофессиональной основе, стоимость услуг у которых может быть значительно меньшей.

Таким образом, медиация как процедура разрешения спора действительно может позволить сторонам уменьшить издержки, связанные с рассмотрением споров, что, несомненно, является ее преимуществом. Главным образом в медиации могут быть заинтересованы субъекты спортивного права, которые не имеют большого финансирования, и судебные издержки для которых могут нанести большой ущерб.

Исключение, как уже говорилось выше, составляют индивидуальные трудовые споры спортсменов и тренеров, но касается оно только случаев обращения таковых за правовой помощью. Несмотря на это, при разрешении трудовых споров медиация сохраняет свои преимущества в виде сохранения и развития нормальных отношений субъектов спорта; заинтересованность в исполнении решений, принятых путем медиации; уменьшенные сроки рассмотрения по сравнению с арбитражем. Более подробно мы рассмотрим этим преимущества ниже. Помимо этого, возможна ситуация, при которой обращение к медиатору в целях разрешения индивидуального трудового спора по инициативе спортсмена (тренера), может быть оплачено из средств общероссийской спортивной федерации по соответствующему виду спорта, что приведет к популяризации этого института.

Несмотря на преимущества, которые вытекают из самой природы медиации и находят отражение в принципах таковой, институт альтернативного разрешения споров путем посредничества остается непопулярным в России. Как указывал Верховный Суд РФ в Справке о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», за 2015 год» путем проведения медиации спор был урегулирован в 1 115 делах (0,007 % от числа рассмотренных), а в арбитражных делах – при рассмотрении 44 дел¹⁷³. Эта статистика не может служить безусловным показателем развития спортивной медиации, однако она показывает общую тенденцию, имеющуюся в данном институте.

По мнению некоторых ученых, такая плачевная ситуация, связанная с развитием медиации, может существовать в связи с тем, что широкий спектр людей попросту не знает о возможности разрешения

---

¹⁷³ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / Верховный суд Российской Федерации // ИПП «Гарант.ру». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71329664/> (дата обращения: 01.12.2020).

спора путем посредничества¹⁷⁴. Можно сказать о том, что такая позиция относительно возможных причин, связанных с проблемами развития медиации, имеет место быть. Такую позицию разделял и Д.А. Медведев, будучи Президентом Российской Федерации. Он указывал на то, что необходимо развивать институт медиации посредством широкого информирования граждан¹⁷⁵.

Представляется, что не информированность граждан о возможности разрешения споров посредством альтернативной процедуры является не главной проблемой, делающей медиацию менее привлекательной процедурой при разрешении спортивных споров. В качестве таковых можно выделить: нежелание разрешить спор на основе переговоров, а также страх неразрешения спора медиатором.

Первая проблема заключается в уверенности субъектов спортивного конфликта в своей правоте и желании получить все причитающееся ей. При такой ситуации медиатор должен донести до сторон все преимущества разрешения спора путем посредничества, будь то сохранение и дальнейшее развитие отношений между субъектами или же издержки разрешения спора в судебном (квазисудебном) порядке, включая сроки их разрешения.

Можно сказать, что при отсутствии желания разрешить спор в досудебном порядке и найти точки соприкосновения хотя бы с одной стороны реализация процедуры медиации может быть осуществлена только введением обязательной процедуры медиации путем введения обязательной медиативной оговорки. При этом для достижения договоренностей при такой ситуации медиатор должен понимать всю сложность принимаемого дела, быть искусным психологом, а самое главное – понимать специфику спортивных отношений. Главной задачей медиатора тут представляется доведение процедуры до конца, ведь даже при обязательной процедуре медиации стороны могут не прийти к соглашению в связи с отсутствием надлежащих компетенций у медиатора.

Вторая проблема состоит в нежелании субъектов спора потратить свои средства и время на процедуру медиации, не найдя возможного варианта разрешения спора. Вариант, при котором субъекты будут вынуждены оплатить услуги медиатора и впоследствии арбитража, может приводить к нежеланию переплачивать и, как следствие,

---

¹⁷⁴ Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. Указ. соч.

¹⁷⁵ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента РФ. – 22.12.2011. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/14088> (дата обращения 01.12.2020).

обращаться за помощью к медиатору. Несмотря на очевидно меньшую стоимость разрешения спортивных споров посредством процедуры медиации, стороны боятся переплатить в случае недостижения согласия. Представляется, что эта проблема может быть преодолена путем проведения медиаторами просветительской работы, в том числе путем проведения различных семинаров, разъясняющих принципы работы медиаторов, а также в целях недопущения таких ситуаций следует предъявлять особые требования к спортивным медиаторам.

В этой связи для разрешения поставленных проблем было бы актуально, чтобы положения о процедуре медиации в сфере спорта были дополнительно закреплены в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», где бы предъявлялись требования к спортивным медиаторам. Представляется, что к спортивным медиаторам можно по аналогии распространить требования, предъявляемые к спортивным арбитрам. В соответствии с ч. 7 ст. 36.2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» не менее половины арбитров должны соответствовать одному из следующих требований: обладать опытом работы в области физической культуры и спорта не менее пяти лет, предшествующих дате включения их в рекомендованный список арбитров, либо обладать опытом разрешения споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений в качестве третейских судей или опытом работы в органах общероссийских или международных спортивных федераций, профессиональных спортивных лиг, осуществляющих досудебное урегулирование споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений, не менее четырех лет, предшествующих дате включения их в список арбитров. Такой подход позволил бы будущим спортивным медиаторам понимать специфику спорта и в лучшей степени содействовать разрешению спортивных споров, что позволило бы решить проблему недоверия к этому институту.

На основании изложенных выше позиций можно сделать вывод о том, что медиация является перспективной процедурой альтернативного урегулирования конфликтов в сфере спорта, вытекающих из чисто договорных, коммерческих и (или) трудовых отношений. Преимуществами медиации, которые могут положительно повлиять на ее развитие, являются следующие.

Во всех трех, указанных выше сферах спортивных конфликтов, важны принципы постоянства в сотрудничестве. Оно в состоянии привести сложившиеся в сфере спорта отношения к наилучшему развитию. Наличие конфликтов и постоянные разрывы отношений могут

нанести ущерб обеим сторонам споров. В такой ситуации медиация позволяет сохранить отношения, сложившиеся между субъектами конфликта, так как задачей посредника является достижение взаимовыгодного решения, которое может положительно сказаться на дальнейшем развитии партнерских отношений.

Кроме того, участие в медиации показывает сторонам добросовестность со стороны их контрагента. Сам факт заключения соглашений о совершении процедуры медиации уже говорит о готовности сторон найти взаимовыгодное решение, не злоупотребляя своими правами, в том числе правом на обращение в суд, а также показывает готовность идти на уступки и искать взаимовыгодное решение в сложных ситуациях. Такая ситуация позволяет сторонам спора по-новому взглянуть на своего контрагента и пересмотреть возможную модель отношений с ним, что также способствует развитию нормальных доверительных отношений в сфере спорта.

В первую очередь большая заинтересованность в исполнении решений. Стороны попросту будут иметь больший стимул в добровольном исполнении решений, которые они приняли самостоятельно. Стороны, взявшие на себя ответственность в совершении договоренностей и принятии решения, с большим желанием подойдут к исполнению решения, нежели в ситуации, когда их принуждает вышестоящий орган.

Во-вторых, уменьшенный срок разрешения спора. При медиации сроки разрешения споров зависят только от самих сторон. В связи с тем, что стороны уже обращаются к медиатору, они заинтересованы в скорейшем разрешении спора и могут выбрать любого медиатора, который, по их мнению, в скорейшие сроки разрешит возникший спор. При обращении в арбитраж или суд в связи с загруженностью органов и большей формализацией их деятельности срок разрешения спора может существенно возрасти по сравнению с медиацией, а само исполнение решения может быть несоразмерно затянуто, например, при производстве по делу о возможном расторжении контракта спортсмена, рассмотрение такового может быть завершено по истечении срока контракта.

В-третьих, меньшие расходы и их распределение. Как указывалось выше и подтверждалось расчетами, медиация преимущественно является менее затратной процедурой, нежели спортивный арбитраж. При такой ситуации субъекты видов спорта, не получающих существенного финансирования от спонсоров и государства, получают более действенный и экономный способ защиты своих

прав, так как обращение в арбитраж за разрешением спора будет являться для них затруднительным. Кроме того, стороны могут своим соглашением распределить бремя оплаты услуг медиатора таким образом, что это вовсе не затронет их финансового положения в этой сфере.

Для большего развития процедуры медиации среди ученых предлагается такой способ, как обязательная медиация¹⁷⁶. Действительно, такая возможность предусмотрена ч. 1 ст. 36.5 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», а именно право общероссийских спортивных федераций и спортивных лиг устанавливать обязательный для субъектов физической культуры и спорта в профессиональном спорте и спорте высших достижений досудебный порядок урегулирования споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений. В целях апробации обязательной медиации целесообразно ввести ее через регламенты нижестоящих (региональных и местных) спортивных федераций для разрешения трудовых споров между спортсменами и спортивными организациями, и договорных и коммерческих споров между спортивными организациями и федерациями. Такая возможность допустима, как уже говорилось, в соответствии со ст. 16.1 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». По итогу введения обязательной медиации для указанных субъектов в дальнейшем общероссийские спортивные федерации, используя такой опыт, смогут включить соответствующую процедуру в собственные регламенты.

Представляется также, что для оказания стимулирующего воздействия для развития процедуры спортивной медиации представляется возможным создать специальные палаты по разрешению спортивных споров, которые и будут заниматься посреднической деятельностью. Как указывает Е.В. Погосян, в Великобритании и Австралии созданы такие палаты¹⁷⁷. В Великобритании такая палата создана спортивными федерациями этой страны, но не подчиняется им. В компетенцию данной палаты входит досудебное урегулирование, то есть предоставление сторонам спора прийти к обоюдному соглашению до передачи дела на рассмотрение юрисдикционной инстанции, государственной или спортивной. Принятое в результате решение не носит обязательного характера и не исключает возможности даль-

---

¹⁷⁶ Милохова А.В. Обязательная медиация: поиск компромисса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2013. – № 3 (104). – С. 136-142.

¹⁷⁷ Погосян Е.В. Формы разрешения спортивных споров: монография. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – С. 18.

нейшего обращения в суд или иной компетентный орган. Тем не менее данная процедура применима только в случае обоюдного желания сторон прийти к согласию посредством медиативных процедур¹⁷⁸. В.В. Круглов указывает на возможность применения сходных механизмов и в России. С такой позицией можно согласиться. Создание специальных медиативных палат по разрешению спортивных споров, при условии, что последние не будут подчиняться и (или) зависеть от спортивных федераций, возможно. При такой ситуации расходы на разрешение спортивных споров можно существенно снизить, что делает медиацию еще более привлекательной для субъектов спорта процедурой.

Помимо этого, возможно проведение апробации механизма спортивной медиации при разрешении регламентных споров, возникающих в студенческом спорте под эгидой Российского студенческого спортивного союза. На сегодняшний день в России существует 26 студенческих спортивных лиг, в которых выступают спортсмены, которые зачастую находятся в самом начале своей спортивной деятельности. Как указывают В.А. Леднев и Е.А. Первушина, в российском студенческом спорте имеются 3 основные модели финансирования: «Бюджетное финансирование; финансирование с бюджетными и внебюджетными источниками дохода, при котором к источникам стабильного бюджетного финансирования добавляется оказание платных спортивно-оздоровительных услуг; многоканальное финансирование, при котором к уже известному бюджетному финансированию и оказанию платных спортивно-оздоровительных услуг добавляются продажи атрибутики с символикой спортивного клуба, меценатство и даже спонсорская помощь»¹⁷⁹. Представляется, что при малом бюджете студенческих спортивных клубов разрешение споров путем медиации является наилучшим механизмом, позволяющим в достаточной степени сэкономить денежные средства. Как неоднократно указывали в своих выступлениях представители Российской Федерации, спорт – одно из приоритетных направлений развития страны. При таком подходе видится рациональным предоставление софинансирования для разрешения споров в сфере студенческого спорта со стороны государства за счет трансфертов Российскому студенческому спор-

---

¹⁷⁸ Круглов В.В. Перспективы развития спортивной медиации как института разрешения конфликтов (споров) в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1 (86). – С. 95-102.

¹⁷⁹ Леднев В.А., Первушина Е.А. Тенденции развития студенческого спорта в России // Экономика и управление народным хозяйством. – 2016. – № 8 (141). – С. 40.

тивному союзу под эти цели. В студенческом спорте медиация не менее важна, чем в профессиональном спорте и может оказать существенное влияние на его развитие. Результаты, которых посреднические процедуры смогут достигнуть в этой области, могут быть положены в основу предложений по совершенствованию механизмов разрешения споров в профессиональном спорте и спорте высших достижений.

Большие клубы, развитые федерации и спортсмены, имеющие возможность обратиться к процедуре арбитража, должны увидеть на реальном опыте возможности и преимущества медиации при разрешении спортивных споров, чего можно добиться через популяризацию этого способа разрешения споров у малых спортивных клубов, начинающих карьеру спортсменов, а также федерациях, не имеющих достаточного финансирования.

Список литературы:

1. Алексеев С.В. Спортивное право России: Учебник для вузов. – 4-е, перераб. и доп. изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 695 с.
2. Аллахвердова О.В., Иванова Е.Н. История развития медиации // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2007. – № 2-2. – С. 73-77.
3. Бриллиантова А.М. Спортивный арбитраж как способ рассмотрения споров в области профессионального спорта (сравнительно-правовой аспект) // Спорт : экономика, право, управление. – 2004. – № 6. – С. 12-15.
4. Иглин А.В. Правила судопроизводства в спортивном арбитражном суде // Вестник ВУиГ. – 2010. – № 72. – С. 5-7.
5. Круглов В.В. Перспективы развития спортивной медиации как института разрешения конфликтов (споров) в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1 (86). – С. 95-102.
6. Леднев В.А., Первушина Е.А. Тенденции развития студенческого спорта в России // Экономика и управление народным хозяйством. – 2016. – № 8 (141). – С. 38-44.
7. Милохова А.В. Обязательная медиация: поиск компромисса // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2013. – № 3 (104). – С. 136-142.
8. Погосян Е.В. Формы разрешения спортивных споров: монография. – М.: Волтерс-Клувер, 2011. – 160 с.

9. Синенко В.С. Проблемы реализации принципа добровольности в процедуре медиации // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 22 (193). – С. 104-109.

10. Hopper, K., Doman, R. Sports Mediation: Getting the Right Mediator / К. Hopper, R. Doman // CAS Bulletin. – 2017. – No. 2. – Pp. 19-25.

Ветрова Е.Г.

Применение спортивным арбитражным судом доктрины правомерных ожиданий субъектов спорта

Аннотация. Настоящее исследование проведено с целью выявления в практике спортивного арбитражного суда (CAS) доктрины правомерных ожиданий субъектов спорта. В работе используются методы анализа и обобщения судебной практики. Автор обнаружил предпосылки возникновения частых проблем применения доктрины и пути их преодоления спортивным арбитражным судом.

Ключевые слова: спортивный арбитражный суд, спорт, эстоппель, правомерные ожидания, арбитраж.

Application by the Court of Arbitration for Sport of the doctrine of legitimate expectations of sports subjects

Abstract. The present study was conducted in order to identify the doctrine of legitimate expectations of sports subjects in the practice of the Court of Arbitration for Sport (CAS). The paper uses methods of analysis and generalization of judicial practice. The author found the prerequisites for the occurrence of frequent problems in the application of the doctrine and the ways of the Court of Arbitration for Sport to overcome them.

Keywords: Court of Arbitration for Sport, sport, estoppel, legitimate expectations, arbitration.

Как известно, мир спорта наполнен разнообразными нормативно-правовыми актами, которые регулируют самые различные сферы: от организации спортивных соревнований до проведения допинг-тестов спортсменов, от порядка перехода футболистов до регламентов проведения Олимпийских игр.

Большинство таких норм созданы с целью их использования субъектами спорта: непосредственно спортсменами и лицами, аффилированными со спортом. Они не обладают специальными знаниями, чтобы применять к отдельным нормам все существующие виды толкования, они всегда следуют им буквально – как понимают по результатам прочтения. Поэтому если норма содержит какие-либо неоднозначные, неопределенные формулировки, это создает недопонимание, и субъект спорта не сможет понять и применить ее правильно без совета профессионального юриста, что может повлечь возникновение как нарушений субъектом спорта, так и злоупотреблений со стороны федерации-регулятора.

Соответственно, предельно важно, чтобы норма, регулирующая правоотношения в спорте, содержала в себе ясные и предсказуемые правила поведения. Помимо этого, большое значение имеют правомерные ожидания спортсменов, которые они приобретают после восприятия той или иной нормы и/или после выполнения определенных нормативно-установленных требований.

Эту важность подчеркивает в своих решениях и Спортивный арбитражный суд (далее – CAS, арбитраж). Для исследования были использованы несколько решений, которые наиболее убедительно демонстрируют, что CAS использует так называемую доктрину правомерных ожиданий (*legal expectations*). Она является уникальным правовым институтом, который позволяет суду анализировать конкретную спорную ситуацию с точки зрения правильного соблюдения необходимых процедурных норм и надлежащего исполнения созданных субъектом спорта перед спортсменом обязательств («заранее обещанного»).

§1. Правовая природа доктрины правомерных ожиданий

Арбитраж в своих решениях расшифровывает сущность доктрины правомерных ожиданий. Ее смысл заключается в том, что когда поведение и/или заверения, данные одной стороной, вызвали правомерные ожидания у другой стороны, первая сторона не может внезапно изменить свой курс действий и действовать вопреки таким заверениям в ущерб второй стороне. Правомерные ожидания сводятся к запрету непоследовательного поведения, которое препятствует реализации правомерных интересов спортсмена¹⁸⁰. CAS связывает эту доктрину с широко из-

---

¹⁸⁰ Arbitration CAS 2017/O/5264, 5265 & 5266 Miami FC & Kingston Stockade FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), Confederation of North, Central America and Caribbean Association Football (CONCACAF) & United States Soccer Federation (USSF), award of 3 February 2020, para. 7. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/5264,%205265,%205266.pdf>

вестной в юриспруденции доктриной эстоппеля и дает наименование доктрине правомерных ожиданий – *venire contra factum proprium*¹⁸¹.

Арбитраж подчеркивает, что «... доктрина правомерных ожиданий предусматривает процессуальное, а в некоторых юрисдикциях и материальное право, когда представления были сделаны лицу кем-то, обладающим компетенцией. Доктрина предназначена для защиты людей от злоупотребления в процессе разрешения споров»¹⁸². Поэтому в практике арбитража проводится разграничение в доктрине процессуальной и материальной составляющих. «Процессуальное правомерное ожидание основано на презумпции, что лицо, обладающее компетенцией, будет следовать определенной процедуре принятия решения, в то время как материальное правомерное ожидание возникает, когда лицо, обладающее компетенцией, делает правомерное представление о том, что лицо получит материальную выгоду»¹⁸³.

В определенных случаях CAS прямо проводит параллель с доктриной эстоппеля (непоследовательного поведения): «... доктрина, признанная швейцарским законодательством, предусматривает, что в тех случаях, когда поведение одной стороны вызвало правомерные ожидания у другой стороны, первая сторона лишается права изменять свой курс действий в ущерб второй стороне (CAS 2008/O/1455, para. 16) и равносильно запрету не последовательного поведения»¹⁸⁴.

Стоит отметить, что доктрина правомерного ожидания требует добросовестности той стороны, которая является источником ожиданий. Нельзя, заранее осознавая чужую ошибку, правомерно полагать, что она приведет к соответствующим действиям. Даже если субъект спорта правильно заявит о своем правомерном ожи-

---

¹⁸¹ Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999, para. 4. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/200.pdf>

¹⁸² Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/005 & 16/007 Mangar Makur Chuot Chep & South Sudan Athletics Federation (SSAF) v. South Sudan Olympic Committee (SSNOC), award of 7 August 2016 (operative part of 3 August 2016), para. 44. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2016-005,%200007.pdf>

¹⁸³ Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/005 & 16/007 Mangar Makur Chuot Chep & South Sudan Athletics Federation (SSAF) v. South Sudan Olympic Committee (SSNOC), award of 7 August 2016 (operative part of 3 August 2016), para. 2. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2016-005,%200007.pdf>

¹⁸⁴ Arbitration CAS 2017/O/5264, 5265 & 5266 Miami FC & Kingston Stockade FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), Confederation of North, Central America and Caribbean Association Football (CONCACAF) & United States Soccer Federation (USSF), award of 3 February 2020, para. 243. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/5264,%205265,%205266.pdf>

дании, необходимо проверить, не злоупотребляет ли он. Это подтверждается в практике CAS: «Однако если соответствующая квалификационная система предусматривает выбор только одного спортсмена-мужчины, а национальная федерация выдвигает двух спортсменов-мужчин, то спортсмен не может полагаться на представления. Таким образом, действия лица, наделенного компетенцией, заставляющие спортсмена полагать, что он будет представлять свою страну, хотя и несправедливы по отношению к спортсмену, не создают существенного права, такого, что спортсмен должен быть выбран»¹⁸⁵.

§2. Использование доктрины правомерных ожиданий сторонами споров.

Доктрина правомерных ожиданий используется не только самим арбитражем, но и сторонами в процессе. Она является отличным аргументом, если необходимо подчеркнуть процедурные нарушения в действиях противостоящей стороны: «Заявитель утверждает, что, даже если бы требование FIS было актуально для процесса перераспределения квот в соответствии с пунктом 3.3, заключительным абзацем FSQS, FIS была бы лишена права отказать Заявителю в квотном месте для участия в соревнованиях по мужскому фристайлу в сочинских Играх. В поддержку такого утверждения Заявитель ссылается на доктрину *venire contra factum proprium*, существующую в швейцарском праве, подкрепленную "последовательной судебной практикой CAS", согласно которой в тех случаях, когда поведение одной стороны вызвало правомерные ожидания у другой стороны, первая сторона не может изменить свой курс действий в ущерб второй стороне <...>. По мнению Заявителя, из этой судебной практики ясно, что международная федерация, такая как FIS, не может полагаться на свои ошибочные действия или бездействие для исключения спортсмена из Олимпийских игр, если, совершая такие действия или бездействие, она побудила спортсмена тренироваться для конкретного события на Олимпийских играх»¹⁸⁶.

Также примером использования субъектом спорта доктрины в своей позиции является соответствующее дело: «ASF и AOC своим

---

¹⁸⁵ Arbitration CAS ad hoc Division (OG Rio) 16/005 & 16/007 Mangar Makur Chuot Chep & South Sudan Athletics Federation (SSAF) v. South Sudan Olympic Committee (SSNOC), award of 7 August 2016 (operative part of 3 August 2016), para. 2. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2016-005,%20007.pdf>

¹⁸⁶ Arbitration CAS ad hoc Division (OG Sochi) 14/002 Clyde Getty v. International Ski Federation (FIS), award of 5 February 2014, para. 4.2. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2014-002.pdf>

публичным поведением взяли на себя обязательство, что каждый австрийский спортсмен, квалифицированный в соответствии с Правилами FIS, будет отобран для участия в Олимпийских играх путем принятия АОС всех выделенных ему квотных мест. Поведение ответчиков вызвало у Заявительницы правомерные ожидания, что, получив квалификацию по Правилам FIS, она будет отобрана с использованием квот. Ответчики, учитывая эту ситуацию, отстранены от изменения своего курса действий, т. е. от опоры на их авторитет в любом конкретном случае отказаться от квоты, выделенной Австрии»¹⁸⁷.

Кроме того, доктрина может использоваться как инструмент для неразглашения определенной информации. Например, «USATF утверждает, что даже если бы конструкция Правил IAAF была правильной, тринадцать "невыясненных случаев" касались спортсменов, которые полагались на обещание USATF о конфиденциальности, предполагали, что их дела были закрыты; их правомерные ожидания в этом отношении были бы нарушены, если бы их дела были возобновлены. Поэтому USATF утверждает, что Панель должна ограничить сферу действия любого решения, основанного на неправильном толковании IAAF своих правил предполагаемыми случаями и не должна применять интерпретации IAAF задним числом к завершенным делам»¹⁸⁸.

Заключение.

Как указывалось ранее, доктрина правомерных ожиданий находит свое применение в практике CAS, которая впоследствии носит прецедентный характер.

Для применения соответствующей доктрины существуют различные предпосылки.

Например, отсутствие четких и ясных норм в нормативно-правовых актах тех или иных субъектов спорта: «В отсутствие четкого положения в правилах отбора соответствующей национальной федерации или Национального Олимпийского комитета, дающего право любому органу исключать спортсмена просто на основании подозрения в употреблении допинга, Панель считает, что спортсмен имеет

---

¹⁸⁷ Arbitration CAS ad hoc Division (OG Sochi) 14/001 Daniela Bauer v. Austrian Olympic Committee (AOC) & Austrian Ski Federation (ASF), award of 4 February 2014, para. 4.2. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2014-001.pdf>

¹⁸⁸ Arbitration CAS 2002/O/401 International Association of Athletics Federations (IAAF) / USA Track & Field (USATF), award of 10 January 2003. – URL: https://arbitrationlaw.com/sites/default/files/free_pdfs/CAS%202002-O-401%20IAAF%20v%20USATF%20Award.pdf

правомерное ожидание того, что после того, как он будет выбран в соответствии с процессом национального отбора, ему будет разрешено участвовать в своих соревнованиях при отсутствии какой-либо новой или иной причины для исключения его из команды»¹⁸⁹. Также в качестве примера можно привести: «В отсутствие четкого положения в Олимпийской хартии и в Правилах соответствующей Международной федерации, дающего право МОК вмешиваться в дисциплинарное разбирательство, проводимое этой Международной федерацией, спортсмен имеет правомерное ожидание того, что после того, как он завершит наложенное на него наказание, ему будет разрешено участвовать во всех соревнованиях, если не будет какой-либо новой причины для отказа в его участии. Если бы это было иначе, то существовал бы реальный риск двойной опасности»¹⁹⁰.

Кроме того, предпосылкой является проблема срока действия определенных правил и срока принятия новых, «взаимодействия» нескольких нормативно-правовых актов друг с другом: «Согласно основаниям временного постановления, опубликованного на следующий день, CAS основывал свое решение главным образом на том обстоятельстве, что УЕФА нарушил свои обязанности добросовестности и процедурной справедливости, поскольку он ввел Оспариваемое Правило слишком поздно, когда Регламент Кубка сезона 1998/99, не содержащий ограничений на множественное владение, уже был принят, и незадолго до начала сезона 1998/99, в то время как ENIC и его клубы могли правомерно ожидать, что никаких ограничений на указанный сезон не будет принято»¹⁹¹.

Кроме того, арбитраж справедливо прослеживает различные злоупотребления, связанные с доктриной правомерных ожиданий: «Никакие правомерные ожидания, препятствующие Международной федерации найти спортсмена, не удовлетворяющего квалификационным критериям, не имеющим права на участие в соревнованиях, не

---

¹⁸⁹ Arbitration CAS ad hoc Division (OG London) 12/006 Ángel Mullera Rodriguez v. Royal Spanish Athletics Federation (RFEA), Spanish Olympic Committee (COE) & Superior Sports Council (CSD), award of 1 August 2012, para. 14. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2012-006.pdf>

¹⁹⁰ Arbitration CAS ad hoc Division (OG Sochi) 14/001 Daniela Bauer v. Austrian Olympic Committee (AOC) & Austrian Ski Federation (ASF), award of 4 February 2014, para. 2. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2014-001.pdf>

¹⁹¹ Arbitration CAS 98/200 AEK Athens and SK Slavia Prague / Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 August 1999. – URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/200.pdf>

могут быть созданы, если IF никогда не делал в течение квалификационного периода заявления о том, что спортсмен имеет право на участие, никогда не давал индивидуальной гарантии спортсмену, что это будет так, и даже не общался непосредственно с ним»¹⁹².

Кузьмина-Крутецкая А.М.

Признание COVID-19 профессиональным заболеванием для медицинских работников

Согласно Указу Президента РФ от 06.05.2020 г. № 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников», медицинские работники, которые заразились коронавирусной инфекцией, умерли или получили группу инвалидности, могут рассчитывать на единовременные страховые выплаты. Однако деньги могут получить только те, кто заразился на рабочем месте. На практике складывается ситуация, что врачи испытывают огромные трудности в получении данных страховых выплат. Почему так происходит? Почему медикам так сложно доказать, что они получили заболевания на работе, и как решается вопрос расследования профессиональных заболеваний в России и в других странах? Эти вопросы будут рассмотрены в данной статье. Охрана труда в условиях пандемии – новый вопрос, который возник перед государственной и правовой системой. Данный кризис серьезно повлиял на сферу труда и, помимо безработицы, пагубно повлиял на условия и оплату труда и доступность социальной защиты.

Если обращаться к институту охраны труда, в первую очередь в нем выделяются нормы по социальному обеспечению работников в случае профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве. Обязательное социальное страхование работников предусматривает возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью работника, оплата расходов на медицинскую реабилитацию, обеспечение предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний, данный перечень обязательств регламентирует 125-ФЗ¹⁹³.

---

¹⁹² Arbitration CAS ad hoc Division (OG Sochi) 14/002 Clyde Getty v. International Ski Federation (FIS), award of 5 February 2014, para. 2. – URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/OG%2014-002.pdf>

¹⁹³ Федеральный закон от 24.07.1998 N 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболева-

В отличие от несчастного случая на производстве и острого профессионального заболевания, которые характеризуются внезапностью наступления, хронические профессиональные заболевания возникают с течением времени и поэтому установление факта заболевания, представляет большую трудность. Особенность установления такого юридического факта, как профессиональное заболевание, в первую очередь должно быть признано связанным с профессией. Приказом Минздравсоцразвития России¹⁹⁴ перечисляется список заболеваний, которые признаются профессиональными. Данный перечень является основным нормативно-правовым актом, на который ориентируются, когда признают диагноз профессиональным заболеванием. Относительно данного перечня в первую очередь встает вопрос: является он закрытым или открытым? Может ли рассчитывать работник на признание своего случая заболевания страховым, если его болезни нет в данном перечне?

Процедура признания заболевания профессиональным не совсем ясна, и можно сказать, что четко законодателем не определена, ссылаясь только на перечень, с которым не разрешен вопрос о его расширительном толковании. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ в п. 4 и 5 ст. 63 указывает: экспертиза связи заболевания с профессией проводится в целях установления причинно-следственной связи заболевания с профессиональной деятельностью; экспертиза связи заболевания с профессией проводится специализированной медицинской организацией или специализированным структурным подразделением медицинской организации в области профессиональной патологии при выявлении профессионального заболевания.

Экспертиза связи заболевания с профессией, по сути, является частью общего порядка расследования. Медицинское заключение о наличии или отсутствии профессионального заболевания выступает лишь как документ, на основании которого будет осуществляться процесс расследования причин возникновения профессионального заболевания, данный документ формален. Хотя в статье 63 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и указана экспертиза связи заболевания и профессии, и выделена в ка-

---

ний» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19559/ (дата обращения 15.03.2021).

¹⁹⁴ Приказ Минздравсоцразвития России от 27.04.2012 № 417 «Об утверждении перечня профессиональных заболеваний» // ИПО «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/70177874/> (дата обращения 15.03.2021).

честве отдельного вида медицинской экспертизы, данную процедуру нельзя считать в качестве основной при установлении юридического факта профессионального заболевания. Она призвана установить лишь диагноз «профзаболевание», которое оформляется особым документом – медицинским заключением. Постановка диагноза профессионального заболевания происходит после экспертизы связи заболевания с профессией или после проведения процедуры расследования профессионального заболевания? Что имеет большую юридическую силу – экспертиза или расследование и учет, или же это две части одного целого и они неотделимы?

Если рассматривать экспертизу как часть порядка расследования и учета, то заключение медиков будет выступать как основной документ, на базе которого будут расследоваться обстоятельства возникновения профессионального заболевания. Соответственно диагноз, который был поставлен с оформленным медицинским заключением, будет являться основанием для последующей процедуры расследования.

Можно сделать вывод, что отдельная экспертиза связи профессии и заболевания, хоть и предусмотрена, и выделена как отдельный вид медицинской экспертизы, – она не имеет возможности самостоятельного применения. Установление юридического факта профессионального заболевания относит нас к перечню профессиональных заболеваний. Само положение о расследовании исходит из того, что перечень является закрытым. Поскольку правовых процедур, позволяющих признать заболевание профессиональным, если оно не включено в перечень, не достаточно, можно сказать, что их практически нет. Перечень, конечно, не должен быть закрытым. МОТ рекомендует признавать заболевания, вызванные биологическими веществами, применяемыми на производстве, но не указанными в перечнях и списках профессиональных заболеваний, если установлена с научной точки зрения или определена методами, соответствующими национальным условиям или практике, прямая взаимосвязь между факторами воздействия этих биологических веществ, проистекающего вследствие трудовой деятельности, и заболеванием, приобретенным работником, – признавать заболевание профессиональным, не ссылаясь лишь на перечень, который не может учитывать все ситуации, которые могут происходить на производстве. Обязательное социальное страхование в первую очередь должно гарантировать поддержку и обеспечение работника, а не совпадение несчастного случая на производстве, с параметрами, установленными законодательством.

Если обращаться к Рекомендации МОТ¹⁹⁵, то в ней указано, что перечень заболеваний, прилагаемый к настоящей Рекомендации, должен регулярно пересматриваться и обновляться на трехсторонних совещаниях экспертов, созываемых Административным советом Международного бюро труда. Каждый подготовленный таким образом перечень представляется на утверждение Административного совета, который после утверждения заменяет предыдущий перечень и направляет его государствам-членам Международной организации труда.

Нужно отметить тот факт, что данный перечень имеет ряд открытых позиций, и эти открытые позиции как раз и дают возможность признавать новые заболевания – профессиональными. В том случае, если причинно-следственная связь между факторами риска, возникающими в ходе трудовой деятельности, и заболеванием, полученным работником, научно доказана или определена при помощи методов, соответствующих национальному законодательству и практике, то неупомянутое заболевание будет признаваться профессиональным. Точно можно утверждать, что МОТ не перечисляет в списке COVID-19, из вирусных упоминаются лишь гепатит С и гепатит В, ВИЧ, однако, как было сказано выше, перечень этот можно трактовать открыто, поэтому обратимся к статье 1.3.9: «Заболевания, вызванные другими биологическими веществами, применяемыми на производстве, не указанными в предыдущих пунктах, если установлена с научной точки зрения или определена методами, соответствующими национальным условиям или практике, прямая взаимосвязь между факторами воздействия этих биологических веществ, проистекающего вследствие трудовой деятельности, и заболеванием (или заболеваниями), приобретенным(и) работником».

Следовательно, чтобы можно было рассматривать COVID-19 как профессиональное заболевание, необходимо обнаружить прямую связь воздействия вируса на работника в процессе трудовой деятельности.

Необходимо научное обоснование связи тяжелого острого респираторного синдрома (SARS-CoV-2) и коронавирусной инфекция (COVID-19). Данный факт можно считать научно доказанным. Далее необходимо ответить на вопрос: есть ли причинно-следственной

---

¹⁹⁵ Рекомендация Международной организации труда от 20 июня 2002 года № 194 «О перечне профессиональных заболеваний, уведомлении о несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваниях и их регистрации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/499076401> (дата обращения 15.03.2021).

связь между выполнением трудовой функции и заражением? Если на этот вопрос будет дан положительный ответ, тогда можно будет говорить о том, что данное заболевание необходимо включить в перечень МОТ. И несмотря на то, что оно еще не включено в этот перечень, COVID-19 может быть признано профессиональным заболеванием, так как есть прямая связь воздействия вируса на работника в процессе трудовой деятельности. Соответственно данный перечень можно толковаться расширительно в силу статьи 1.3.9.

Не все страны толкуют перечень профессиональных заболеваний расширительно, поскольку у многих стран есть свои внутренние перечни профессиональных заболеваний и свои критерии оценки, которые используются для признания заболевания профессиональным.

В качестве примера страны, которая толковала перечень МОТ расширительно не только в плане признания COVID-19 профессиональным заболеванием, но и широко рассматривали вопрос установления причинно-следственной связи выполнения трудовой функции и заражения, можно привести Германию.

Германия также признала COVID-19 профессиональным заболеванием. В указ ВК 3101¹⁹⁶ была включена коронавирусная инфекция. Данное заболевание признается профессиональным для всех работников, оказывающих медицинские услуги. Учреждения, оказывающие медицинские услуги, по смыслу ВК 3101, это больницы, медицинские реабилитационные учреждения, стоматологии, аптеки, фельдшеры скорой помощи, медицинские сестры.

В круг лиц, которые покрываются обязательным страхованием при страховании от несчастных случаев, входят все лица, работающие в больницах, медицинских учреждениях, лабораториях на основании трудового договора. То же самое относится и к лицам, бесплатно помогающим в больницах, волонтерам и самозанятым медицинским работникам, если они прямо не освобождены от обязанности по страхованию по закону.

Причинно-следственная связь между трудовой деятельностью и заболеванием считается подтвержденной и заболевание признается покрываемым страховкой в Германии в случае, если был контакт по крайней мере с одним доказанным источником инфекции (например: пациенты, коллеги, посетители и т. д.). В круг лиц, которые покрываются обязательным страхованием при страховании от несчастных

---

¹⁹⁶ Bestimmte infektiöse und parasitäre Krankheiten. ВК 3103. – URL: https://www.dguv.de/bk-info/icd-10-kapitel/kapitel_01/bk3103/index.jsp (дата обращения 15.03.2021).

случаев, входят, все лица, работающие в больнице, медицинской практике, лабораториях или сестринском деле на основании трудового договора.

Более того, если не может быть подтверждено наличие контактов с пациентами, но при этом на работе была крупная последовательная вспышка заболеваний среди работников, то с учетом конкретных обстоятельств в области деятельности соответствующих лиц есть возможность доказать наличие профессионального заболевания в отдельных случаях.

В Российской Федерации признание COVID-19 профессиональным заболеванием медицинских работников происходило постепенно, в соответствии с развитием ситуации менялся подход законодателя к данной проблеме. Сначала Федеральной службой по труду и занятости в Фонд социального страхования было направлено письмо от 10.04.2020 № 550-ПР, основная мысль которого заключалась в том, что повреждение состояния здоровья работников в результате воздействия вредных или опасных факторов, присутствующих на рабочем месте, может расцениваться как профессиональное заболевание. Федеральная служба по труду и занятости утверждала, что случаи заражения медиков COVID-19 подлежат расследованию в соответствии с Постановлением Правительства № 967, согласно которому работодатель обязан создать комиссию по изучению обстоятельств возникновения профзаболевания. Для принятия решения ей необходим ряд документов, среди которых сведения о проведенных медицинских осмотрах, протоколы объяснений работника и опросов его коллег, копии документов, подтверждающих выдачу средств индивидуальной защиты, и другие. После этого комиссия составляет специальный акт, который утверждает главный санитарный врач субъекта России. Он и направляет документ работнику, его работодателю и страховщику (отделение ФСС).

Первым основным документом являлся Указ Президента РФ от 06.05.2020 г. N 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников», данный указ распространял свое действие на врачей, средний и младший медицинский персонал медицинских организаций, водителей автомобилей скорой медицинской помощи, непосредственно работающих с пациентами, у которых подтверждено наличие новой коронавирусной инфекции, и пациентами с подозрением на эту инфекцию. В данном Указе присутствует понятие «работники, непосредственно работающие с пациентами», вопрос о том, как толковать данный термин,

остаётся открытым. Проведение расследования описывается принятым Постановлением Правительства РФ № 695¹⁹⁷. Чтобы доказать право на получение страховых выплат и получить единовременную страховую выплату в соответствии с Указом Президента РФ от 06.05.2020 г. № 313 и обеспечение по страхованию в силу Федерального закона от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ, врачу необходимо представить результаты расследования страхового случая.

Как следует из Распоряжения Правительства от 15.05.2020 № 1272-р, компенсации действуют только для врачей, среднего и младшего медперсонала. Выплату они могут получить, если непосредственно работали с инфицированными пациентами, если есть лабораторное исследование, подтверждающее заболевание, и если на фоне коронавирусной инфекции развилось или обострилось другое заболевание.

Расследование проводится после выздоровления работника или после установления стойкой утраты профессиональной трудоспособности. Диагноз «COVID-19» должен быть выставлен в конце каждого эпизода оказания медицинской помощи. Диагноз устанавливается на основании типичных жалоб, анамнеза, объективных данных и информации о дополнительных методах обследования (функциональных, инструментальных, лабораторных). В медицинской документации обязательно отражается обоснование установленного диагноза в случаях, связанных с COVID-19 у врача, и копия лабораторных исследований, подтверждающая наличие у пациента, с которым был непосредственный контакт, коронавирусной инфекции.

Основной проблемой в данной системе является тот факт, что для получения страхования медицинским работникам необходимо доказывать факт заражения от пациента. Однако можно точно говорить, что причинно-следственной связью между трудовой деятельностью и заболеваниями охватывается возможность заражения не только от пациентов, но и от коллег. Также Указ Президента РФ не содержит конкретного перечня должностей или специальностей меди-

---

¹⁹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 16.05.2020 № 695 «Об утверждении Временного положения о расследовании страховых случаев причинения вреда здоровью медицинского работника в связи с развитием у него полученных при исполнении трудовых обязанностей заболевания (синдрома) или осложнения, вызванных подтвержденной лабораторными методами исследования новой коронавирусной инфекцией и повлекших за собой временную нетрудоспособность, но не приведших к инвалидности» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005180038> (дата обращения 15.03.2021).

цинских работников, определяя только, что они должны непосредственно работать с пациентами, у которых подтверждено наличие новой коронавирусной инфекции (COVID-19), и пациентами с подозрением на эту инфекцию, и при решении вопроса о расследовании и предоставлении страховой выплаты необходимо руководствоваться этими признаками. Страховая выплата должна осуществляться вне зависимости от установленной в ходе расследования вины работника или работодателя.

Список литературы:

1. Гребенщиков А.В., Доброхотова, Е.Н., Завгородний А.В., Иванкина Т.В., Коробченко В.В., Кузьменко, А.В., ... Хохлов Е.Б. Трудовое право России: учебник / Под ред. С.П. Маврина, Е.Б. Хохлова. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Норма, 2012.

2. Галаева Л.А. Анализ правовой регламентации установления юридического факта профессионального заболевания и его квалификации как страхового события в свете действующего трудового и социально-обеспечительного законодательства // Мир науки и образования. – 2017. – № 2 (10). – 4 с.

3. Захаров М.Л. Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и перспективы развития: монография. – М.: Проспект, 2013. – 312 с.

4. Nowak D., Ochmann U. et al. COVID-19 als Berufskrankheit oder Arbeitsunfall: Überlegungen zu Versicherungsschutz und Meldepflicht in der gesetzlichen Unfallversicherung // Dtsch Med Wochenschr. – 2021. – No. 146 (03). – Pp. 198-204. DOI: 10.1055/a-1341-7867

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

АХУНДОВА ЛЕЙЛА ГУСЕЙНОВНА, студент 1 курса очного юридического факультета Российского государственного университета правосудия.

ВЕТРОВА ЕВГЕНИЯ GERMANOVNA, студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ЗАТУЛА ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета.

ИВАНОВА ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, аспирант кафедры теории государства и права Мурманского арктического государственного университета.

ИЛЮШКИН МАКСИМ ВАДИМОВИЧ, студент Поволжского института управления им. П.А. СТОЛЫПИНА – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ИСАЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, юрист, студент 2 курса магистратуры факультета «Экономики и права» РЭУ им. Г.В. Плеханова.

КАДЫРОВА ЛЕНАРА АЛИШЕРОВНА, аспирант 2 курса кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

КАШАЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, студент 1 курса магистратуры «Юрист в сфере спортивного права (спортивный юрист)» Санкт-Петербургского государственного университета.

КИРСАНОВА ДАРИЯ ДЕНИСОВНА, студентка 4 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

КУЗЬМИНА-КРУТЕЦКАЯ АННА МИХАЙЛОВНА, студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

КУЛЮКИН АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ, аспирант кафедры теории и истории государства и права Мурманского арктического государственного университета.

ЛАРИН ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ, студент-магистрант юридического института Балтийского Федерального Университета имени Иммануила Канта.

МИЩЕНКО АЛИНА ЮРЬЕВНА, студент 3 курса Саратовской государственной юридической академии.

СЕМЕНОВА АНАСТАСИЯ ДМИТРИЕВНА, студент 2 курса магистратуры факультета подготовки специалистов для судебной си-

стемы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

УСОЛЬЦЕВ ЕГОР ЮРЬЕВИЧ, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ», мировой судья в отставке.

ФЕОДОРОВА МАРИАННА ХРИСТЕФОРОВНА, аспирант кафедры теории и истории права и государства Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

ХОЖИМУРОДОВА ДИЕРА ТУХТАМУРОДОВНА, студентка 2 курса Ташкентского государственного юридического университета

ЧЕСТНОВ АРСЕНИЙ ИЛЬИЧ, магистрант кафедры морских информационных систем Института информационных систем и геотехнологий при Российском государственном гидрометеорологическом университете.

ЮНУСОВ АКМАЛ МАХМУДОВИЧ, студент 3 курса Саратовской государственной юридической академии.

ЯРОЦКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ, студент кафедры морских информационных систем Института информационных систем и геотехнологий при Российском государственном гидрометеорологическом университете.

Научное издание

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции
9 апреля 2021 г.

Составители и редакторы:

ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА,
заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой
общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,

доктор юридических наук, профессор;

КОСОВСКАЯ ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
доцент кафедры международного права Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена,

кандидат юридических наук, доцент;

АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук

Технические редакторы:

АНДРИАНОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА,
специалист по обработке научной информации 1 категории
Северо-Западного филиала

Российского государственного университета правосудия;

БЕЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
специалист по научно-методической работе Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия

ЦНИТ «Астерион»

Подп. в печать 30.11.2021. Формат 60 × 84 1/16.

Заказ № 196. Бумага офсетная. Печ. л. 9,125. Тираж 300.

191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📌: https://vk.com/asterion_izdatelstvo